

18+

Елена Свиридова

ЛЕГЕНДА АРАГОНА

Елена Свиридова

Легенда Арагона. Издание второе

«Издательские решения»

Свиридова Е.

Легенда Арагона. Издание второе / Е. Свиридова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-697364-0

Плавное течение первых ознакомительных глав вдруг переходит в волнующее повествование о череде таинственных событий. С этой минуты вы потеряете покой и начнёте переживать за полюбившихся вам героев. Захватывающий сюжет не позволит вам расслабиться ни на минуту. Развязка настолько непредсказуема, что её никто не сможет предугадать. Смело и с наслаждением берите в руки эту книгу и погружайтесь в мир, который вы уже не сможете забыть, как легенду, удивительный мир средневековой Испании...

ISBN 978-5-00-697364-0

© Свиридова Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	13
Глава IV	16
Глава V	21
Глава VI	25
Глава VII	28
Глава VIII	31
Глава IX	32
Глава X	37
Глава XI	39
Глава XII	45
Глава XIII	48
Глава XIV	51
Глава XV	56
Глава XVI	62
Глава XVII	65
Глава XVIII	70
Глава XIX	75
Глава XX	84
Глава XXI	90
Глава XXII	99
Глава XXIII	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Легенда Арагона Издание второе

Елена Свиридова

Дизайн логотипа Эдуард Толстиков

Фотограф Илья Монеткин

© Елена Свиридова, 2026

© Илья Монеткин, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0069-7364-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман для тех, кто чист душой,
Для тех, кто сердцем молодой,
Для четверых моих детей —
И сыновей, и дочерей.

И четверо героев в нём
Пред Богом и пред Королём.
Судьба им светлая дана —
Легендой станут имена.

Пусть пролетят за годом год,
Уйти придёт и мой черёд.
Веков связующая нить,
В героях я останусь жить.

Меня Господь благословил,
Рукой моею Он водил.
В душе Испания жива,
Любовь,
и дружба,
и борьба...

Елена Свиридова

Глава I

Придёт XV столетие от Рождества Христова. Династический союз между Коронай Арагона и Коронай Кастилии создаст сильное государство, которое будет называться Королевство Испания. Великая страна перестанет дробиться и делиться феодалами, она станет, наконец, единой.

А пока...

За два столетия до этого времени в северной части Арагона, в долине реки Синка, где распростёрлись владения четырёх старинных замков, произойдут события, которые долго будут помнить потомки и передавать рассказы о них из уст в уста. Нет, наши герои не короли и не принцессы, но их жизнь станет легендой... легендой Арагона.

Дон Эрнесто Фернандес, граф де Ла Роса де Уэска торопил коня и с волнением оглядывался по сторонам. Сопровождаемый небольшим отрядом воинов, граф возвращался с войны, на которой провёл долгие пять лет, освобождая от мавров один испанский город за другим.

И вот он снова видит родные места!

Воздух Арагона, наполненный осенней свежестью и запахом успевших опасть листьев клёна, опьяняет и в то же время бодрит, и с лица графа не сходит улыбка. Ему до смерти надоели пейзажи юга с яркими красками, высоким, но чужим, небом, с выжженной солнцем травой, с пересохшими руслами мелких речек. Аллеи кипарисов и пальм наводили на него тоску.

Все эти годы он скучал по лесам и цветущим долинам Арагона, ему снились полноводные реки и уходящие за облака горные хребты.

Осторожно переведя коней через Синку по узкому деревянному мосту, отряд въехал в рощу, за которой начинались владения графа де Ла Роса.

Громкий и неожиданный стук над головой заставил дону Эрнесто вздрогнуть. Он посмотрел вверх и увидел на высокой старой сосне большого дятла. Оперение птицы ярко раскрасила щедрая кисть природы. Дятел спокойно и сосредоточенно трудился и не обратил внимания ни на людей внизу, ни на белку, рыжей тенью промелькнувшую мимо него, ни на куницу, которая, ловко изгибая длинное коричневое тело, мчалась за своей ускользающей жертвой.

– А ведь не догонит! – услышал граф голос своего оруженосца Хорхе Валадаса.

Хорхе тоже с улыбкой смотрел вслед белке и кунице сквозь поредевшую листву деревьев.

– Да, вот мы и дома, – задумчиво проговорил граф и скользнул взглядом по лицу спящей девочки, которую держал впереди себя на коне Валадас.

Пряди чёрных волос лежали на её по-детски пухлой щеке. Смуглое лицо выглядело умиротворённым, но глаза под тонкими веками беспокойно двигались.

– Разбудить, сеньор? – негромко спросил Хорхе, заметив, что граф смотрит на девочку.

– Нет, нет! – словно очнувшись, сказал Ла Роса. – Просто я сейчас подумал о своих детях. Целых пять лет я ничего не знаю о них. Живы ли мои дочь и сын, здоровы ли? Не случилась ли какая беда?

– Бог с Вами, дон Эрнесто! Зачем думать о плохом? Ведь в замке остался дон Себастьян.

– Да, Себастьян – верный вассал и надёжный друг, – несколько приободрённый взволнованными словами Хорхе, ответил граф. – Ты прав, не будем думать о плохом, лучше поспешим в замок.

И всё же не тревожиться за судьбу своих детей граф де Ла Роса не мог, ведь они были ещё так малы! Алетее Долорес недавно исполнилось всего семь лет, а Рафаэлю Эрнесто – шесть, совсем как этой мавританской девочке, которую он спас от расправы над нею жестокосердным воином и теперь везёт в своё родовое имение.

Дон Эрнесто честно признавался самому себе, что возвращается домой благодаря именно этому ребёнку.

А было вот как.

Граф де Ла Роса в числе других воинов Короля дона Хайме I Завоевателя с криком «Крест и Святой Яго!» ворвался в занятый маврами очередной испанский город в провинции Альбасете. Неверные в панике убежали прочь.

И вдруг дон Эрнесто увидел, как из-за угла дома выбежала женщина-мавританка, крепко держа за руку маленькую девочку, едва поспевавшую за ней. И хотя семьи воинов-мавров принято было не трогать, один из незнакомых графу де Ла Роса воинов вдруг пришпорил коня и, догнав женщину, на скаку снёс ей мечом голову. Голова несчастной упала прямо к ногам на смерть перепуганного ребёнка.

Волна негодования захлестнула дону Эрнесто. Не помня себя, он ринулся к бессердечному вояке и насквозь пронзил его своим копьём. Потом спрыгнул с седла, наклонился над утратившей чувства девочкой и похлопал её ладонью по щеке. Однако та не приходила в себя. Как истинный христианин, не желая смерти ребёнку, дон Эрнесто поднял девочку к себе в седло и отправился искать лекаря.

Только глубокой ночью, растёртая душистыми мазями и отварами из трав, девочка, наконец, пришла в себя. В первые минуты граф подумал, что она станет относиться к нему враждебно, но он ошибся. Маленькая мавританка порывисто прильнула к нему. Она всё помнила, и этот человек теперь был для неё единственным защитником в кровавом ужасе войны. Потом она о чём-то быстро заговорила на своём языке, преданно заглядывая в его лицо. Но граф не понимал, к тому же оказалось, что девочка сильно заикается. Было ли это у неё от рождения или явилось результатом потрясения, дон Эрнесто не знал, но он испытал к несчастному ребёнку ещё большую жалость. Он привлёк девочку к груди и ласково погладил её спутанные волосы.

И в эту минуту память, глубоко спрятанная в его душе, память, которую он упорно гнал прочь, проступила с такой отчётливостью, как будто вмиг разрушила все преграды и вырвалась на свободу из долгого заточения.

В какие-то мгновения перед графом де Ла Роса промелькнула вся его жизнь.

Вот он, единственный наследник знатного рода, семнадцатилетним юношей, в полном боевом снаряжении, в тяжёлых доспехах, уезжает из замка в свой первый военный поход против мавров, который продлится четыре года.

Вот ему приходит известие о кончине отца, и он возвращается.

Затем идут ещё четыре года, проведённые молодым графом, всегда стремившимся к знаниям, в Кордовском университете, где он, словно губка, жадно впитывал в себя всё, чему учили тогдашних студентов известные профессора, последователи Ибн Баджи, Ибн Рушда, Ибн аль-Хатиба и других знаменитых учёных и мыслителей...

Смерть матери вновь заставляет его вернуться в родовое имение.

Спустя полгода он знакомится на крестьянском празднике с озорной красавицей Эсперансой и без памяти влюбляется в неё.

Прадед Эсперансы привёл свою семью в долину реки Синка из-за гор, из далёкой северной страны. У него и его жены были синие глаза и очень светлые волосы. И это унаследовала Эсперанса, хотя дед и мать её были уже смуглыми и темноглазыми арагонцами.

Весёлая, подвижная, ловкая в работе и острая на язык синеглазая красавица не могла остаться незамеченной молодым графом де Ла Роса, который не стыдился общаться со своими крестьянами, многим оказывал помощь в хозяйстве, знал десятки имён и не забывал о том, что его замок и он сам существуют благодаря труду всех этих людей.

Стройный и сильный, весьма привлекательной наружности, дон Эрнесто к тому же был мягок и вежлив. Как бы то ни было, но Эсперанса ответила ему взаимностью. В те времена ещё не были сильны сословные предрассудки, и вскоре крестьяне отпраздновали свадьбу своего сеньора.

Радостным событием для молодой четы было рождение дочери. Через год обожаемая супруга подарила графу де Ла Роса крепкого мальчонку, а ещё через год... умерла от нелепой простуды, казавшейся вначале такой безобидной...

Невыразимые страдания, за долгие годы утратившие было свою остроту, вновь обрушились на дона Эрнесто, всё ещё прижимавшего к себе мавританскую девочку. Времени, прожитого им после смерти Эсперансы в родовом замке, граф сейчас не помнил, как не помнят тяжёлого бреда.

А прожил он в безысходном горе около пяти месяцев и уже сам был близок к безумию или же смерти, когда его верный вассал, идальго дон Себастьян Тобеньяс сказал графу, что пришло письмо от Короля: дон Педро III Великий, наслышанный о воинских доблестях графа де Ла Роса от своего предшественника, хочет познакомиться с доном Эрнесто лично и зовёт его к себе на службу.

Позднее граф узнал, что Тобеньяс, желая спасти своего убитого горем сеньора, ездил к правителю, недавно вступившему на трон Короны Арагона, и имел с ним разговор относительно дона Эрнесто Фернандеса де Ла Роса де Уэска.

Уловка дона Себастьяна удалась, и граф, оставив под защитой преданного вассала свой замок и малолетних детей, уехал на войну и провёл на ней пять лет.

Теперь же дона Эрнесто жёг невыразимый стыд от того, что он так надолго покинул своих детей, что ни разу не послал о себе никакого известия в замок, что он даже не помнил лиц ни дочери, ни сына...

И внезапно возникшая тревога за судьбу детей заставила его принять решение: вернуться! Не медля, вернуться! Он выполнил свой воинский долг и теперь, в 33 года, должен посвятить жизнь воспитанию девочки и мальчика, которых родила ему бесконечно дорогая женщина...

«Возьму её с собой, – подумал граф о мавританке. – Пока маленькая, будет дружить с Алетей Долорес, а потом станет её горничной».

– Как тебя зовут? – произнёс он вслух.

Девочка не поняла его.

Тогда граф показал пальцем на свою грудь и сказал:

– Дон Эрнесто. А ты?

На этот раз она догадалась и назвала какое-то мудрёное мавританское имя. Граф поморщился и затряс головой:

– Ну, уж нет!.. Ты будешь... Маурой. Хорошо? Ма-у-ра.

Он опять показал на себя, а потом на свою маленькую собеседницу:

– Дон Эрнесто – Маура. Поняла?

Девочка согласно кивнула и повторила:

– М-Маура.

...И вот взору дона Эрнесто Фернандеса де Ла Роса де Уэска предстали его собственные владения, и он с облегчением отметил, что крестьянские хозяйства выглядят вполне зажиточно, а значит, в оставленном им замке правит дон Себастьян Тобеньяс, который всегда в точности выполнял его наказания и просьбы.

Проезжая через деревни, отряд вызвал большое оживление. Люди выбегали из домов, махали руками, приветствовали своего сеньора радостными возгласами.

Дон Эрнесто был тронут тем, что крестьяне так любят его. Добрый по природе, он сам любил их.

Уже вечерело, когда, наконец, перед глазами усталых путников во всём своём величии вырос замок Ла Роса с мощными стенами и зубчатыми башнями.

Замок был возведён на скалах, за которыми уже начинались горы, уходящие вершинами под облака.

Впереди замок полукольцом огибал широкий ров, наполовину заполненный водой. Хотя близилась ночь, мост через ров не был поднят: по-видимому, дон Себастьян не опасался нападения никаких врагов.

Непроизвольно прижимая ладонь к груди, словно пытаясь успокоить готовое выпрыгнуть от волнения сердце, дон Эрнесто придержал коня, а когда к нему подъехал Валадас, хрипло сказал:

– Труби в рог, Хорхе. Нас, несомненно, видят со стен, но, возможно, не видят знамя. Себастьян узнает звук моего рога... Труби, Хорхе!

Маура уже не спала. Она таращила глазёнки на громаду незнакомого замка в красноватых отблесках вечернего солнца.

Хорхе привстал на стременах и высоко поднял рог. Резкий звук пронзил мирную тишину погожего осеннего вечера и пропал где-то в горах, но вскоре вернулся далёким эхом, а вслед за эхом откликнулся звонкий голос другого рога, радостно приветствующий всадников и зовущий их домой.

Глава II

Замок Ла Роса стоял уже два века. Предок дон Эрнесто по имени Мигель Фернандес получил от Короля Арагона и Наварры дон Педро I личное дворянство, а также большой земельный надел вместе с крестьянами, – за воинские заслуги. Руками этих крестьян и был возведён замок. Они же дали ему имя по названию цветов, особенно любимых и заботливо выращиваемых супругой дон Мигеля. И хотя внешне мощная крепость не имела ничего общего с нежным цветком, внутри, за неприступными стенами, в большом саду замка, розы росли в изобилии.

Нежный, изысканный аромат наполнял двор и помещения замка. Казалось, он незримым облаком окутывает всю эту тёмно-серую громаду стен, башен, остроконечных крыш.

Имя Ла Роса принадлежало не только замку и ближайшей к нему деревне, оно было составной частью фамилии всего рода графов, обосновавшихся здесь и уважаемых крестьянами за справедливость и доброту. В разговорах между собой крестьяне никогда не упоминали фамилию Фернандес. Дона Эрнесто они так и называли «граф де Ла Роса» или «сеньор де Ла Роса».

Едва дон Эрнесто во главе своего отряда подъехал к главным воротам, как они с тяжёлым скрипом отворились, и, оказавшись во внутреннем дворе, граф увидел спешащего к нему Тобеньяса. Он был рад снова видеть этого дородного бородатого человека. Широкая борода, щёлочки всегда смеющихся глаз, толстый нос не только не портили его лицо, но напротив, делали его очень милым и необыкновенно добрым.

Дон Эрнесто спрыгнул с коня, и друзья крепко обнялись.

Солнце только что село, а за высокими стенами замка уже давно было темно. Несколько воинов по знаку дон Себастьяна поспешно зажигали факелы по всему двору.

Вслед за Тобеньясом появились слуги и мастеровые. Однако они остались в почтительном отдалении от прибывших и только радостно улыбались.

Граф был оживлён, громко смеялся и хлопал своего друга по плечу. Потом он обернулся к отряду и сделал знак, что можно спешиться и отдыхать. Воины стали стаскивать с себя тяжёлые латы. Затем они передали коней, также защищённых доспехами, подошедшим конюхам и, наконец, попали в объятия своих родственников.

Дон Эрнесто с улыбкой смотрел на эту радостную встречу. И вдруг он увидел, что прямо к нему направляется мальчик, стоявший впереди всех, которого он поначалу принял за сынишку одного из мастеровых. Поэтому он вздрогнул, когда дон Себастьян шепнул ему:

– Это Рафаэлито, Ваш сын...

У графа на миг перехватило дыханье. Он стал пристально и жадно разглядывать идущего к нему мальчика.

Лицо Рафаэля Эрнесто было очень смуглым, и сейчас, в густом вечернем сумраке, его трудно было как следует разглядеть. Граф хорошо видел только длинные чёрные кудри, которые доставали до плеч мальчика, и ещё заметил, что он одет просто, ничем особенно не отличаясь от окружающих, разве что небольшой кружевной воротничок говорил о том, что это, действительно, маленький сеньор. Мальчик шёл не спеша и уверенно, его голова была горделиво приподнята.

Дон Эрнесто замер, как замороженный, и не знал, что сказать, когда мальчик подошёл. Однако тот заговорил первым.

– Сеньор, это правда, что Вы – мой отец?

Сейчас лицо сына было хорошо освещено факелом, и граф увидел, что у ребёнка яркосиние глаза, совсем как у Эсперансы...

А Рафаэль Эрнесто, в свою очередь, внимательно разглядывал прибывшего сеньора, о котором дон Себастьян недавно с радостью сказал ему: «Приехал твой отец, Рафаэлито!» От взора мальчика не ускользнули ни кольчуга, надетая поверх рубашки из плотной ткани, ни меч в ножнах, прикреплённых ремнём к поясу, ни стоящие у стены длинное копьё и большой щит, каким можно было бы прикрыться взрослому рыцарю с головы до ног, ни шлем с забралом, который сеньор держал в руке и на металле которого поблёскивали отсветы пламени. И Рафаэль Эрнесто, не обратив внимания на то, что ему не ответили, удовлетворённо сказал:

– Если Вы, и правда, мой отец, то для рыцаря выглядите совсем не плохо. Вы мне нравитесь.

Граф растерянно обернулся к Тобеньясу. Тот незаметно толкнул его в бок, мол, не тушуйтесь, сеньор, то ли ещё услышите!

– Спасибо, Рафаэлито, – наконец обрёл дар речи дон Эрнесто.

– Сеньор, я бы предпочёл, чтобы Вы называли меня полным именем. Это дядюшке Себасу простительно говорить «Рафаэлито», – он даже иронично скривил губы, – а вообще я Рафаэль Эрнесто. Надеюсь, Вы это знаете?

– О да, Рафаэль Эрнесто! – сказал граф. – Но, в таком случае, и у меня к Вам, мой друг, есть просьба.

– Да? Какая же? – удивлённо поднял брови мальчик. Ему понравилось, что к нему обращаются, как к взрослому. Он сразу почувствовал расположение к этому незнакомому человеку.

– Не говорите мне «сеньор», ведь я – Ваш отец.

– Как пожелаете! – белозубая улыбка осветила смуглое лицо Рафаэля Эрнесто.

– Обнимитесь же! – не выдержал и почти взмолился Тобеньяс. – Разве так встречаются отец и сын?!

Граф опустил на одно колено и, положив на землю шлем, протянул к сыну обе руки. Тот вдруг засмеялся и, бросившись в его объятия, крепко обвил ручонками шею.

Тобеньяс и все, кто видел эту трогательную сцену, начали утирать слёзы. А Рафаэль Эрнесто тихо спросил:

– Отец, Вы больше не уедете?

– Нет, сынок, я не уеду.

Мальчик вдруг отстранился от него, как будто о чём-то вспомнил, и сказал:

– Отец, позвольте мне сбегать позвать Лету.

– Лету? – не поняв, переспросил граф.

– Сеньор, Рафаэлито так называет свою сестру, Вашу дочь, Алетею Долорес, – пояснил Тобеньяс.

– Разве она не знает?.. – озадаченно посмотрел на друга Ла Роса.

– Наверное, ей уже сказали, – откликнулся Рафаэль Эрнесто. – Дон Себастьян сообщил бабушке Хулии, я слышал, а она сказала, что скажет Лете после вечерней молитвы...

– Да вон они, Рафаэлито, – прервал его вдруг дон Себастьян, указывая куда-то в толпу слуг и мастеровых.

В первую минуту граф де Ла Роса никого не увидел. Но вот люди расступились и пропустили пожилую женщину, которая вела за руку девочку с непокрытыми, очень светлыми волосами.

Граф отпустил из объятий Рафаэля Эрнесто и поднялся с колена. В эту минуту он не видел своей дочери, он смотрел лишь на одетую по-крестьянски женщину со строгим спокойным лицом.

– Донья Хулия воспитывает Ваших детей, сеньор, с тех пор, как Вы уехали... – услышал граф негромкие слова друга.

И вот мать Эсперансы стояла перед ним и испытующе смотрела в его лицо. Из-под чёрной шали выбилась прядь седых волос, губы были плотно и скорбно сжаты...

Дон Эрнесто взял её руку и поцеловал, а потом вдруг упал, как подкошенный, на оба колена и припал губами к краю её платья.

Донья Хулия осторожно и ласково провела рукой по его жёстким волосам и сказала по-матерински просто:

– Встань, сынок. То, что было, забудется, а то, что будет... в том помогут Господь и Пресвятая Дева.

Дон Эрнесто повиновался. Он с трудом справился с волнением и тихо проговорил:

– Madre... Простите меня.

В ответ донья Хулия впервые за долгое время улыбнулась и, ласково глядя на высокого графа снизу вверх, сказала:

– Ты уже прощён Господом. Он не отвернулся от тебя, и это главное.

– Спасибо, madre! Спасибо Вам за всё! – и граф тоже улыбнулся.

Потом он горячо обнял потянувшуюся к нему дочку.

Немного отстранив хрупкое семилетнее создание, граф уже весело сказал:

– Дайте-ка, посмотрю на Вас, донья Алетея Долорес. Вы такая же смелая, как и Ваш брат? – и он метнул смеющийся взгляд в сторону Рафаэля Эрнесто, который в эту минуту пытался примерить его боевой шлем.

Девочка, застыдившись, опустила тёмные глазки, почти прикрыв их длинными густыми ресницами. Её белокурые волосы немного растрепались, и в свете факелов казалось, будто вокруг головы сияет небесный ореол. Восхищённый, граф не мог отвести взгляд от этого чудесного ангела.

– Я сразу узнала Вас, отец, – сказала вдруг Алетея Долорес и снова подняла к нему лицо. – Я каждый день смотрю на Ваш большой портрет в верхнем зале. У Вас такие же коричневые глаза, как на портрете, и длинные волосы, и нос прямой. Только там Вы без бороды, такой молодой и красивый! Она Вам не идёт, отец.

– Правда? – граф растерянно схватился за подбородок, а Тобеньяс вдруг громко и раскатисто захохотал.

Бесхитростные слова, произнесённые маленькой графиней, будто сняли незримое напряжение со всех близких людей. Засмеялся и граф, и донья Хулия, и сама виновница этого веселья, счастливо обнимавшая отца, которого так любила и так ждала... И только Рафаэль Эрнесто, сосредоточенно сопя, вынимал из ножен только что снятое графом боевое оружие, и было непонятно, как такой маленький мальчик вообще смог поднять большой меч.

Глава III

Опасливо оглядываясь по сторонам на окружающих мужчин и женщин и тщетно пытаюсь что-либо понять из их речи, Маура цепко держалась обеими ручонками за широкую ладонь Хорхе. Она уже привыкла к этому большому воину, как привыкла ко всем его товарищам, которые были к ней добры, иногда играли с ней и угощали лакомствами.

Вдруг к её плечу кто-то прикоснулся, и Маура увидела мальчика, очень похожего лицом на воина Хорхе. Мальчик был, несомненно, старше её, но он так весело подмигнул ей, что Маура сразу поняла: это друг.

– Как ты вырос, братишка! – сказал Хорхе, входя вслед за матерью и двенадцатилетним братом Карлосом в небольшое тёплое помещение, где они всегда жили.

Роса Валадас, полная улыбчивая женщина с розовыми и рыхлыми от постоянной стирки руками прачки снова крепко обняла вернувшегося сына и, утирая влажные глаза кончиком большого платка, накинутого ей на плечи, спросила:

– А как же отец, Хорхе? Погиб он, да?

– Да, – беря её за руки, подтвердил Хорхе печальную догадку Росы.

– Я знала, я это чувствовала, – бессильно опускаясь на длинную скамью у стены, покорно сказала мать. – Хосе не следовало отправляться на войну, ведь он был уже не молод, – все ему говорили! Но он разве кого-нибудь послушает?.. Да и этот мерзавец Педро Вальдес хотел от него избавиться...

– Сам-то Бычий Глаз не поехал!

Бычьим Глазом обитатели замка называли начальника стражи, у которого при взрывах ярости глаза наливались кровью, как у быка.

Детский смех прервал их разговор. Шалун Карлос пощекотал босую ножку Мауры, которую та протянула было поближе к тёплой печи.

Роса и Хорхе переглянулись. Маура, метнув в их сторону быстрый взгляд, съёжилась, потом подобрала ножки под себя и, прикрыв их длинным платьем, исподлобья посмотрела на Карлоса.

– Кукла, прямо как та, что у сеньориты, только живая! – с восторгом сказал тот. – Мама, ну посмотри, какие у неё чёрные и блестящие глазки!

– Карлос любит малышей, – с улыбкой заметила Роса. – Соберёт их всегда вокруг себя целую ораву, и бегают по двору, пока Бычий Глаз не разгонит... А эта девочка? Ты обещал рассказать, сынок. Кто она? Молчит всё время.

– Дон Эрнесто назвал её Маурой, потому что мавританка. Она не понимает по-нашему, вот и молчит, да ещё, наверно, робеет. Чужие вокруг! А куда ей, сироте, деваться?

– Говоришь, мавританка... – протянула озадаченно Роса. – Я их никогда не видела, мавров-то. Смугленькая! А зачем наш граф её взял?

– Дон Эрнесто спас Мауру. Один воин хотел её убить, так же, как и её мать. Той он вообще отрубил голову (Роса ахнула) ... Ну да... А дон Эрнесто успел, значит, пронзить того воина копьём, чтобы не убивал женщин и детей.

– Хорхе! – помолчав, встрепнулась Роса. – А что, сеньор граф опять поедет на войну?

– Нет, – успокоил её сын. – Дон Эрнесто сказал нашему Королю, что оставляет военную службу навсегда.

– Слава Иисусу и Пресвятой Деве! – впервые радостно воскликнула Роса. – Да что же я сию! Ты ведь, поди, голодный! И девчушка эта!.. Гляди-ка, улыбается Карлосу, а то всё волчонком смотрела...

– Хорхе! – откликнулся Карлос. – Маура теперь с нами будет жить?

– Не знаю. Пока, наверно, с нами, – пожал плечами Хорхе. – А вообще дон Эрнесто говорил, что Маура будет горничной доньи Алетеи Долорес, когда вырастет.

– Ну-у, это когда будет! – протянул Карлос. – А пока, значит, с нами. Вот здорово! Я её научу по-нашему разговаривать.

– Карлос, иди-ка сюда, – в свою очередь позвал брата Хорхе. – Я для тебя кое-что привёз, – и он открыл свой дорожный сундучок, а потом протянул Карлосу небольшой великолепный клинок. Ножны и рукоять так и блестели невиданными драгоценными камнями, которые переливались всеми цветами радуги.

У Карлоса заблестели глаза, а мать всплеснула руками:

– Хорхе! Да ведь он ещё мал, а ты ему оружие даришь!

– Вовсе не мал! – обиженно воскликнул Карлос и осторожно взял в руки драгоценный подарок.

– Спасибо, брат! – наконец сказал он, с горячей благодарностью глядя на улыбающегося Хорхе. – Я с этим клинком не расстанусь до самой своей смерти!

* * *

В это время граф де Ла Роса разбирал в своей библиотеке только что привезённые рукописи.

Донья Хулия увела детей спать, Тобеньяс отправился звать переписчиков, которые давно жили в замке без дела и которым дон Эрнесто теперь собирался показать книги для переписывания.

Опустошив дорожный сундук, граф с удовлетворённой улыбкой окинул взглядом большой зал, три стены которого снизу доверху были покрыты стеллажами с самыми разными книгами.

Внушительная библиотека была его гордостью и самым большим богатством. Каждая книга имела свой неповторимый переплёт. Люди, которых он держал для этого, знали своё дело, и граф был ими доволен, не поручая переписчикам и переплётчикам никакой другой работы в замке.

Углублённый в чтение каталога и рассматривание привезённых книг, дон Эрнесто не сразу заметил появление сына.

Рафаэль Эрнесто стоял у двери в ночной пижамке, любовно сшитой для него местными швеями. Он наблюдал за отцом и терпеливо ждал, когда тот обратит на него внимание.

И вот граф, записав что-то на листе бумаги, взял со стола две книги и направился с ними к одному из стеллажей.

– Рафаэль Эрнесто! – воскликнул он, увидев мальчика. – Что Вы здесь делаете в такой поздний час?!

– Отец, Вы убивали на войне? – вместо ответа серьёзно спросил Рафаэль Эрнесто, и в этом вопросе граф уловил горячее желание больше узнать о нём, его отце, и о войне, с которой он вернулся.

Решив, что разговор стоит поддержать, Ла Роса жестом пригласил сына занять кресло у стола и сам сел напротив.

– Итак, Вы хотите знать, убивал ли я на войне? (Рафаэль Эрнесто согласно кивнул). Да, убивал, на то она и война.

– Что ж это, отец, мавры до сих пор занимают наши города и земли?! – воскликнул Рафаэль Эрнесто.

– Они уже слабы и живут на небольшой территории, – ответил граф. – Сейчас они владеют только самыми южными провинциями, там Гранадский Эмират.

– Выходит, Реконкиста скоро завершится? – разочарованно протянул Рафаэль Эрнесто.

– Я думаю, что не так уж и скоро, – грустно улыбнувшись, ответил граф. – Ещё не одно поколение прольёт кровь на этой долгой, но святой войне.

– Значит, и я смогу воевать! – обрадованно воскликнул мальчик и даже соскочил с кресла.

– Пожалуй, да, – вздохнул граф, – но не раньше, чем Вам исполнится шестнадцать лет.

– Это ничего, отец! – не огорчился Рафаэль Эрнесто. – К тому времени я успею как следует подготовиться и дам такой отпор неверным, что меня будет знать каждый мавр и будет удирать со всех ног, едва услышит моё имя!

– Мой юный рыцарь! – положил ему руку на плечо дон Эрнесто. – Такой славы среди мавров удостоился только Сид Кампеадор, не думаю, чтобы кто-то затмил эту славу, каким бы знатым ни было его собственное имя и каким бы смелым ни был сам воин.

– Сид Кампеадор? – озадаченно присел на краешек кресла младший Ла Роса. – Что означает слово «Сид»? – поднял он глаза на отца.

– По-арабски это слово значит «господин». Так мавры называли кастильского рыцаря Родриго Диаса де Бивар. За всё время Реконкисты никто не прославился больше, чем этот храбрый человек. Один неизвестный хугляр сложил о нём поэму, она так и называется – «Песнь о моём Сиде»... Да вот, кстати, это прекрасное сочинение, я только что просматривал его, – и граф, взяв со стола книгу в дорогом переплёте, протянул её сыну.

Тот принял книгу с трепетом, как некую драгоценную реликвию и с отчаянием в голосе сказал:

– Я хочу её прочитать! Отец, научи меня!

– Конечно, – успокоил его граф. – Я сам начинал знакомиться с буквами в твоём возрасте и без особого труда одолел эту науку... Но сейчас... Обещай мне, Рафаэль Эрнесто, что сейчас ты пойдёшь спать, а учение мы начнём завтра.

– После утренней молитвы? – обрадованно воскликнул юный Ла Роса.

– Да, мой друг, я обещаю, – твёрдо заверил его граф.

Глава IV

Едва закрылась дверь за Рафаэлем Эрнесто, уносившим с собой поэму о Сиде, как вошёл Тобеньяс.

– Я не стал мешать Вашей беседе с сыном, дон Эрнесто.

– Спасибо, Себастьян, я догадался об этом.

– Я сначала думал, что вы разговариваете с тем странным человеком, который тенью ходит по дому и от всех прячется.

– О ком ты говоришь, Себастьян? – удивился дон Эрнесто.

– Как, сеньор, Вы забыли?.. Кажется, его зовут Алонсо, но мне так и не удалось ни разу поговорить с ним.

И граф де Ла Роса вспомнил...

Незадолго до своего отъезда на войну он выехал на прогулку в горы, так как затворническая жизнь в замке начинала его беспокоить: дону Эрнесто повсюду ясно виделся призрак Эсперансы. Вот она, смеясь, выглядывает из-за угла тёмного коридора; вот машет факелом в глубине ночного двора; вот склоняется над его постелью и кладёт руки ему на грудь, но руки её так холодны и тяжелы, что дон Эрнесто задыхается и в испуге вскакивает, а Эсперанса исчезает...

Когда граф рассказал о своих видениях Тобеньясу, тот побледнел и сказал, что оседлает коня для сеньора: пусть тот подышит свежим горным воздухом и помолится Спасителю.

Дон Эрнесто не стал возражать. Тобеньяс хотел было его сопровождать, но граф отказался.

Он ехал, отпустив повод, равнодушно глядя по сторонам.

Была зима, в горах лежал снег, и пейзаж казался однообразным, чёрно-белым.

Он заехал довольно далеко и вдруг почувствовал запах дыма. Граф невольно удивился: кто бы это мог быть в таком пустынном месте?

Дым выходил из небольшой пещеры, открывшейся ему из-за нагромождения валунов.

– Эй! – позвал дон Эрнесто, и его голос гулко и громко прозвучал в звенящей тишине.

Ответа не последовало. Тогда граф де Ла Роса, спрыгнув с коня и сказав ему: «Жди меня здесь», вошёл, пригнувшись, в пещеру. Его рука лежала на рукояти меча, глаза напряжённо вглядывались в темноту. Неизвестный успел затушить костёр, и теперь едкий дым ещё больше наполнял своды пещеры.

– Кто здесь? – спросил дон Эрнесто. – Выходи, чёрт побери, или я стану искать тебя остриём моего меча!

– Пощадите! – тотчас раздался слабый голос, и дон Эрнесто, уже освоившись в полутьме, разглядел прижавшегося к стене небольшой пещеры человека в лохмотьях. Вид его был поистине страшен: измождённое лицо (просто череп, обтянутый кожей) было покрыто копотью; обрывки одежды в самом жалком виде едва прикрывали необыкновенно исхудавшее тело; запавшие глаза испуганно тарасились на нежданного гостя, но это не были глаза безумца...

– Кто ты?

– Сеньор, пощадите, я Алонсо, просто бедный Алонсо, – упав на колени, пробормотал человек.

– Встань и скажи, что ты здесь делаешь, – приказал граф.

– Я хочу вымолить у Господа прощение за мой грех.

– Твой грех? Что же ты сделал?

Человек помолчал, видимо, собираясь с духом, и наконец сказал ещё тише, чем прежде:

– Я погубил младенца.

– Убил младенца?! – воскликнул Ла Роса.
– О нет, сеньор, не убил! Но... погубил.
– Не понимаю. Расскажи, чёрт побери, и я постараюсь тебя понять!
– Воля ваша, сеньор, – покорно согласился Алонсо, как будто немного успокоившись от своего признания. – Я был садовником у одного очень богатого графа... Однажды его брат приказал мне выкрасть полугодовалого сына моего сеньора. Он угрожал, и я это сделал...

Алонсо умолк. Думая, что тот окончил свой рассказ, граф де Ла Роса сказал:

– Да, это большой грех, хотя ты совершил его не по своей воле... по крайней мере, ты мог бы предупредить своего сеньора!

– Я слабый человек... Я испугался, – тихо ответил Алонсо и опустил голову.

– Как имя графа? – спросил Ла Роса.

– О сеньор! Не спрашивайте меня об этом! Если сеньор граф узнает, что я здесь, он прикажет меня вернуть и казнить, а я ещё не успел вымолить прощения у Господа... Я могу лишь сказать, что он живёт очень далеко отсюда, а больше... Умоляю Вас, сеньор, не требуйте ответа!

– Ну, хорошо, успокойся... А сколько тебе лет? На этот вопрос ты, надеюсь, сможешь ответить?

– Если я не сбился со счёта, то тридцать восемь, сеньор. Я живу здесь, кажется, пятую зиму.

– Что?! Пять лет в этой пещере?! Тебе тридцать восемь?! – потрясённый до глубины души, восклицал граф. – Но ты выглядишь глубоким старцем! Твои волосы и борода совершенно белые!

– Я давно не видел своего отражения, сеньор, – грустно и виновато улыбнулся Алонсо.

– Но как ты смог выжить здесь?!

– Летом я спускался туда, где есть хоть какая-то растительность. Пищей мне служили плоды и коренья, некоторые я даже запасал на зиму. Ещё я плёл из веток силки для ловли птиц, иногда в них попадали зайцы, их я тоже старался припасать на зиму: закапывал в одном хорошем, очень холодном месте. Это недалеко отсюда, возле водопада...

– Довольно! – не выдержал дон Эрнесто. – Я думаю, твой грех не настолько велик, чтобы платить за него такой ценой!

– Но сеньор! Моя совесть ещё не освободилась от тяжкого груза, – хотя и слабым голосом, но твёрдо возразил Алонсо.

– Ты обучен грамоте? – спросил вдруг дон Эрнесто.

– Я когда-то учил буквы, но теперь, наверное, половину забыл, – ответил человек.

– Это ничего, вспомнишь! Сейчас ты отправишься в мой замок и будешь читать Священное писание. Быть может, Слово Божье снимет тяжесть с твоей души.

– О сеньор! – запавшие глаза Алонсо заблестели горячей благодарностью. – Как Вы великодушны! Господь меня не покидает! Он послал мне такого благородного человека!

– Ну, будет, будет тебе! Лучше возьми вот этот плащ и ступай за мной.

Так дон Эрнесто привёз в замок того странного человека, о ком сейчас говорил Тобеньяс приглушённым голосом:

– Послушайте, Вы тогда говорили, что он выкрал у своего сеньора ребёнка и убил его. Неужели это правда?

– Ах, Себастьян! Ну, зачем ты выдумываешь? Я не мог сказать тебе, что он убил ребёнка. Правда, он твердил: «Я погубил младенца», но, видимо, это следует понимать так, что он отдал мальчика в руки злодея, того, кто приказал ему совершить это преступление.

– Неужели злодей – родной брат несчастного сеньора, лишившегося маленького сына?!

– По крайней мере, так утверждает Алонсо, и у меня нет оснований не верить в правдивость человека, который пять лет прожил в горах, как дикий зверь, и при этом не утратил разума и веры во Христа... Но сейчас я думаю о другом: ты сказал, что Алонсо прячется от всех...

– Да, сеньор! Я даже ни разу не смог с ним заговорить. Он живёт в комнате без окон и почти не покидает её, а если и выходит, то только в библиотеку. Схватит книгу и бегом назад. Я думаю, что он здесь уже всё перечитал, – и дон Себастьян несколько удивлённо развёл руками, оглядывая заполненные книгами стеллажи.

– А почему ты сам к нему не зашёл? – спросил граф.

– Если человек явно не желает разговаривать с окружающими, зачем ему докучать! – воскликнул Тобеньяс.

– Ты прав, мой друг... И всё же у меня не укладывается в голове, что почти пять лет (ещё пять лет!) человек живёт в полном одиночестве и избегает общества себе подобных.

– Ему носит еду только старая служанка Кармен, она и убирает в его келье, но и с нею старец не обмолвился и словом.

– Тому, кого ты называешь старцем, всего сорок три года.

– Не может быть! – дон Себастьян был поражён. – Но он бел, как снег, и вообще похож на святого с одной картинки в Красном зале.

– Себастьян, я сейчас подумал, что Алонсо и есть святой, если десять лет живёт монахом-отшельником и замаливает, по сути дела, чужой грех. Нынче же ночью обязательно поговорю с ним!..

Оставшись один, граф устало опустился в кресло и потёр ладонями лицо. Вот и окончилась неустроенная, сумбурная походная жизнь. Он не увидит больше лужи крови, не услышит перестука сотен мечей и храпа вздыбившихся коней, не наденет доспехи, которые все вместе весят больше трёх пудов.

«Сейчас бы как следует помыться – и в постель!» – подумал граф, вытягивая ноги в надоевших сапогах.

Шпоры весело зазвенели на мраморном полу.

Граф пружинисто встал, ещё раз с улыбкой окинул взглядом своё богатство на стеллажах и, затушив свечи, вышел.

Каждое помещение главной башни, пусть и нежилое, под заботливой рукой доньи Хулии было обогрето и убрано. Повсюду, даже в освещённых факелами коридорах, веяло неповторимым домашним уютом.

Уже пройдя к самой лестнице, он вдруг резко остановился и сказал вслух:

– Нет! Сначала к Алонсо! – и свернул в боковое ответвление коридора.

Вот и дверь комнаты, в которой он некогда поселил добровольного аскета-отшельника. Постояв минуту с непонятным чувством то ли робости, то ли волнения, граф де Ла Роса постучал. Ему не ответили. Тогда он толкнул дверь. Она была не заперта.

В глубине комнаты горела на высоком столе единственная свеча, и жёлтое пятно освещало небольшое распятие, висевшее на стене. Два других предмета, стул и сундук, накрытый старым ковром, находились в полумраке. Больше в этой комнате с ровными стенами ничего не было.

Алонсо стоял посредине своей кельи. Видимо, он только что встал с сундука и пошёл на стук в дверь, но, увидев графа, остановился. Дон Эрнесто тоже замер, поражённый метаморфозой, происшедшей с Алонсо. Он не узнал того оборванного, испуганного скитальца. Перед ним в длинной чёрной одежде, словно в монашеской рясе, выпрямившись, стоял иконописный старец. Его длинные расчёсанные волосы и ухоженная борода были совершенно белы; сухощавое лицо с тонким носом выглядело строгим; и только глаза, обведённые тёмными кругами,

были по-прежнему расширены то ли от неожиданности, то ли от испуга. Весь он светился чистотой и каким-то внутренним одухотворением.

– Здравствуй, Алонсо! – первым заговорил граф.

– Здравствуйте, сеньор! – поклонился старик.

– Я пришёл, чтобы спросить тебя о твоей душе: освободилась ли она от тяжкого груза?

– Нет, сеньор, – опустив глаза, ответил Алонсо. – Я нахожу лишь временное утешение... в книгах. Я перечитал их великое множество, изучил латынь, знаю наизусть стихи из Нового Завета, но... ничто не может вернуть моё прошлое, ничто не может изменить его...

– Продолжай, – чувствуя, что Алонсо чего-то недоговаривает, сказал дон Эрнесто. – Будь со мной откровенен.

Тот кивнул, а потом, спохватившись, жестом пригласил графа сесть и пододвинул ему стул. Присев на сундук, который, должно быть, служил ему постелью, Алонсо заговорил:

– Я всегда очень любил детей. Так случилось, что я не успел жениться и завести собственных... Впрочем, может быть, это и к лучшему... Сеньор, Вам уже, наверно, сказали, что я сторонюсь всех. Собственно, я и не нуждаюсь ни в чём обществе, но... Когда я слышу голос сеньориты Алетеи Долорес или смех сеньора Рафаэля Эрнесто, меня словно кто-то обжигает калёным железом: это пытка, настоящая пытка слушать, как резвятся дети, только из-за двери, не сметь не только заговорить с ними, но даже показаться пред их невинными глазами!.. – Алонсо вдруг порывисто встал, потом опустился перед графом на колени и поцеловал край его плаща. – Сеньор! Я мечтаю хотя бы изредка встречаться с доном Рафаэлем Эрнесто и его сестрой. Позвольте мне иногда беседовать с Вашими детьми! Дайте мне, наконец, какую-нибудь работу в замке! Я устал жить бесполезно, я хочу делать добро. Может быть, тогда Господь сжалятся надо мной и простит мне великий грех...

– Замолчи, Алонсо! – перебил его дон Эрнесто. – Я не желаю больше слышать ни о каком твоём грехе. Человек, заставивший тебя совершить его, гораздо более грешен и достоин более тяжкой участи, чем твоя, Алонсо. Встань и слушай меня, – граф тоже поднялся со стула и торжественно проговорил: – Апостолы, совершая Таинство Священства, через возложение рук возводили в диаконы, пресвитеры и епископы. Я не апостол и не имею права назначить тебя священником в замке, о чём я было греховно подумал. Но доверить тебе моих детей я не боюсь. Твоя речь, речь образованного и воспитанного человека, вызвала во мне уважение и даже преклонение перед твоим душевным величием. Отныне ты будешь учителем и духовным наставником Рафаэля Эрнесто и Алетеи Долорес и будешь не только наставлять их на путь истинный посредством молитв и рассказов о делах Божественных, но также обучишь грамоте и всем другим наукам, в которых преуспел сам. И да простит меня Господь: пусть мои дети зовут тебя «padre», «padre Алонсо».

По щекам старца обильно текли слёзы и пропадали в длинной белой бороде, губы дрожали. Так и не сумев ничего ответить графу, Алонсо склонился перед ним в низком поклоне.

* * *

Оставив Алонсо в смятении чувств, граф де Ла Роса спустился по винтовой лестнице вниз. Ещё в одном месте он не мог не задержаться – в зале, названном Красным, так как убранство его было красного цвета. Двери стояли распахнутыми, но всё остальное скрывала темнота.

Дон Эрнесто вынул из ближайшего кольца на стене факел и вошёл. Несмотря на то, что освещение для такого большого зала было слабым, граф сразу заметил, что тисовые кресла обтянуты новым красным бархатом, а на окнах другие, но тоже тёмно-красные шторы из тяжёлого плюша. И только картины житий святых, которые недавно упоминал Тобеньяс, были прежними.

По центру передней стены между двумя узкими стрельчатыми окнами висел большой портрет Эсперансы. Собственный портрет дона Эрнесто находился в Верхнем зале, но туда он не заглядывал. Сейчас, покончив, наконец, со всеми делами, граф де Ла Роса хотел побыть наедине с *нею*...

Подойдя ближе и осветив портрет, дон Эрнесто негромко сказал:

– Вот я и вернулся, Эсперанса.

Свет факела выхватил из темноты стройную женскую фигуру в голубом платье. Художник, приглашённый когда-то из Уэски, постарался изобразить молодую женщину настоящей сеньорой: её голова была приподнята, выражение лица величественно, волосы скрыты под белой ажурной шалью. И только в изображении глаз художник не отступил от истины: ярко-синие, смеющиеся, с озорными искорками, это были глаза Эсперансы, и... не только её. Дон Эрнесто вдруг ясно представил широко раскрытые глаза сына. Они были точь-в-точь такие же!

Граф улыбнулся и сказал:

– Как я мог думать, что ты умерла! Прости, Эсперанса. Но я и вправду не подозревал, что ты осталась жить в нашем сыне! Представляешь, любимая, как я счастлив: до самой своей кончины я постоянно буду видеть твои живые глаза... Я поддался слабости, прости меня, Эсперанса. Но я вернулся и теперь всегда буду с тобой, а ты со мной, и всё у нас будет хорошо... А помнишь, как мы познакомились?.. А потом ты танцевала на нашей свадьбе вот в этом самом зале, а девушки прятали тебя в хороводе и смеялись. Но я всегда тебя находил, потому что ты была лучше всех... Ну, вот. Опять я говорю «была»!.. Разве есть где-нибудь женщина красивее? Восточные мудрецы говорят: «Не красива красавица, а красива любимая». А твоя красота, любовь моя, неповторима...

Он говорил и говорил, по-прежнему улыбаясь, и не замечал, что по щекам текут слёзы, а позади, в дверном проёме стоит и кусает дрожащие губы донья Хулия...

Глава V

На следующий день, позвав в библиотеку детей и Алонсо, дон Эрнесто сказал:

– Раз уж мы заговорили о том, что рано или поздно приходит пора чему-то учиться, то я должен представить вам, мои милые дети, вашего учителя и духовного наставника, – он сделал полуоборот к неподвижному и молчаливому старцу. – Будете звать учителя – padre Алонсо.

При этих словах графа старик склонил голову и снова выпрямился.

– Padre Алонсо научит нас читать? – спросил Рафаэль Эрнесто, обращаясь к отцу.

– Друг мой, обо всём, чему вас научит padre Алонсо, он поговорит с вами сам. Я лишь хочу показать комнату, где вы теперь будете заниматься. Думаю, что уже сейчас можно провести первое занятие. Не так ли, padre?

– Безусловно, сеньор, – немного надтреснутым голосом ответил старик.

Чувствовалось, что он испытывает сильное волнение, но всеми силами пытается это скрыть.

Рафаэль Эрнесто и Алетея Долорес переглянулись и, без слов поняв друг друга, подошли к padre Алонсо и взяли его за руки:

– Пойдёмте, padre.

– Мы так рады, что у нас теперь есть учитель.

– Обещаем слушаться!

Старик растроганно заморгал и благодарно сжал прохладными ладонями маленькие тёплые руки.

Первый урок у padre Алонсо Алетея Долорес запомнила надолго и потом не раз пересказывала бабушке Хулии притчу о сеятеле.

...Проходили дни и недели. Дети занимались охотно, были дисциплинированы и понятливы. Рафаэль Эрнесто не расставался с книгой о Сиде Кампеадоре, преодолевая одну страницу за другой. Оказалось, что у мальчика превосходная память: он запоминал наизусть многие строки поэмы и часто повторял их, разгуливая по дорожкам сада или крепостной стене.

А вскоре у padre Алонсо появилась ещё одна ученица.

Испросив разрешение сеньора, Роса крестила Мауру по христианскому обычаю. Крёстным отцом для девочки согласился стать добряк Пабло Лопес, главный конюх замка.

Выйдя из деревенской церкви, все трое отправились к знахарке и ворожее, прозванной Безумная Хуана. Нужно было лечить заикание Мауры.

Жила Безумная Хуана на краю деревни, почти у самого леса. Несмотря на необычное прозвище, никто не считал знахарку лишённой ума, напротив, к ней торопились обратиться, если вдруг заболела корова или поросёнок, если у крестьянина на месте пореза образовался нарыв, если закашлял ребёнок и по многим другим поводам.

Суеверный страх у крестьян вызывало то, что Хуана могла точно предсказать судьбу и неблагоприятные явления природы, поэтому раньше её в деревне не любили, называли за глаза «вороной», «вещуньей бед» и грозились расправиться.

Нашлись злые люди, не упустившие случая отомстить знахарке.

Было это лет пять назад. То ли у кого-то сдохла корова, несмотря на все усилия Хуаны вылечить её, то ли она отказала какому-нибудь парню в просьбе приворожить девушку, никто толком не знал. Только однажды padre Игнасио нашёл Безумную за воротами церкви, избитую и бесчувственную. Позвав людей, он перенёс её в свою каморку и долго выхаживал с помощью добровольных помощниц.

Хуана поправилась, но стала сильно припадать на одну ногу, и теперь ходила с клюкой. А хуже всего было то, что за время её болезни в замке Ла Роса случилось несчастье: умерла молодая сеньора – Эсперанса, которую Хуана всегда выделяла из толпы девушек, очень любила и прочила ей богатую и счастливую жизнь.

Когда ворожея узнала о смерти Эсперансы, она была глубоко потрясена и до вечера, впрямь, как безумная, твердила каждому встречному: «Она не должна была умереть, её звезда такая яркая! Посмотрите на небо, звезда до сих пор не погасла! Только потускнела... Это проделки Дьявола!..»

Однажды деревенские дети прятались от дождя под большим деревом и вдруг увидели, что к ним торопливо ковыляет Безумная Хуана. «Уходите, быстро уходите!» – издали закричала она и даже бросила в детей свою клюку. Едва те отбежали, как в дерево ударила молния, и оно загорелось, а дети и с ними Хуана кубарем покатались по земле от удара неведомой страшной силы.

Родители спасённых чад с благодарностью принесли Хуане целые корзины со снедью.

Вот к этой ворожее и направлялись сейчас за помощью для бедной Мауриты её крёстные отец и мать.

Дверь открыла седая, сморщенная старуха, по облику настоящая ведьма, какими обычно представляют и рисуют служительниц тёмных сил: седые косматые брови нависали над острыми, живыми чёрными глазами; на горбатом носу сидела большая бородавка; от тонких губ беззубого рта во все стороны расходились глубокие морщины. Трудно было определить её возраст. На первый взгляд казалось, что колдунье не меньше ста лет.

Роса никогда не видела Безумную Хуану так близко и теперь оробела.

– Добрый день, Хуана, – с трудом выдавила она из себя, в душе жалея, что решилась сюда прийти.

– День сегодня добрый, – ответила та скрипучим, будто несмазанная телега, голосом.

Маура ухватила за Пабло, стоявшего неподвижно, в оцепенении.

– Проходите, коли пришли, – усмехнулась Хуана краешком губ и скрылась в глубине своего жилища, оставив дверь открытой.

Повинуясь, все трое шагнули через порог.

Внутри деревянной хижины, крытой камышом, горел очаг. Густой дым наполнял тесное помещение. Стены почернели от копоти. Узкие оконца без стёкол хозяйка заткнула тряпками и пучками соломы. Вся обстановка состояла из грубо сколоченного стола, нескольких скамей вдоль стен и сундука для хранения одежды. Над огнём был подвешен чугунный котелок, в котором булькала то ли вода, то ли какая-то похлёбка, а может быть, и снадобье, потому что хижина, если не считать дыма, была наполнена пряным запахом сухих трав, которые висели пучками на стенах в большом разнообразии.

– Вот, Хуана, наша Маурита, – чтобы как-то перебороть страх, проговорила Роса. – Она... заикается вроде. Не сможешь ли?

– Садитесь вон там, – указала Безумная Хуана на скамью в дальнем углу хижины, – а девочку давайте сюда.

Маура всё так же цеплялась за Пабло, но встретившись глазами с ворожеей, вдруг покорно отпустила его рубаху и молча подошла к самому очагу, не отрывая взгляда от старухи. Та усадила её на плетёный коврик и, не оборачиваясь, приказала Росе и Пабло:

– Что бы я ни делала, сидите, не шевелитесь.

Затем она протянула дрожащую руку вперёд и, держа её ладонью вниз над головой Мауры, заговорила:

– Вижу... падают люди... всюду кровь... Ага! Ближе! К ногам ребёнка катится голова женщины... должно быть матери... А вот благородная рука с длинным копьём. Она закры-

вает дитя от глаз Смерти... Но эта мёртвая голова! Она мешает языку девочки свободно двигаться... Ты её забудешь! Ты всё забудешь!

Неуловимым жестом Хуана достала откуда-то предмет, похожий на маленькую лейку. Затем, по-прежнему не сводя чарующего взгляда с широко раскрытых глаз Мауры, подбросила в огонь сухое полено.

– Смотри! – крикнула вдруг она и резко повернула девочку за плечи.

На стене плясали отсветы пламени. Колдунья сдёрнула с себя платок и начала трясти им почти над самым огнём, одновременно дую в «лейку».

Роса и Пабло, так же, как их крестница, увидели на стене огромного дракона. Он двигался и разевал пасть, из которой вылетали резкие, жуткие звуки. Вот дракон взмахнул хвостом и повернулся прямо к Мауре, стараясь проглотить её. Девочка закричала и упала на коврик.

Роса хотела вскочить, но одеревеневшие ноги не слушались; хотела закричать: «Что ты делаешь с ребёнком?», но язык отяжелел и не двигался.

А дракон вдруг пропал. Хуана склонилась над девочкой, сделала ещё какие-то движения трясущимися руками у неё над головой, затем провела ладонью по лицу Мауры, и та очнулась, поднялась и, сидя на коврике, удивлённо огляделась вокруг. Её взгляд остановился на Росе.

– Мама, мой видеть сон, – сказала Маура со счастливой улыбкой. – Хорошо сон – цветы, большой облако... Мой плавать облако. Хорошо, мама! – повторила она.

– Это она меня... мамой-то?... – пробормотала Роса, и вдруг слёзы потоком полились из её глаз.

Маура вскочила и подбежала к ней.

– Это твоя мама? – растерянно спросил девочку Пабло, указывая на Росу.

– Карлос говорить «мама» – Маура говорить «мама», – объяснила та, обнимая Росу за колени.

– Не допытывайтесь у неё о прошлой жизни, – услышали они скрипучий голос Безумной Хуаны. – И берегите её от Быка.

– От быка? – в один голос переспросили Пабло и Роса.

– Да, да, от Быка в облике человека. Иначе он убьёт её.

Хуана подняла глаза к потолку, который был еле виден из-за дыма, и вдруг ахнула, схватившись за грудь. Затем она перевела безумный взгляд на всех троих и с трудом проскрипела:

– Звезда этой девочки совсем тусклая. Она проживёт ещё не больше десяти лет... И ничего нельзя сделать – это Судьба!

– Пресвятая Дева! – испуганно вскрикнула Роса. – Неужели это правда, Хуана?! Может быть, ты ошиблась?

Но старуха лишь дёрнула плечом и отвернулась от них, давая понять, что разговор окончен.

– Спасибо тебе, Хуана, – сказал Пабло, беря своих спутниц за руки и увлекая их к выходу. – Маурита больше не заикается, мы тебе очень благодарны. Вот наши корзины – это всё твоё. И дай Бог тебе здоровья...

На обратном пути Роса и Пабло сошлись во мнении, что Мауриту следует беречь от начальника войска Ла Роса Вальдеса, прозванного Бычьим Глазом. Другого быка в облике человека они не знали.

По случаю крестин маленькая сеньорита подарила Мауре свою любимую игрушку – фарфоровую статуэтку: сидящую на лужайке девочку в голубом платье, удивительно похожую на саму Мауриту.

Педро Вальдес, решив, что Маура похитила игрушку, отнял у неё статуэтку. Вступившийся за девочку Карлос порезал руку обидчика своим новым кинжалом. Вальдес выронил

статуэтку, и она разбилась на мелкие кусочки. Мальчик с ненавистью пообещал Бычьему Глазу, что в следующий раз кинжал будет торчать у него в горле.

На крики во дворе явился дон Эрнесто. Увидев, что Вальдес пьян, он разжаловал его с должности и назначил начальником войска Ла Роса своего оруженосца Хорхе Валадаса. А статуэтку позднее склеили гончары, и фарфоровое чудо теперь стояло на столе в доме Росы.

* * *

Как-то раз дон Эрнесто гулял с сыном в саду. Рафаэль Эрнесто заговорил о мече Сида Кампеадора под названием Колада. И вдруг попросил отца подарить ему боевой меч.

Дон Эрнесто с минуту смотрел на сына, окидывая его испытывающим взглядом с головы до ног, словно оценивая, на что тот способен. Потом окликнул одного из слуг и сказал ему:

– Друг мой, позови Хорхе Валадаса. Он нужен мне немедленно.

Затем что-то очень тихо добавил слуге на ухо.

Когда пришёл начальник стражи, дон Эрнесто, указав ему на затаившего дыхание мальчика, проговорил:

– Хорхе, вот этого рыцаря нужно обучить всем правилам воинского искусства, включая верховую езду и умение владеть известными тебе видами оружия, особенно мечом... Вот, кстати, и меч, – добавил он, увидев приближающегося слугу.

Взяв меч, граф протянул его сыну со словами:

– У этого меча нет собственного имени, как у Колады, но он тоже достоин уважения. Берите же, дон Рафаэль Эрнесто. Это благородное оружие теперь принадлежит Вам.

Побледневший Рафаэль Эрнесто принял меч обеими руками и, пробормотав слова благодарности, мужественно понёс его по аллее сада, направляясь к Главной башне.

– Сеньор, пожалейте сына, меч очень тяжёл, – негромко сказал Хорхе, с удивлением наблюдавший сцену торжественной передачи боевого оружия.

– Ты ошибаешься, если думаешь, что мой сын слаб, – усмехнулся в ответ граф. – Когда ослабеют мускулы, его поддержит сила духа. Завтра ты дашь ему лёгкое оружие и начнёшь серьёзные занятия. Я не пошутил, Хорхе... Сейчас Рафаэль Эрнесто сам донесёт этот меч до своей комнаты, но по-настоящему владеть им он сможет только лет через семь...

Глава VI

Большую часть времени повзрослевший Рафаэль Эрнесто проводил среди защитников крепости, постигая воинское искусство. В свои неполные пятнадцать лет юный граф де Ла Роса был силён и гибок, как молодой лев. К тому же он был высокого роста, и о нём можно было бы сказать: юный исполин.

Дон Эрнесто гордился сыном. Хорхе с восхищением рассказывал ему, как настойчив и неутомим Рафаэль Эрнесто. Никто из воинов не мог выдержать столько часов нелёгких занятий, тогда как этот юноша, бледный от усталости, обливаясь потом, вновь и вновь садился на коня и брал в руки оружие.

– Он хочет быть таким, каким представляет себе Сиде Кампеадора, – задумчиво улыбался граф. И это было правдой.

Даже витражи окон в комнате Рафаэля Эрнесто были выполнены по его просьбе на сюжет поэмы о Сиде.

Приглашённому из Уэски художнику пришлось несколько дней знакомиться с поэмой, чтобы угодить придирчивым требованиям молодого сеньора, и мастер с облегчением вздохнул, когда перешёл, наконец, к выполнению витражей для его сестры, приветливой, набожной красавицы, которую ничего, кроме деяний Иисуса и Девы Марии, не интересовало.

Витражи украшали и многие другие окна. Благодаря им, весь замок сказочно преобразился. Он уже не выглядел хмурой громадиной, он посветлел и вознёс свои стены к солнцу и яркому небу, переливаясь издали всеми цветами радуги.

Через витражи свет проникал в помещения, играл на колоннах, сводах и полу красочными бликами, придавая замку нарядный, праздничный вид.

Особенной чертой юного графа было озорство. Его шутки и проделки пересказывались обитателями замка по нескольку раз.

Говорили, что однажды Рафаэль Эрнесто появился перед воинами с подушками под камзолом, изображая толстяка; вставил себе под брови круглые пластины, на которых были мастерски нарисованы глаза, налитые кровью; и сонным, но зловещим голосом прогнусавил:

– Так, значит, вы рады, что я больше не начальник стражи? Ну, ничего... Придёт мой день, я ещё повеселюсь! Спущу шкуру с каждого второго, а с мерзавца Хорхе – первого!..

Воины покатывались со смеху, безошибочно узнавая Бычьего Глаза, но, завидев Вальдеса, шептали:

– Сеньор! Он сзади!..

Рафаэль Эрнесто быстро снимал с глаз пластины, а потом, как ни в чём не бывало, вытаскивал из-под камзола подушки и, бросая их на скамью, говорил:

– Что это бабушка Хулия не распорядилась положить на все скамьи подушки? Как вообще можно сидеть на таком твёрдом? Был бы зад толще, тогда другое дело... – при этих словах он косился в сторону взбешённого Вальдеса, а воины снова прыскали от смеха и разбегались в разные стороны.

Иногда Хорхе Валадас вынужден был устраивать нечто подобное рыцарским турнирам. Вынужден, потому что настоящие турниры граф де Ла Роса не любил и никогда не приглашал в свой замок рыцарей из округи. Но Рафаэль Эрнесто приставал к Хорхе с просьбой устроить турнир и часами ходил за ним, пока начальник стражи не говорил, сердитый до красноты:

– Вам, сеньор, только бы забавы! А что скажет Ваш отец? В замке нет ни одного рыцаря, кроме Вас. Есть только воины. И сеньор граф будет недоволен...

– Да брось, Хорхе, – перебивал его Рафаэль Эрнесто. – Ты прекрасно знаешь, что отец мерит людей совсем не теми мерками. Ну да, да, он не любит турниры, я знаю, но ведь мы

не скажем ему? А воинские тренировки могут быть самыми разными... И потом... Ну, подумай, Хорхе, – с этими словами юноша брал своего наставника за плечи и, заглядывая ему в лицо, вкрадчиво говорил: – А вдруг мне когда-нибудь придётся участвовать в настоящем рыцарском турнире? Ты ведь не исключаешь такую возможность? Ведь нет? Ну, тогда ты не должен допустить, чтобы моё имя покрывлось позором. Это твой прямой долг.

– Хитрее Вас, сеньор, разве что бес, – ещё хмурился, но уже не сердился Хорхе.

– Спасибо за похвалу, мой начальник, – опускал озорные глаза Рафаэль Эрнесто.

И вот с восходом солнца на заднем дворе замка начинался турнир. От настоящего он отличался тем, что здесь не трубили в рог, не звучали девизы и не развевались флаги с гербами знатных фамилий. Во всём остальном правила рыцарских поединков соблюдались строго.

Нельзя сказать, чтобы на первых турнирах Рафаэль Эрнесто сражался лучше других. Но он никогда не страдал от неудач, умея пошутить и над самим собой.

Воины встречали его появление на арене радостными улыбками, зная, что с молодым сеньором им скучно не будет. И Рафаэль Эрнесто не заставлял себя ждать.

Поднимаясь после падения, он сокрушённо вздыхал:

– Говорила мне бабушка Хулия: «Рафаэлито, кушай кашу с молоком, а то не станешь рыцарем». Как она была права!

Упав во второй раз, он протягивал к небу руки и восклицал:

– О Господи! Зачем ты дал мне такие светлые глаза? Они такого же цвета, как небо, и не видят даже тупого копья, как же я разгляжу острое?! Позволь мне, Господи, перекрасить мои глаза чернилами Кристиана!

Свои шутки Рафаэль Эрнесто никогда не повторял, всякий раз придумывая на радость зрителям новые восклицания, которые неизменно встречали с бурным восторгом и хохотом. Он не боялся прослыть шутком, потому что знал об истинном отношении к нему людей. Рафаэль Эрнесто, как и его отец, искренне любил их, и люди платили ему такой же горячей любовью.

Пришло время, и уже никто не мог выбить Рафаэля Эрнесто из седла. Ему даже наскучили турниры, и его ратные забавы заключались теперь в скачках, метании копья в деревянные диски, служившие мишенью, и тренировках с неизменной Коладой, – так Рафаэль Эрнесто называл меч, подаренный ему отцом.

Юный граф, смуглый и синеглазый, с копной длинных чёрных кудрей, был необыкновенно красив, и предметом его шуток стали влюблённые в него девушки.

Как-то раз он появился во дворе замка, где в это время сновали занятые уборкой служанки. Понаблюдав за ними, он подошёл к группе воинов, стоявших у ворот, подмигнул им, потом лёг на большое бревно у стены, закинул ногу на ногу и начал спектакль.

Вокруг умолкли, девушки замедлили беготню. Делая вид, что заняты работой, они с замиранием сердца наострили ушки.

– Ах, это ты, Мария! – воскликнул Рафаэль Эрнесто, беря невидимую собеседницу за руку. – Ты говоришь, что безумно любишь меня? Ах, боже мой! Взять тебя в жёны? Гм... Но Мария! Ты всякий раз к обеду кладёшь мне в тарелку с похлёбкой так много зелени, что если я женюсь на тебе, то, боюсь – позеленею... Ага! А это, кажется, Лусия? И ты тоже влюблена в меня? Как не хочется огорчать тебя, дорогая, но, видишь ли, я хочу иметь не меньше десяти детей. Да, да!.. Что же ты так побледнела? Куда ты, Лусия?.. Гляди-ка, сама убежала... Ну, кто там следующий?.. О, Росита! Мой благоуханный и пышный цветок!.. Пожалуй, слишком пышный... Милая Росита, ты тяжелее моей Колады, я просто не в силах буду тебя поднять, чтобы уложить на брачное ложе... А чья там тень промелькнула? Бог мой! Это была Маура! Красавица Маура! Она пробежала мимо и даже не задержалась возле меня! – и вдруг Рафаэль Эрнесто вскочил со своей «постели», в страхе поймал им же самим подброшенный вверх меч и закатил глаза: – Карлос бросил мне вызов! Как я осмелился произнести имя его невесты!

Молодой Валадас, решив поддержать спектакль, вышел вперёд.

Начался поединок, в котором ни одна из сторон никак не могла одержать верх. Наконец, Рафаэлю Эрнесто это надоело, и он разочарованно сказал:

– Как хочешь, приятель, а я не могу драться, когда ты улыбаешься. Забирай свою невесту, вон как испуганно смотрит, будто я и впрямь тебе враг. Дайте ей волю – глаза мне выцарапает.

Маура, действительно, с тревогой наблюдавшая за шутивным поединком, покраснела и, спрятав красивое лицо под кружевной шалью, убежала.

Глава VII

Маура, как и многие дети, росла шалуньей. Но из детских лет ей запомнилась всего одна шалость, которая вызвала гнев у обожаемого ею сеньора графа. С тех пор она научилась недетской способности думать, прежде чем что-либо сделать. Рассудительность и обдуманность поступков стали чертой характера маленькой мавританки.

Как-то дети решили поиграть в комнате Карлы, горничной Алетеи Долорес. Из всей мебели были только кровать, стол и два больших шкафа. Вот эти-то шкафы и облюбовала Маура, а вместе с нею графиня и её брат: дети хотели лучше спрятаться, чтобы Карла, которая звала обедать, подольше не могла их найти.

Каково же было удивление ребят, когда они, щёлкнув ключом, обнаружили, что один из шкафов – вовсе не настоящий шкаф, а ловко замаскированная дверь в маленькую тёмную комнату без окон.

В полной темноте они нащупали стоявший в углу массивный стул, такой большой, что все трое забрались на него и начали обрадованно перешёптываться, строя предположения, где и как их станет искать Карла, как она будет сердиться, а они попросят у неё прощения и съедят всё, что она подаст им на обед.

– А я поцелую Карлу, – сказала Алетея Долорес, – и скажу, что мы больше не будем так озорничать.

– А если будем? – спросил её Рафаэль Эрнесто.

– Нет, – твёрдо ответила Алетея Долорес, – когда даёшь обещание, нужно его выполнять. Мы и так нехорошо делаем, что заставляем добрую Карлу бегать по этажам замка и заглядывать во все комнаты. Давайте поклянёмся, что спрячемся в последний раз.

Рафаэль Эрнесто и Маура нехотя согласились, и все трое примолкли...

Первым уснул рано поднявшийся и уже набегавшийся с утра Рафаэль Эрнесто, потом Алетея Долорес положила головку на колени Мауры.

Маура ещё какое-то время прислушивалась, не идёт ли кто-нибудь, но всё было тихо, очень тихо, и она, откинув голову на спинку стула, крепко уснула.

Сколько времени они проспали, дети не знали. Рафаэль Эрнесто завозился на месте, спрыгнул на пол и недовольно сказал:

– Я хочу есть. Мне здесь надоело.

– А Карла нас так и не нашла, – разочарованно протянула Маура.

– Тогда давайте сами найдёмся, – предложила Алетея Долорес.

Они выбрались из «шкафа» и остановились в растерянности: комната горничной, недавно ещё залитая солнечным светом, была погружена в кромешную тьму. Дети ошупью нашли дверь и, притихшие, чувствующие, что их озорство зашло слишком далеко, не сговариваясь, отправились по гулкому коридору, освещённому факелами, в комнату донна Эрнесто.

Однако комната графа была пуста, как и другие помещения, в которые они заглянули... Обитатели замка куда-то пропали, даже padre Алонсо покинул свою келью.

Зато с улицы доносились крики, по всему двору метались зажжённые факелы.

– Наверно, вернулся с войны дядюшка Себастьян, – радостно предположил Рафаэль Эрнесто.

– Не-ет, – в раздумье протянула Алетея Долорес, – когда уезжают на войну, то так скоро не возвращаются. Дон Себастьян уехал совсем недавно... Неужели пришла весть, что его убили?!

– Смотрите, смотрите! – крикнула в это время Маура, до половины высунувшись в окно. – Факелы даже за мостом, по берегу рва!

– Они там! – донёсся снизу чей-то крик. – Дон Эрнесто! Дети в окне Вашей комнаты!

Маура отпрянула от подоконника. Дети, побледнев, уставились друг на друга.
– Ищут... нас... – пробормотал Рафаэль Эрнесто...

– Кто?! Кто придумал?! – граф задыхался от ярости. Таким Маура ещё никогда не видела этого большого доброго сеньора, и когда он посмотрел ей в лицо круглыми от бешенства глазами, девочка, как замороженная, медленно шагнула вперёд и сказала:

– Это я... Я придумала.

– Ты?! – дон Эрнесто схватил её за шиворот и поднял к самому своему лицу.

Маура близко увидела, как затряслись его губы и наполнились слезами глаза.

– Мы тоже! Мы тоже! – закричали в один голос Алетея Долорес и Рафаэль Эрнесто и заплакали. – Мы все вместе придумали, мы тоже виноваты...

Граф отпустил Мауру, почти бросил её на пол и, сильно сутулясь, вышел из комнаты, хлопнув дверью...

Наутро Алетея Долорес и Рафаэль Эрнесто попросили у отца прощения и за себя и за Мауру, и пообещали, что такого больше не повторится. Сама же Маура почему-то так и не решилась подойти к дону Эрнесто. Она притихла и надолго ушла к мастерицам, которые учили её вышивать.

Когда же пришло время занятий грамотой у padre Алонсо, и Маура изредка встречала в коридорах замка высокую фигуру графа, ей хотелось убежать и спрятаться, но она останавливалась и смотрела в его лицо с мольбой, всем своим видом говоря: «Простите меня, сеньор!»

Но он проходил мимо, даже не взглянув на неё, и ещё долго после этого случая дон Эрнесто был внешне холоден и к своим детям, и к Мауре.

А она каждый вечер горько плакала, сжимая спрятанный под подушкой ключ от комнаты-«шкафа». Ключ случайно остался в её кармане, и Маура не знала, что с ним делать.

Как-то раз, когда мама Роса, весь вечер утешавшая её, наконец, уснула, Маура встала и подошла к склеенной фарфоровой девочке. Осторожно взяв со стола нож, она отковырнула кусочек и просунула ключ внутрь статуэтки. Осталось только приклеить осколок на место.

Но просить склеивающий состав у гончаров она не решилась бы. Маура обвела глазами тёмную комнату. Ну, конечно! Как она раньше не догадалась!

В углу возле печи лежит глина. Недавно у них починяли печь, и эту глину мама Роса до сих пор не вынесла из комнаты. Маура, наблюдавшая за работой печника, знала, что глина может крепко соединить даже большие камни, не говоря уже о маленьком кусочке.

Бесшумной тенью девочка скользнула к печи, взяла сырой комочек и, размяв его в руках, исправила статуэтку, даже тщательно вытерла с неё полую платяница грязные следы от своих пальчиков.

Если бы Мауру спросили, зачем она всё это делает, она вряд ли смогла объяснить.

Спрятав ключ в надёжном месте, девочка успокоилась, легла в постель и, глядя в дощатый потолок, дала себе клятву больше никогда-никогда не сердить дону Эрнесто и вообще стать послушной, такой, например, как сеньорита Алетея Долорес...

Уже год Маура считалась невестой Карлоса. Они были красивой парой: стройный юноша, один из лучших воинов, и черноглазая горничная-мавританка с милым смуглым личиком.

Хотя Маура жила теперь в замке, в той самой злополучной комнате, заняв место Карлы, она почти каждый вечер приходила навестить маму Росу и Карлоса.

Роса бережно хранила когда-то разбитую, но тщательно склеенную фарфоровую куклу, которая так напоминала ей маленькую Мауриту. Кукла всегда стояла на столе. Вместе с нею Роса садилась обедать, ей говорила ласковые слова перед тем, как уснуть.

Когда она брала статуэтку в руки, внутри что-то легонько позванивало, и Роса думала, что внутри какой-нибудь камешек или осколок. Этот звон был приятен Росе – будто фарфоро-

вая девочка разговаривала с нею, а когда вечером приходила настоящая Маура, оживленная, румяная и весёлая, Роса не знала, куда себя деть от радости.

Старшая прачка гордилась девушкой, как родной дочерью, и, к слову сказать, гордилась не зря. Непоседливая и работящая, Маура прекрасно справлялась со своими обязанностями.

Она была не только горничной Алетеи Долорес, но и единственной её подругой. Сеньорита могла положиться на свою мавританку, как на саму себя, – та не только умела хранить тайны, но и обожала юную графиню, боясь причинить ей зло даже в помыслах.

Полужинав с Росой, Карлос и Маура шли гулять и бродили до глубокой ночи. Маура с восторгом рассказывала, какие прекрасные нитки закупил для неё управляющий Ла Роса в Уэске, и она вышивает «Арагонский лес». Карлос улыбался, одобрительно кивал. Он ценил в невесте талант художницы.

– Как замечательно, что ты меня понимаешь! – радовалась Маура. – И мама Роса понимает. Что бы я делала без вас?.. – с лица девушки на минуту сбежала улыбка. – А и правда, что бы я сейчас делала... в той, другой жизни?..

– Сколько прошло лет, а ты всё не забываешь о какой-то прежней жизни, – встревоженно сказал Карлос, которому мать строго-настрого запретила рассказывать Мауре что-либо о том, каким образом она попала в замок Ла Роса.

– Как я могу забыть или не забыть то, чего не знаю? – возразила девушка. – Ты неправильно говоришь. Я хочу вспомнить, но... не получается.

– Ты была маленькая и не можешь помнить.

– Не такая уж и маленькая. Ведь помню же я, как вёз меня на коне твой брат, когда вместе с доном Эрнесто ехал в замок. Так ясно помню, как будто это было вчера!.. А вот раньше, всего чуть-чуть раньше... Словно стена какая-то стоит чёрная, огромная – не заглянёшь через неё... и дон Эрнесто отказался говорить со мной об этом, и Хорхе сердится. Мама Роса только плачет, а ты, похоже, ничего не знаешь, иначе разве бы ты мне не сказал?

– Зачем ты мучаешь себя, Маурита? – беря её за руки, тихо проговорил юноша. – Тебе хорошо с нами, у тебя есть увлечение, вот и радуйся. Смотри, какая ночь, – он поднял глаза к фиолетовому небу, усыпанному мириадами звёзд. – А утром встанет солнце, мир будет ещё прекраснее.

– Ты хорошо говоришь, – Маура снова улыбнулась. – Да ты не волнуйся, Карлос. Я радуюсь жизни. Вот только... вспомнить бы лицо моей родной мамы!..

Глава VIII

В последнее время Алетея Долорес совершала конные прогулки. Сопровождали сеньориту Хорхе Валадас и ещё несколько воинов. Она изъявляла желание ездить в ближние и дальние деревни, к обширным полям, на которых уже поспевал новый урожай.

Иногда Алетея Долорес приглашала брата прокатиться хотя бы к опушке леса. Но, услышав слово «лес», он ожесточённо тряс чёрными кудрями:

– Куда угодно, Лета, только не в лес! Он давит на меня, как может давить, наверно, только могильная плита. Лучше всего мне дышится в горах.

Далёкому от всяких хозяйственных дел, Рафаэлю Эрнесто было невдомёк, что прогулки его Леты – вовсе не развлечение, что сестра всерьёз заинтересовалась жизнью крестьян и хочет знать обо всём, что происходит в пределах владений её отца.

Зато дон Эрнесто догадался и был очень рад этому.

Перемены в душе Алетеи Долорес произошли благодаря padre Алонсо, который однажды сказал ей:

– Дитя моё, люби Господа нашего всем сердцем, но не забывай и о людях, тебя окружающих. Быть может, Заповеди Христовы тебе приятнее будет выполнять, делая добро не только тем, кто живёт в стенах твоего родового замка, но и тем, кто трудится в поте лица своего там, внизу... Посмотри в окно. Видишь, сколько деревень. Вон там добротные хозяйства, а там – совсем старая и ветхая хижина. И это только в ближайшей деревне, а дальше?.. Кто знает, может быть, крестьянину, живущему в ней, нужна помощь, или же там обитает горькая вдова, которую утешит твой ласковый голос и доброе сердце... Ты не обижаешься на старика?

– Как можно на Вас обижаться, – тихо ответила Алетея Долорес, до глубины души тронутая словами наставника. – Вы мой учитель и судья моим поступкам... Отныне всё будет иначе.

Наутро Алетея Долорес, одетая, как обычно, для прогулки верхом, подошла к графу и сказала просто:

– Отец, я хочу побывать в деревнях. Позволь Хорхе и его воинам сопровождать меня.

– Да, конечно, – в некотором замешательстве ответил дон Эрнесто и, ни о чём не спрашивая, добавил: – Поезжай, – а потом долго любовался дочерью, наблюдая за её грациозной походкой, движениями рук, поворотом головы, белокурыми волосами под тонкой кружевной шалью.

Алетея Долорес была очень похожа на дона Эрнесто. Приятные черты лица графа в девичьем облике его дочери родили замечательную красоту: блестящие коричневые глаза цвета крепкого чая, обрамлённые длинными густыми ресницами; бархат довольно широких тёмных бровей, особенно ярких на бледной, почти без загара, коже лица; прямой и тонкий нос с изящным вырезом чувствительных ноздрей; неяркие губы правильной формы; вокруг мягкого овала лица, словно ореол, – белое золото пышных длинных волос; стройная шея; узкая талия и развитые рельефные формы тела.

Красота Алетеи Долорес могла бы вскружить голову не одному благородному рыцарю, но граф во всей округе не видел для неё достойной пары. Однако у него оставались знакомые и друзья на юге. Сыновья некоторых из них, судя по всему, были весьма недурно воспитаны; и граф де Ла Роса решил, что со временем найдёт для дочери достойного жениха. А пока Алетея Долорес не хотела слышать ни о каких кабальерос и вела жизнь затворницы, большую часть времени проводя в богословских беседах с padre Алонсо.

И вот наконец его дочь спустилась с небес на землю! Похоже, она станет достойной наследницей всех его добрых дел и хороших начинаний.

Глава IX

В середине июля вдруг резко похолодало. С гор подули сильные ветры. Небо затянулось пеленой низких серых туч, через которые не мог пробиться солнечный свет.

Оглядываясь на оставшиеся внизу притихшие деревни, граф де Ла Роса тронул коня. Через минуту он поравнялся с ожидавшим его Рафаэлем Эрнесто и озабоченно сказал:

– На моей памяти такого в июле не было. Если станет ещё холоднее и пойдут дожди, наш урожай пропадёт.

– Но ведь только середина лета! – возразил Рафаэль Эрнесто. – Я уверен, что через несколько дней вернётся прежняя жара и, не знаю, как ты, а я буду жалеть об этом прохладном ветерке, – говоря так, юноша надвинул на глаза широкополую шляпу и плотнее завернулся в плащ.

– Зачем ты только вытащил меня на прогулку по такой погоде? – проворчал дон Эрнесто.

– Мне стыдно было оставаться дома, тогда как Лета уехала уже час назад.

– Твоя сестра – удивительный человек. Я хочу посоветовать тебе, сын, делать то же самое, что и она. Неплохо иногда побеседовать с крестьянами или хотя бы показаться в деревнях.

– Отец! – воскликнул Рафаэль Эрнесто. – Тебе мало, что девушки замка страдают по мне? Хочешь, чтобы молодые особы из всех наших деревень однажды взяли бы замок приступом и разорвали меня на мелкие кусочки, чтобы несравненный Рафаэль Эрнесто достался всем сразу?

Граф расхохотался.

– Нет уж, – как ни в чём не бывало, продолжал Рафаэль Эрнесто. – С меня довольно рассказов Леты... Боже, она запоминает имена всех, с кем разговаривает! Это невероятно! Её зовут на каждую свадьбу и крестины. Скоро все маленькие жители ста пятидесяти деревень станут называть мою сестру мамой.

Граф долго смеялся.

– Спасибо, – как только он успокоился, сказал Рафаэль Эрнесто. – У тебя хорошая реакция на мои слова. Не то, что у Леты. Она только фыркает и посылает меня ко всем чертям, а сама идёт к бабушке Хулии, с которой теперь без конца шепчется, как недавно шепталась с padre Алонсо.

– Ты-то сам почему не заходишь к старику? – упрекнул его дон Эрнесто. – Алетея хотя бы по вечерам его навещает, а вот ты совсем забыл к нему дорогу.

– Я каждое утро и каждый вечер не забываю помолиться, – возразил юноша. – Но о чём мне толковать с padre Алонсо, честно говоря, не знаю... Исповедаться? Сказать: «Padre, я грешен, не ответил на пламенную любовь двух десятков девушек...»

– Всего двух десятков? – снова развеселился граф. – Я думал, что твоих почитательниц гораздо больше!

– Было больше, – скромно опустил озорные глаза Рафаэль Эрнесто, – да большинство вернулись к своим женихам. Остались самые глупые.

– Ага! – хохотал граф. – Значит, в замке Ла Роса живёт два десятка глупых девушек. Буду знать! Это не так уж много.

Но вдруг он стал серьёзным:

– Скажи мне, Рафаэль Эрнесто, неужели тебе никто не нравится?

– Нравится, – пожал плечами тот.

– Кто же? – заинтересовался Ла Роса.

– Все.

– Нет, сынок, погоди, я серьёзно, – сдерживая улыбку, запротестовал граф.

– И я серьёзно, – ответил юноша и, остановив коня, повернулся к отцу. – Мне, действительно, нравятся девушки. Каждая по-своему хороша. Но что будет, если я отвечу на чувства хотя бы одной из них? Моя мать была крестьянкой, и я вполне мог бы выбрать себе в жёны простую девушку, но... Моё сердце молчит, отец. Я ещё не встретил такую, ради которой не жаль было бы потерять голову. А забавляться... – синие глаза Рафаэля Эрнесто в упор смотрели в глаза графа, – я не могу позволить себе запятнать доброе имя моих предков, – и он отвернулся.

До глубины души тронутый услышанным, дон Эрнесто долго молчал. Вот каков его сын: строгие моральные правила и благородство!

– А ты совсем не так прост, как может показаться на первый взгляд, – наконец сказал он.

– А ты совсем не так плохо обо мне думаешь, как может показаться на первый взгляд, – в тон ему ответил юноша, и оба рассмеялись.

– Ла Роса! – услышали они вдруг чей-то скрипучий голос и, обернувшись, невольно вздрогнули.

На большом камне, словно пришлица из потустороннего мира, стояла древняя колдунья. Её длинную чёрную одежду трепали порывы ветра, из-под платка выбились пряди жёстких серых волос, сморщенное уродливое лицо казалось величественным, глаза смотрели зорко и цепко.

– А, это ты, Хуана, – сказал граф, мрачней. – Что тебе нужно?

– Я хочу поговорить с тобой, Ла Роса.

– Говори.

– Только с тобой, – настаивала старуха.

Граф повернулся к сыну, хмурым взглядом прося его оставить их на некоторое время.

Рафаэль Эрнесто молча повиновался. Доехав до поворота горной тропинки, он обернулся, желая удостовериться, не превратила ли колдунья его отца в скалу.

– Ух ты! – пробормотал он, переводя дух. – Как напугала! Даже жарко стало... Неужели Лета знакома с этой старухой и запросто с ней разговаривает?!

– Что тебе нужно? – повторил свой вопрос дон Эрнесто, не вставая с коня.

– Я хочу предупредить тебя...

– Где ты была, когда нужно было предупредить меня... о смерти Эсперансы? – резко прервал её граф. – Почему не спасла её?

– Ты не простил... Но я не буду оправдываться, говоря, что Дьявол сильнее меня, старой колдуньи. Я только хочу помочь тебе самому... избежать смерти.

– О, оставь, Безумная! Чем раньше я умру, тем скорее встречу с моей Эсперансой!

– Замолчи! Опасность нависла над замком Ла Роса и над твоими детьми тоже.

– Что?! – кусая губы, чтобы как-то сдерживаться, переспросил дон Эрнесто.

– Сегодня в твои ворота постучит человек в чёрном. Он знатен и сед, но это слуга Дьявола. Не впускай его, Ла Роса! Еслипустишь, замок окажется в руках Сатаны. Одна смерть будет следовать за другой, а потом польётся кровь, целая река крови!

– Ну, вот что, Хуана, ты права в одном: я не могу простить тебе смерти Эсперансы. Ты всем помогаешь, почему же мне не помогла?! Я не верю тебе, слышишь? Не знаю, о чём говорит тебе твоё больное воображение, но хочу быть, по крайней мере, честным с тобой: я не могу отказать в ночлеге и радушном приёме ни одному человеку, богатому или бедному, который постучит в ворота замка, так велит поступать мне моя совесть и мой долг! Или эти понятия тебе недоступны? – граф хлестнул коня и, взметнув столб пыли, скрылся за поворотом у большой скалы.

– Как же я глупа, если надеюсь помешать злому Року, – с горечью проговорила Безумная Хуана, глядя ему вслед. – Никто не в силах изменить Книгу Жизни и Смерти.

Кряхтя, она с трудом спустилась с валуна, села на землю, прислонившись спиной к холодному камню, и закрыла глаза. В эти минуты ей вспомнилась вся её жизнь.

Хуана не знала своих родителей и росла при монастыре. Жизнь её проходила однообразно – в молитвах, постах и работе в монастырском хозяйстве...

Хуана была уже немолодой, когда однажды во сне так ясно, словно это было наяву, увидела, как от кремня в руках ребёнка загорелась копна сена и начался большой пожар в неизвестном ей селении. Она вскочила и с криком: «Пожар! Пожар!» бросилась к настоятельнице монастыря.

Выслушав, настоятельница стала успокаивать Хуану, но она весь день не находила себе места, а к вечеру со стены монастыря старый привратник увидел пожар в далёком селении.

Крестьяне, пришедшие потом за помощью, рассказали, что все двенадцать хижин их деревни сгорели дотла, а пожар начался от копны сена в одном из дворов. Но никто не знал, как загорелось это сено.

Хуана, в числе других монахинь слушавшая рассказ крестьян, увидела среди детей мальчика, в котором узнала того самого, виденного ею в вещем сне. Он был бледен, подавлен и, встретившись с ней глазами, вздрогнул и испуганно втянул голову в плечи.

Хуана промолчала, но позднее отыскала мальчика и сказала: «Покайся перед Господом: ты оставил без крова столько людей!» Мальчик согласно закивал, глядя на неё, как на святую, сошедшую с небес, – испуганно и восторженно. «И всегда веди жизнь праведника», – добавила Хуана.

Человеческие жизни открывались перед нею чередой видений из прошлого и будущего. Не понимая, что с нею происходит, Хуана горячо молилась ночи напролёт. И вот однажды на стене вокруг креста с Распятием она увидела неяркое сияние и услышала голос... Нет, это не был просто голос, Хуана слышала слова как будто сердцем... *«Встань и иди, найди источник твоей силы. Там ты родилась. Я укажу тебе путь. Служи добру»...*

Слова наполнили теплом всё существо Хуаны. Вместо страха к ней пришло удивительное радостное умиротворение и душевный покой.

Сияние вокруг Христа исчезло. В ушах Хуаны стоял звон, но мир и счастье не покидали её душу. «Я сделаю, как Ты велишь, Господь Иисус», – с улыбкой на губах проговорила Хуана и, перекрестившись, отправилась к настоятельнице.

Та выслушала её с благоговением.

Наутро монахини проводили сестру Хуану...

Путь её продлился около года. Питаясь подаяниями, странствующая монахиня без устали и ропота искала место, где могла бы почувствовать силу от Господа. Неясно осознавая открывшуюся перед ней собственную судьбу, но никого ни о чём не спрашивая, Хуана всё шла и шла на север, пока не увидела величественный замок, за которым поднимались к небу горные вершины.

«Здесь!» – это она почувствовала всем своим существом. Была зима, холод пронизывал тело Хуаны под обветшавшей одеждой, но её сердцу стало так тепло, как бывает, когда возвращаешься в родные края.

Не замечая редких настороженных взглядов, Хуана вошла в ближайшую к замку деревню и в волнении остановилась перед заброшенной хижинкой.

Дверь была крест-накрест заколочена толстыми досками. Хуана потрогала их и, вздрогнув, обернулась. На неё смотрел белобородый старик. Видя, что женщина нуждается в его помощи, он подошёл и молча оторвал доски, освобождая вход.

А Хуана смотрела на него и плакала. Заметив это, старик удивился, хотел взять её за руку, но она поспешно спрятала руки за спину.

– Меня зовут Хулио Морель, – сказал тогда он. – А кто ты?

– Я бедная монахиня. Я долго странствовала и хочу поселиться здесь.

– Это плохая хижина, – хмуро заметил старик, опуская глаза.

– Зачем ты так говоришь! – с упреком сказала Хуана. – Разве дом виноват, что полвека назад здесь наложила на себя руки бедная девочка, у которой отняли только что родившегося ребёнка!

Слова Хуаны, словно громом, поразили старика. Он отпрянул и схватился за грудь:

– Кто ты? Кто?! – твердил он, с волнением и страхом вглядываясь в старое некрасивое лицо женщины.

Хуана провела рукой по своему сморщившемуся за время скитаний высокому лбу, коснулась недавно появившейся на носу большой бородавки, и у неё не повернулся язык сказать правду. Справившись с волнением, она ответила:

– Я ворожея... Но ты не пугайся. Скажи людям, что я хочу служить добру и помогать им в горе и счастье...

Старик ушёл, а Хуана с трепетом переступила порог хижины, в которой пятьдесят лет назад она родилась.

В дальнем углу вдруг возникло видение: молоденькая крестьянка, совсем ещё девочка, корчится в петле в предсмертных муках. Хуана вскрикнула и бросилась туда... Но видение уже исчезло, и, подняв глаза к потолку, она увидела лишь кусок обрезанной верёвки, узел которой так и остался на деревянной дуге, где обычно подвешивалась колыбель...

– Моя бедная мать, – проговорила Хуана, опускаясь на затянутую паутиной скамью. – Почему твои родители были так глупы и так жестоки? Вместо того, чтобы позволить тебе выйти замуж за человека, который так тебя любил, они отняли меня, твою только что родившуюся дочь и отдали проезжим хуглярам... И всё потому, что испугались Дьявола. Ещё бы! На ручках и ножках ребёнка по шесть пальцев! – Хуана усмехнулась и посмотрела на свои руки. – Вот! Смотрите! – она протянула ладони невидимым крестьянину и крестьянке. – Мои руки почти такие же, как ваши, только вот эти бугры со шрамами остались от лишних пальцев. Их отрубили в монастыре, куда привезли меня хугляры. Видно, тоже боялись Дьявола... а может, просто хотели мне добра. А пальцы ног не тронули, – зачем, ведь ноги обычно скрыты от людских глаз... Что, вы не видите меня? Где вам! Господь Иисус давно призвал вас на Страшный Суд. Может, там вы и узнали, что мои пальцы – Божья отметина, и... раскаялись...

Хуана окинула взглядом старую хижину и горько вздохнула:

– Никто не решился здесь поселиться.

На столе лежал помутневший осколок зеркала. Хуана взяла его и вздрогнула, увидев своё безобразное отражение.

– Год назад я ещё не была такой, – нашла она в себе силы усмехнуться. – Но раз Господь Иисус захотел дать мне этот облик, значит, так надо. Зачем мне красота? Она и раньше-то не была мне нужна... никому не была нужна... А теперь я старуха. Мы с тобой оба старые, отец, ты на пятнадцать лет старше, только и всего. Ты спросил, кто я? Я твоя дочь... Но сейчас это звучит смешно... Ты всё ещё красив, и у тебя сильные руки и такая белая борода! А я? Я кажусь даже старше тебя, потому что старость уродует чаще всего женщин... Помнишь ли ты ту, другую Хуану, мою маму?.. Я за одно только благодарна моей бабушке: передавая меня в руки песенников, она назвала меня тем же именем – Хуана... А теперь я вернулась, теперь я всегда буду рядом с тобой, Хулио Морель, мой отец. Буду видеть из окошка твой дом. Какое счастье, что мы соседи! Буду оберегать твою старость, твою семью, всё, что ты любишь, а ты любишь и эту деревню, и этот замок, и всю эту землю, родную для тебя и для меня. Я теперь многое могу – со мной Господь Иисус!

Она сняла со стены маленькое Распятие, отёрла его ладонями от пыли, повесила на прежнее место и, опустившись на колени, долго молилась со слезами благодарности на глазах.

Вечером того же дня Хуана отправилась в церковь. Крестьяне уже знали, что в «проклятом» доме поселилась ворожея, которая хочет делать людям добро. Тем не менее, к ней отнеслись настороженно, хотя и не враждебно. И только священник сказал ей:

– Мы рады принять тебя в нашу большую семью. У нас добрый сеньор, он позволит тебе остаться, я уже говорил с управляющим...

От этого дня прошло двадцать лет. Было и непонимание, и недоверие, и открытая враждебность, но всё же благодарности было больше. Когда любишь людей, это не остаётся незамеченным.

Всё было бы хорошо, если бы... Если бы Дьявол не избрал владения Ла Роса для своих кровавых забав...

А вот и слуга Дьявола!

Хуана вскочила. Ветер рванул одежду, ледяной холод проник ей в самую душу.

К замку Ла Роса не спеша направлялся одинокий всадник. Он был далеко внизу, его чёрная фигура казалась совсем маленькой и безобидной, почти игрушечной, но Хуана знала, что с появлением этого неожиданного гостя придёт Беда.

По сморщенному лицу колдуньи потекли слёзы. Она упала на колени и, протянув дрожащие руки к небу, громко взмолилась:

– Господь Иисус! Открой мне человека, который справится с Бедой! Я слаба, я не могу одолеть Дьявола. Укажи человека, который сможет! Господь Иисус!..

Она закрыла ладонями лицо и вдруг... увидела. Глаза её всё ещё были закрыты, но она уже *видела!*

Перед мысленным взором Хуаны возник молодой человек. Старуха стала жадно всматриваться в его пока неясный образ: высок, силён... Таких много. Что ещё? Одет по-крестьянски, но... сапоги! И на сапогах почему-то светятся золотом шпоры... Да он не крестьянин, а сеньор! Очень богатый сеньор!.. Лицо... Оно всё ближе и яснее. Гордо вскинутая голова, взгляд прямой и открытый... Вот оно! Глаза! Они черны и глубоки, и в них столько силы!

Хуана почувствовала, как её душа наполняется радостным светом и покоем. Она засмеялась. Видение исчезло, но Хуана запомнила молодого человека. Такого нельзя забыть. Но кто он? Ни в одной из деревень она не встречала этого юношу. Скорее всего, его пока здесь нет. Он придёт. Если она так ясно увидела его лицо, значит, он придёт совсем скоро! И она будет его ждать, чего бы ей это ни стоило!

Глава X

Поджидая отца, которого остановила Безумная Хуана, Рафаэль Эрнесто пустил коня шагом. Он рассеянно смотрел по сторонам.

Ветер становился всё сильнее. Свинцовые тучи ползли и ползли откуда-то с гор.

Вдруг юноша ясно увидел маленькую, уже знакомую ему фигурку, мелькнувшую между валунами.

– Эй, кто здесь? – крикнул он. – Ну-ка, выходи!

В ответ, помедлив, показался деревенский мальчик, видимо, пастушок, смущённый и растерянный. Его голову украшала большая красная косынка, повязанная так, как это делают взрослые крестьяне-мужчины. Длинную рубаху не стягивал пояс, латаные штаны едва прикрывали щиколотки босых ног.

– Э, да у меня компания гораздо лучше, чем сейчас у моего отца, – сказал Рафаэль Эрнесто, подъехав ближе.

Он вдруг наклонился с седла, подхватил мальчика сильной рукой и усадил его впереди себя. Тот успел только вскрикнуть.

– Отпустите меня, сеньор! – взмолился пастушок.

– Зачем? Разве тебе плохо? Если я тебе не нравлюсь, то познакомься с моим Тесоро. Он отличный арабский скакун, очень умный конь. Да ты продрог! Ручонки совсем холодные – дай согрею, – он взял руки мальчика в свои большие ладони и начал на них дуть, поднеся к самым губам.

На загорелом лице паренька проступили яркие пятна румянца.

Рафаэль Эрнесто усмехнулся и внимательно посмотрел на мальчика. У того были огромные серые глаза, чистые и прозрачные, как горный родник.

– Что ты смущаешься, будто девушка? – произнёс он. – Скажи лучше, что делал здесь? И почему я тебя вижу уже не в первый раз? Зачем ты ходишь в горы, к тому же так часто?

– Я... искал... ищу свою козу, – запинаясь и не совсем уверенно ответил паренёк.

– Неправда, – строго сказал Рафаэль Эрнесто. – Это видно по твоему лицу. Да тут и травы-то нет никакой, зачем здесь быть козе? Что ей здесь делать? Да ещё через день? А? Отвечай.

Красные пятна покрыли лицо мальчика:

– Я... здесь... я ставил силки, да, да, силки на птиц!

– Ну, это похоже на правду, – решил смягчиться Ла Роса, которому стало жаль перепуганного мальчугана. – Но знай, – продолжал он назидательно, – ловить птиц нехорошо.

– Я их потом выпускаю, – тихо ответил пастушок.

– Тогда другое дело. Но зачем ты ходишь в горы так далеко?

– Я больше не буду, сеньор, – мальчик низко склонил голову, боясь посмотреть в лицо молодого графа.

Однако тот легонько взял его за подбородок и приподнял вконец смущённое лицо. Мальчик робко вскинул длинные ресницы и почти с мольбой посмотрел на Рафаэля Эрнесто. В его огромных глазах дрожали слёзы.

– Извини, я не знал, что так тебя напугаю, я не хотел... – смутился в свою очередь юноша. – Тебя как зовут?

– Ин... Ан... Андрес.

– Из какой ты деревни?

– Ла Роса.

– Тебя отвезти?

Мальчик решительно замотал головой и снова попросил:

– Отпустите меня, сеньор.

– Хорошо, иди своей дорогой, – согласился Рафаэль Эрнесто и снял робкого гостя с коня.

Услышав топот копыт, он обернулся и увидел приближающегося дона Эрнесто. Подъехав, тот резко осадил коня.

Граф был бледен, на искусанных губах проступила кровь.

– Что с тобой, отец? – чувствуя неладное, тихо спросил юноша.

– Не спрашивай. Это всё чепуха... глупые выдумки. Поедем назад, Рафаэль Эрнесто!

– Конечно.

Молодой граф рассеянно посмотрел вокруг и уже не увидел пастушка. «Спрятался», – подумал он и усмехнулся.

А пастушок, проводив взглядом удаляющихся всадников, что было сил побежал по тропинке вниз. Он бежал так, как будто за ним гнались, – спотыкаясь, ни на секунду не останавливаясь. И только на опушке рощицы, за которой уже начиналась деревня Ла Роса, почти упал в высокую траву возле кустов можжевельника. Рывания сотрясали его плечи.

Внезапно мальчик сел и сдёрнул с головы косынку. Тотчас же по его узким плечам рассыпались длинные тёмные волосы. Деревенским пастушком оказалась хрупкая девушка.

Наплакавшись, она вдруг улыбнулась сквозь слёзы, потом рассмеялась и сказала вслух, обращаясь сама к себе:

– Как тебе повезло сегодня, Инес! *Он* говорил с тобой!.. *Он* держал твои руки в своих ладонях и согревал их... *Он* близко наклонялся к твоему лицу... Неужели это правда?!

Она всё ещё чувствовала дыхание у своего виска, прикосновения рук, слышала приятный голос, видела черты красивого лица. Как давно и безнадежно она любила молодого графа!.. Нет, просто Рафаэля Эрнесто, хотя... в том-то и дело, что именно графа... Слёзы опять потекли по лицу Инес.

Почти каждое утро, завидев фигуры двух всадников, она переодевалась в старую одежду брата, наспех прятала волосы под косынкой и бежала в горы, чтобы хотя бы издали посмотреть на *него*, услышать *его* голос и смех.

Оказывается, дон Рафаэль Эрнесто уже замечал её раньше! Как хорошо, что он ни о чём не догадывается! Разве он вёл бы себя так запросто с нею, если бы знал, что она – девушка? А она едва не проговорила, чуть не назвала своё настоящее имя! Слава Богу и Пресвятой Деве – вовремя пришло на ум другое – Андрес. Ну что ж, пусть он думает, что она – Андрес. Зачем ей называть себя и одеваться, как подобает девушке? Ведь он всё равно не полюбит её и даже не заинтересуется... Он сеньор, а она? Кто она, чтобы ждать чего-то от самого дона Рафаэля Эрнесто, графа де Ла Роса?..

Она закрыла глаза и представила, как молодой граф подъезжает к воротам своего замка. На сторожевой башне выложен яркой мозаикой герб Ла Роса: мощный зелёный дуб – в верхнем углу, поднявшийся на дыбы оседланный конь – в нижнем, а посередине, на идущей наискось зелёной полосе – большая красная роза... Этот герб она не раз видела наяву и во сне, он служил ей символом трепетно любимого образа чернокудрого и синеглазого юноши...

Инес гневно встретила её тётка. Не было дня, чтобы Лусия Гонсалес не устраивала под черице выволочку, хотя та исправно работала по хозяйству и заботилась о троих сынишках Лусии. Однако в этот раз за сироту вступился молодой сосед Хосе Вивес. Он всегда тепло относился к Инес, называл её сестрёнкой. Он пригрозил, что скажет Безумной Хуане о злобной соседке, и Лусия, испугавшись, оставила девушку в покое.

Глава XI

По пустынной дороге вдоль реки шёл высокий молодой крестьянин. Его походка была медленной и усталой. Иногда он останавливался и пристально разглядывал лежащие вокруг хозяйства, а потом в раздумье смотрел на замок, вознёсший свои могучие стены к серым облакам, низко нависшим над ними и над горными отрогами позади замка.

– Ищешь кого? – раздался позади крестьянина приветливый голос. Он обернулся и увидел крепкого мужчину, на вид лет сорока, в белой рубашке со стоячим воротником и тёмных штанах, заправленных в сапоги.

– Пабло Лопес, – всё так же приветливо улыбаясь, представился мужчина. – Говорю, ищешь кого-то? – повторил он свой вопрос.

В ответ крестьянин тоже улыбнулся и сказал:

– Ищу. Жилище, – и протянул руку. – Герардо Рамирес.

Пабло окинул любопытным взглядом незнакомца.

На Герардо была рубаха из грубого серого полотна, под нею ясно вырисовывались бугры упругих мышц. Тесноватая и довольно потрёпанная чёрная жилетка, полосатые брюки чуть ниже колен, на ногах – тяжёлые деревянные башмаки. Повязанный вокруг головы чёрный платок довершал наряд молодого крестьянина.

– Я был в поземельной зависимости у сеньора, но... так случилось... решил уйти. Благо, моя личная свобода сохранилась и есть об этом документ. Теперь я ищу место, где можно было бы построить себе дом.

– Ну, так оставайся у нас! – воскликнул Пабло, которому понравилось открытое лицо юноши, заросшее сейчас молодой чёрной бородой, и с гордостью добавил: – Видишь, как мы хорошо живём.

– Да-а, – протянул Герардо. – Я ещё нигде не встречал таких богатых крестьянских хозяйств. Вон там, за рекой, – он неопределённо махнул рукой, – совсем, как было у нас: кривые лачуги, худой скот и замученные люди, а здесь прямо... прямо, как в сказке!

– Ещё бы! Такие добрые сеньоры, как наш дон Эрнесто, редко встречаются, – польщённый похвалой, сказал Пабло и, видя, что крестьянин недоверчиво улыбается, решительно взял его за руку и потащил за собой: – Идём! Сам увидишь, какой это человек! Конечно, он позволит тебе остаться у нас.

Герардо засмеялся и покорно направился с новым приятелем к замку.

– А что, Пабло, у вас все крестьяне так одеваются, как ты? – спросил он через минуту.

– Да я не крестьянин, – пожал могучим плечом Лопес. – Я главный конюх в замке. Так-то, друг!

– Что же ты здесь делаешь? – удивился Герардо.

– Я навещал мою сестру.

От деревни дорога шла круто вверх. Было пасмурно, хотя время только-только приближалось к полудню.

Холод, наступивший неожиданно в самой середине июля, держался уже неделю и, видимо, пока не собирался отступать.

«Только бы не было дождя», – подумал Герардо, с тревогой глядя на просторные зреющие поля.

Он поднял лицо к медленно плывущим тяжёлым тучам и вдруг увидел на большом камне высоко над дорогой маленькую чёрную фигурку женщины, одежду которой безжалостно трепал ветер.

Женщина истово осеняла себя широким крестом и без усталости отвешивала глубокие поклоны.

Но кому?

Герардо оглянулся по сторонам и никого не увидел. Неужели эта женщина так приветствует их с Пабло Лопесом?

Конюх тоже заметил её и, перекрестившись, испуганным шёпотом сказал:

– Что случилось с Безумной Хуаной? То всё стояла на камне без движения... Почитай, дней пять стояла... А то вдруг кланяться начала...

– Эта женщина безумна? – спросил с сочувствием Герардо.

– Да как тебе сказать? Вообще-то нет, хотя она, конечно, странная. Это наша ворожея. Мы её зовём Безумная Хуана.

– Санта Мария! Настоящая ворожея? – переспросил Герардо.

– Настоящая, а то как же! – по-прежнему, с опаской, продолжал Пабло, поглядывая на чёрную фигурку вдалеке. – Я всего один раз к ней обратился за помощью, да и то такого страху натерпелся! Зато крестницу мою, Мауриту, она в один миг вылечила... Девчущка, видишь ли, заикалась. Так она сразу вылечила. Вот как! – Пабло перевёл дыхание и закончил: – Она никому зла не делает.

– Что же ты боишься эту женщину? – глядя, как Пабло вытирает со лба крупные капли пота, с улыбкой спросил Герардо. – Может, приятель, ты грешен?

– Упаси Господь! – воскликнул конюх. – Ну... это я так думаю, а на её взгляд, может, совсем иначе. Кто знает, что у Безумной Хуаны на уме?.. Послушай, Герардо, я вот смотрю на неё, и мне так кажется, что это нам она кланяется. Больше никому.

– Я тоже так думаю, – кивнул Герардо.

– А кому она рада-то?

– Думаю, тебе. Ведь ты – главный конюх! – засмеялся юноша.

– Брось, приятель, – криво усмехнулся Пабло. – Постой! А что если – тебе?..

Поймав на себе его пристальный взгляд, Герардо не выдержал и расхохотался.

– Ну, если эта женщина так встречает каждого нового человека, появившегося в округе, то её гостеприимству следовало бы поучиться любому!

– Э, нет! Далеко не каждого! – возразил Пабло. – Она даже дону Эрнесто такие поклоны не отвешивала...

– Ну, что во мне особенного? – всё ещё смеясь, продолжал Герардо. – Разве я кабальеро в дорогих доспехах и на арабском скакуне? Или, к примеру, какой-нибудь епископ? Так нет же, брат, монахом быть не хочу. Я крестьянин, и отец мой был крестьянин... А этой женщине я тоже поклонюсь, – он остановился и, повернувшись к смотревшей на них Хуане, склонился в глубоком, почтительном поклоне.

– Ну, Герардо Рамирес, начинай новую жизнь, – торжественно сказал Пабло, когда они подошли к воротам замка. – Мы живём, как одна дружная семья, а наш отец – дон Эрнесто Фернандес, граф де Ла Роса.

– Ла Роса... – как эхо, повторил Герардо и окинул взглядом Главную башню с весёлой радугой витражей. – Вот этот замок и есть Ла Роса?

Он вдруг почувствовал непонятное волнение и даже удержал Пабло, собиравшегося постучать. Тот удивлённо оглянулся на Герардо и со словами: «Не робей, приятель!» – увлёк его за собой.

* * *

Во дворе замка царило привычное оживление. Каждый был занят своим делом. Из открытых дверей мастерских слышались стук, звон, какие-то похлопывания и треск, доносились запахи чего-то горелого, но приятного.

Рафаэль Эрнесто с гиканьем совершал, должно быть, сотый круг по двору на своём великолепном коне. Тесоро грациозно перебирал тонкими ногами, понимая каждое движение хозяина. Вот он перешёл с рыси в галоп, вот затанцевал, поворачиваясь вокруг себя, а потом вдруг остановился и бережно опустился на одно колено.

Несколько воинов с восхищением наблюдали за умелым наездником.

В старой беседке у самого входа в Главную башню о чём-то беседовали Алетея Долорес и Маура. Иногда горничная, вскочив, жестикулировала, – по-видимому, рассказывала что-то смешное, потому что сеньорита тотчас заливалась звонким смехом.

Дон Эрнесто и Хорхе сидели на большом бревне у стены и негромко обсуждали интересные их события.

– Ты говоришь, дон Эстебан вёл себя довольно странно? – переспросил Ла Роса. – Расскажи всё до мелочей.

И Хорхе поведал сеньору, что их гость ездит по деревням и всматривается в лица молодых крестьян, что очень похоже на то, будто он кого-то ищет.

Этот странный сеньор приехал в Ла Роса совершенно один, правда, потом явился его слуга, задержавшийся в деревенской кузнице. Ни единого воина, а ведь он назвался графом... Ещё более странно сеньор Хименес-и-Доминго объяснил своё появление в здешних краях. Якобы его имение расположено на юге, а жару он переносит очень тяжело, и поэтому хочет переселиться куда-нибудь севернее.

– Разве граф станет лично искать место для своего будущего замка? – удивлялся Хорхе.

– Конечно, нет, ты прав. В таком случае посылают толкового управляющего и опять-таки не одного, а с войском, а потом спрашивают разрешения у Короля.

– Я вот думаю, сеньор, есть ли у него вообще дом? – высказал предположение начальник стражи. – Может быть, дон Эстебан вконец разорился, и ему стыдно в этом признаться?

– Я тоже так подумал. Только этим и можно объяснить отсутствие войска и слуг. Но почему он так странно себя ведёт? – дон Эрнесто в задумчивости потёр ладонью подбородок. – А знаешь, Хорхе, я ведь тоже заметил, что он здесь, в замке, разглядывает юношей.

– Да, да! – подтвердил Валадас. – Карлос говорит то же самое.

– Кстати, Карлос осторожен? Дон Эстебан не догадался, что за ним наблюдают?

– Нет, сеньор, всё в порядке. Ведь это делает не только мой брат. Я попросил ещё нескольких воинов и слуг. Они незаметно в разных местах сменяют друг друга.

– Я полагаюсь на тебя и твоих людей... Однако наш гость нынче долго почивает.

– Это потому, сеньор, что он полночи ходил по своей комнате и сыпал проклятиями, а в чей адрес – никто ничего не понял.

– Постой, Хорхе... Посмотри, ещё один новый человек. Кто это там, рядом с Пабло? Ты его знаешь?

Валадас посмотрел по направлению взгляда графа и увидел у ворот замка высокого крестьянина. Главный конюх что-то говорил ему, жестикулируя и показывая в их сторону.

– Он мне не знаком, – отрицательно покачал головой Хорхе. – Мне кажется, сеньор, что Пабло его откуда-то привёл и хочет, чтобы Вы поговорили с ним.

Дон Эрнесто поднялся и жестом подозвал Пабло и его спутника. Те тотчас исполнили приказание и, подойдя, низко поклонились.

Граф и молодой крестьянин с минуту изучали друг друга. «Как он силен и хорошо сложен, – подумал дон Эрнесто. – Кого он мне напоминает?... Осанка горделива, взгляд прямой и полный достоинства... уж у этого совесть чиста, не то, что у моего гостя... Боже! До чего знакомые черты лица...».

– Сеньор, – первым заговорил конюх, – этот человек хочет поселиться в наших краях, и я взял на себя смелость привести его для разговора с Вами.

– У тебя есть какой-нибудь документ? – обратился граф к юноше.

– Да, сеньор, – и Герардо достал из-за пазухи сложенный вчетверо большой листок плотной бумаги.

Дон Эрнесто развернул его и пробежал глазами. В документе говорилось, что крестьянин Герардо Рамирес, сохранивший личную свободу, но находящийся в поземельной зависимости от сеньора Альберто Алькантора де Теруэль, по доброй воле оставляет свой надел сеньору и по личным причинам покидает его владения.

– Ты обучен какому-нибудь ремеслу, Герардо Рамирес?

– Да, сеньор. Как и всякий крестьянин, я умею делать понемногу всё, но меня считали мастером в плотницком деле и... я знаю толк в целебных травах.

– Отлично, – улыбнулся граф. – В наших деревнях знахарю будут рады... Пабло, скажи швеям – пусть оденут малого, и передай Диего, чтобы выдал всё необходимое. Вот тебе, Герардо Рамирес, и представится возможность срубить себе дом. Будешь жить в деревне Ла Роса у самой лесной опушки. Это хорошее место.

В агатовых глазах юноши светилось неподдельное восхищение и горячая благодарность.

– Добрый день, дорогой граф, – услышали они вдруг голос незаметно подошедшего пожилого грузного сеньора в некогда богатом, но уже потерявшем былой блеск камзоле.

Хорхе, Пабло и Герардо тотчас почтительно отошли в сторону, оставляя дону Эрнесто наедине с его гостем.

– Добрый день, дон Эстебан, – ответил граф. – Как спалось?

– Благодарение Господу – хорошо, – любезно отозвался гость, хотя по его помятому лицу было видно, что он сказал неправду.

– Ваш новый камзол будет готов к вечеру – я уже справлялся о нём.

– Спасибо, граф, Вы так добры! Кстати, новый камзол понадобится мне на завтрашнем празднике.

– Не понимаю, – поднял брови Ла Роса. – О каком празднике Вы говорите?

– Ах, граф! Вчера совершенно случайно я узнал от доньи Хулии, что завтра день рождения Вашей красавицы дочери. Сеньорите Алетее Долорес исполнится 16 лет. Как Вы могли скрыть от меня такое событие! – упрекнул дон Эстебан. – Мало того! Всего через день исполнится 15 лет дону Рафаэлю Эрнесто. И Вы хотите оставить всё это незамеченным?

– Ну, почему же? – вежливо возразил Ла Роса. – Мы с доньей Хулией всегда поздравляем наших детей и преподносим им подарки.

– О нет, граф! Узкий семейный круг – это совсем не то. Праздник! Нужен настоящий праздник – с гостями, вином, музыкой и плясками!

– Разве донья Хулия не сказала Вам, граф, что мы не устраиваем никаких праздников в замке с тех пор, как умерла моя жена? – с холодностью спросил дон Эрнесто, которому вежливый тон по отношению к этому неприятному человеку давался с большим трудом.

– Сказала, граф, сказала. Но я подумал, что это несправедливо по отношению к Вашим замечательным детям, и решил сделать Вам сюрприз, – дон Эстебан улыбнулся, обнажая пожелтевшие зубы, а его беспокойный взгляд остановился на входных воротах, у которых спешился его только что вернувшийся слуга, отлучавшийся с самого раннего утра неизвестно куда.

– Потрудитесь объяснить, – резко сказал граф.

– Хорошо, дорогой дон Эрнесто, не буду больше испытывать Ваше терпение, – миролюбиво ответил гость. – Ещё с вечера я отдал моему слуге письменные приглашения от Вашего имени ближайшим соседям – владельцам замков Аурора, Эскудо и Аутодефенса. Я гостил у каждого из них. Это замечательные люди... Ну, что вы так разволновались? Ведь праздник будет завтра, мы успеем подготовиться, разве не так?

Дон Эрнесто стоял бледный, как полотно, и не знал, что ему следует сделать и что сказать. Растерявшись от такой неслыханной дерзости, он беспомощно оглянулся к Хорхе, Пабло и Герардо, которые стояли неподалёку и должны были всё слышать. Они, действительно, слы-

шали, потому что Хорхе сжимал рукоятку своего меча с такой силой, что косточки его пальцев побелели. Добряк Пабло приоткрыл рот и испуганно вытаращил глаза. Молодой крестьянин, по-видимому, мало что понял из происходящего, но всё же чувствовал неладное, так как с волнением и участием смотрел на кусающего губы сеньора де Ла Роса.

Граф изо всех сил боролся с желанием схватить наглеца за шиворот и вытолкать за ворота замка. Вероятно, он бы так и сделал, если бы вдруг не подумал, что уже поздно что-либо изменить: соседи получили приглашения...

– Как Вы посмели распорядиться от моего имени? – наконец глухо проговорил дон Эрнесто.

– Я с добрыми намерениями, с добрыми намерениями, – повторил несколько напуганный плохо скрываемым гневом хозяина замка Хименес-и-Доминго.

– Добрыми намерениями выслана дорога в ад, – зловеще ответил граф, сжимая кулаки.

– Но это же не будет стоить Вам никаких усилий! – бледнея, воскликнул дон Эстебан. – Дон Фелисио, наверное, привезёт своих музыкантов, да, да, конечно! Ну а... танцоры, я думаю... здесь найдутся... Так я пойду, дон Эрнесто, поговорю об устройстве праздника с доньей Хулией, чтобы Вы не утруждали себя...

– Нет уж! – прогремел дон Эрнесто. – Отправляйтесь в свою комнату и больше ни шагу по замку! Вы меня слышали? И, чёрт возьми, никаких распоряжений, иначе я вышвырну Вас ещё до того, как начнётся Ваш проклятый праздник!

Дон Эстебан втянул голову в плечи и, не сказав больше ни слова, поспешно удалился. Карлос, поджидавший его у входа в Главную башню, помедлив, скрылся вслед за гостем в темноте коридора.

Ла Роса вернулся к недавним собеседникам. Воцарилось тягостное молчание. Слышался лишь топот копыт по двору.

Но вот Рафаэль Эрнесто подъехал к ним, круто остановил коня и спрыгнул на землю – запыхавшийся и весёлый. Однако когда он посмотрел на окружающих, улыбка медленно сползла с его лица.

– Отец, что-то случилось?

Граф угрюмо молчал. Вместо него ответил Хорхе:

– Наш гость, сеньор Хименес, без ведома дон Эрнаесто, но от его имени, разослал в соседние замки приглашения на праздник в честь Вас и Вашей сестры... Праздник будет завтра.

Подвижные брови Рафаэля Эрнесто изогнулись, будто крылья готовой взлететь птицы. Он, как недавно его отец, тоже растерялся и почему-то уставился на незнакомое, заросшее бородой лицо крестьянина, который зачем-то здесь стоял... Однако пристальный, участливый взгляд чёрных и бездонных глаз вдруг помог ему обрести дар речи.

– Я убью его! – воскликнул Рафаэль Эрнесто и, выхватив из ножен меч, снова вскочил в седло.

Граф не успел ничего сказать, только выбросил вперёд руку, желая остановить сына.

Рафаэль Эрнесто оттолкнул подбежавшего к нему Хорхе и дал коню шпоры. Тесоро громко заржал и взвился на дыбы. Ла Роса удержался в седле и вдруг увидел, что к нему метнулся тот, чернобородый, и схватил сильной рукой уздечку храпящего коня.

В порыве ярости Рафаэль Эрнесто поднял меч, но человек не испугался, он строго смотрел ему прямо в глаза и не выпускал уздечку начинавшего успокаиваться Тесоро.

– Рафаэль Эрнесто! – гневно окликнул его граф. – Что это за мальчишество? Будь, наконец, мужчиной!

Пристыженный, юноша спешил и, косясь на чернобородого, пробормотал:

– Прости, отец. Давай обсудим, как нам быть... Я так понимаю, что праздника в замке не избежать.

– Правильно понимаешь, – уже спокойно согласился дон Эрнесто. – Но, по крайней мере, мы можем сделать его не таким шумным и разгульным, как того хочет этот наглец Хименес... Он сказал, что Мартинесы привезут своих музыкантов, а уж танцоров мы должны искать сами.

– Хватило бы и одного, – хмуро заметил Валадас.

– Вот именно! – подхватил граф. – Тогда гостям не захочется встать в общий круг и оббивать каблуки об пол. Пусть сидят за столами и довольствуются ролью зрителей...

– Пабло, – обратился Валадас к конюху. – Кого можно было бы взять танцором?

– Не знаю, – в раздумье протянул Лопес. – У нас если пляшут, то все вместе, а вот чтобы сам да перед сеньорами... Не знаю, – повторил он.

– Простите, сеньор, – учтиво сказал вдруг Герардо, – мне кажется, что я смогу быть Вам полезен.

Граф с удивлением посмотрел на него, и удивило его само построение фразы, произнесённой крестьянином. Будь тот простым человеком, то сказал бы: «Давайте я станцюю», или «Я могу потанцевать», или ещё что-то в этом роде. Но он сказал: «Я смогу быть Вам полезен»... Так говорят лишь грамотные и воспитанные люди, и далеко не каждый сеньор... Кто он, этот необычный пришелец с глазами из чёрного бархата, которые, как ни странно, кажутся такими знакомыми, что-то будоражат в сердце, доброе, но давно прошедшее...

«Родриго! – вспомнил вдруг дон Эрнесто. – Поразительное сходство! Видимо, у людей всё же бывают двойники! Как я давно не видел моего доброго друга!»

– Замечательно, – делая над собой усилие и прогоняя с лица удивление, сказал дон Эрнесто. – Вот и решены все задачи. Я благодарен тебе, Герардо Рамирес... за всё, – добавил он и протянул крестьянину руку.

Тот, боясь насмешки, пристально посмотрел в лицо сеньора. Но Ла Роса по-доброму улыбался, и Герардо с волнением пожал протянутую ему крепкую руку.

Глава XII

Алетея Долорес видела издали недавние события, она была встревожена, не зная, чем объяснить поведение брата, поднявшего на дыбы своего коня, слышала резкий окрик отца – так он никогда не обращался к Рафаэлю Эрнесто.

Видя, что сеньорита поглощена непонятной сценой во дворе, и сама сгорая от любопытства, Маура выскользнула из беседки в надежде разузнать всё у Карлоса.

Алетее Долорес хотелось подойти к группе мужчин, но её удерживали воспитанность и скромность, и она по-прежнему сидела на скамье, терпеливо ожидая, когда представится случай поговорить с отцом или братом.

И вот, наконец, все начали расходиться. Рафаэль Эрнесто вскочил на своего коня и галопом проскакал в сторону конюшен. Граф де Ла Роса отправился ко входу в Главную башню – видимо, в свою комнату...

Алетея Долорес поспешно вышла из увитой плющом беседки и увидела приближающегося Пабло и его высокого спутника, чернобородого крестьянина, который присутствовал при разговоре и решил усмирить коня Рафаэля Эрнесто. Графиня де Ла Роса знала всех крестьян своих деревень, но этого человека она видела впервые.

Встретившись с ним глазами, девушка почему-то остановилась и уже не отводила от него взгляд.

– Добрый день, донья Алетея Долорес! – с радостной улыбкой приветствовал её Лопес и поклонился. Но она не услышала слов конюха, она всё смотрела в удивительное лицо молодого крестьянина.

Он, похоже, также был в оцепенении, потому что остановился перед сеньоритой и молчал, забыв о том, что должен проявить учтивость и хотя бы поклониться.

Пабло какое-то время изумлённо смотрел на обоих, а потом, потихоньку пятясь, незаметно ушёл.

Герардо никогда не видел более восхитительной девушки. У него не было подруги. Он любил одиночество и мысль о том, что его душа принадлежит ему самому и, конечно, Господу. Но взгляд этой красавицы, будто пришедшей из сказания, вдруг наполнил всё его существо неведомым, необъяснимым чувством, какое он никогда до сих пор не испытывал и даже не знал, с чем его можно сравнить. Казалось, всё вокруг перестало существовать. Было лишь нежное лицо замечательной красоты в ореоле пышных, отливающих белым золотом волос...

«Сеньорита...» – пронеслось в голове Герардо и словно обожгло его сердце – его оцепенение вдруг прошло, и он с ужасом подумал, какой он неотёсанный болван: стоит, как столб, перед сеньоритой, забыв о почтительности.

Герардо поспешно склонился в глубоком поклоне, и это, видимо, помогло Алетее Долорес прийти в себя. Она почувствовала, что её захлестнула волна стыда, от которой запылали щёки и забило сердце.

– Вы... из владений... наших соседей? – сделав над собой огромное усилие, наконец произнесла Алетея Долорес. Губы, как будто чужие, плохо слушались, пальцы рук дрожали, ноги словно приросли к земле. Девушка боялась, что лишится чувств, и с напряжением ожидала ответа.

– Н... нет, я пришёл издали...

Её собеседник, по-видимому, был в похожем состоянии, потому что не знал, куда деть свои руки – то закладывал их за спину, то трогал бороду, и его пальцы также подрагивали.

Заметив это, Алетея Долорес улыбнулась – ей стало легче.

– Издали? – повторила она.

– Да... А в ваших краях встретил Пабло... Лопеса.

– Вы его знали раньше?

– Нет, сегодня познакомились... Ваш конюх привёл меня сюда...

– Оставайтесь, – вдруг попросила Алетея Долорес. – У нас здесь хорошо.

– Я так и сделаю! – с радостью заверил молодой человек. – Сеньор граф сказал, что я могу поселиться в деревне Ла Роса.

«Почему она говорит мне «Вы»? – промелькнуло в голове Герардо.

«Он ни разу не назвал меня «сеньорита», – подумала Алетея Долорес.

– Послушай-ка, Герардо Рамирес, – услышала она вдруг голос Рафаэля Эрнесто, который подошёл с минуту назад, но остался незамеченным ни сестрой, ни этим нахальным крестьянином, как с неба свалившимся во двор замка и принявшим самое деятельное участие в жизни Ла Роса.

Беседовавшие вздрогнули и оба испуганно посмотрели на Рафаэля Эрнесто, словно уличённые в чём-то плохом.

– Сначала ты покоришь сердце моего отца, – продолжал юноша. – Потом мимоходом завоюешь сердце моей сестры...

– Что ты говоришь, Рафаэль Эрнесто! – воскликнула Алетея Долорес, на щеках которой ещё ярче проступили пятна румянца.

– С Вами, сеньорита, мы поговорим позднее, – с суровой холодностью ответил молодой граф, – после того, как я разберусь с этим дерзким бородачом.

Алетея Долорес изумлённо смотрела на брата – до сих пор он с нею так не разговаривал.

– Прошу прощения, сеньор, – тихо проговорил Герардо. – Я никого не хотел обидеть. Позвольте мне уйти.

– Да кто ты такой, чёрт побери! – воскликнул Рафаэль Эрнесто. – Ты что, переодетый сеньор? «Позвольте мне уйти». Даже слуги в замке так не говорят! Лета, – повернулся он к сестре, – ты знаешь крестьян, неужели все они такие благовоспитанные? Может быть, мне стоит поучиться у них правильной речи и поведению?

– Сеньор, просто я обучен грамоте и много читал, – так же негромко и спокойно пояснил Герардо. – Не сердитесь на меня. Я вижу, что попал к необыкновенным людям и буду счастлив видеть Вас и Вашего отца моими сеньорами.

С этими словами он низко поклонился и, боясь смотреть на Алетею Долорес, быстро пошёл прочь.

– Что это за допрос, Рафаэль Эрнесто? – гневно произнесла Алетея Долорес. – Ты стал просто невыносим. Недавно у тебя было столкновение с отцом – я видела и поняла, что он на тебя рассердился.

– Ты ничего не знаешь! Дон Эстебан, этот старый мерзавец, разослал в три соседних замка приглашения на праздник, ведь завтра день твоего рождения, а через день – мой.

– Отец хочет устроить праздник?! – изумлённо воскликнула Алетея Долорес.

– В том-то всё дело! Отец даже не знал об этой затее Хименеса.

– Но ведь мы вправе отказаться: соседей пригласил наш гость, а не отец.

– Ошибаешься, Лета. Приглашения написаны от имени графа дона Эрнесто Фернандеса де Ла Роса де Уэска.

– Что?! Не может быть! Это неслыханно!..

– Вот-вот, я тоже так подумал и вскочил на коня, собираясь разделаться с наглецом, но этот крестьянин мне помешал... Чёрт возьми! – сказал он вдруг с восторженной улыбкой. – И сумел же помешать! Не зря он понравился отцу – я помню, что последний раз отец пожимал руку лишь покойному дядюшке Себастьяну Тобеньясу.

– Отец пожал руку этому человеку? – переспросила Алетея Долорес, и её щёки снова зарделись.

Рафаэль Эрнесто внимательно посмотрел на неё и усмехнулся:

– Я вижу, Лета, что и ты им очарована. Берегись, сестричка... И прости меня, если был с тобою груб, – уже мягко добавил Рафаэль Эрнесто и поцеловал сестру в пылающую щёку.

– Ты всё преувеличиваешь, – опуская глаза, пробормотала Алетея Долорес. – Тебе следовало бы родиться гораздо раньше меня – уж очень ты похож на строгого старшего брата, мудрого и опытного, – она засмеялась и, схватив его за уши, наклонила к себе и тоже поцеловала.

Глава XIII

Летний день близился к полудню, однако было довольно прохладно.

Герардо, с улыбкой поглаживая на груди новую добротную рубаху, не замечал ни серых туч, ни застывших вдалеке мрачных скал, ни холодного ветра. За свои девятнадцать лет он ещё никогда не чувствовал себя таким счастливым.

Что было в его прежней жизни?

Его мать, его дорогая мама Мария, сколько он себя помнил, была больна грудной жабой. С каждым годом она всё больше жаловалась на боль в груди и всё сильнее задыхалась. Ради того, чтобы облегчить её страдания, Герардо узнал целебные свойства трав, бегая ко всем окрестным знахарям. В их доме всегда стоял смешанный аромат мяты, валерианы, пустырника, шишек хмеля, плодов тмина и фенхеля. Герардо сам научился оказывать помощь матери, и, кто знает, может быть, благодаря именно ему, Мария Рамирес прожила дольше, чем предписывала ей злая судьба.

Своего отца Герардо не помнил. Мария часто плакала по нему – тот погиб при строительстве замка.

Их жизнь проходила в лишениях, пища была скудна. Летом можно было как-то прокормиться – окрестные леса щедро одаривали грибами, ягодами, орехами. Но и только: за убитую птицу или зверя сеньор жестоко наказывал крестьян. Впрочем, Герардо и не помышлял об охоте. Ему было бы жаль прицелиться стрелой в косулю или поставить капкан на тетерева.

Зима приносила с собой много смертей. С ненавистью, стиснув зубы, Герардо наблюдал, как воины под командой управляющего выгребали припрятанный им в сарае урожай с его собственного огорода. Если же он проявлял дерзость и пытался защитить себя и мать от бесовского грабежа, то его жестоко били плетью на месте, не выходя со двора. И били с особым пристрастием, ожидая, когда же дерзкий мальчишка закричит от боли. Но Герардо молчал, боясь напугать своим криком маму Марию, и очень жалел в такие минуты, что его отец мёртв и не может за него вступить. Мальчик крепко зажмурился и повторял про себя: «Герардо Рамирес, я назван твоим именем, посмотри на меня с Неба и попроси Господа Иисуса Христа послать мне столько же сил, сколько их было у тебя...»

Но нашёлся однажды добрый человек, который вступился за него, усомнившись в воинах, избивавших ребёнка. Это был их сосед Педро, по прозвищу Дровосек. У Педро была большая семья, и после поборов управляющего он зарабатывал тем, что рубил дрова и возил их по деревне, обменивая на ещё уцелевшие в крестьянских дворах продукты.

К тому же Педро Дровосек был отличным плотником, и Герардо, всей душой привязавшийся к этому большому доброму человеку, быстро постигал искусство умелого обращения с топором. Педро любил смышлёного мальчика не меньше, чем своих сыновей, помогая Герардо и его больной матери всем, чем только мог.

Не раз обращая полный ненависти взор в сторону замка, Герардо не знал, что вскоре будет с радостью прибегать к его воротам и просить уже знакомых стражников впустить его.

Это случилось после знакомства с удивительным человеком, которого в деревне уважительно величали Маэстро Антонио.

Герардо тогда было лет двенадцать. Он разводил огонь в очаге своей хижины, а мама Мария собиралась заняться стиркой, как вдруг в дверь постучали, и на пороге возник коренастый человек в камзоле. По понятиям Герардо, камзол мог носить только сеньор, и он во все глаза уставился на незнакомца, прятавшего улыбку в маленькой аккуратной бороде.

Мать засуетилась, не зная, куда посадить гостя, и всё повторяла: «Маэстро Антонио, ну что это Вы, зачем?»

Ласково улыбаясь, гость протянул Марии большой свёрток, в котором оказалась зажатая, дурмящая невероятно аппетитным запахом куропатка. А потом достал из внутреннего кармана камзола небольшую вещь, похожую на шкатулку, и вложил её в руки оробевшего Герардо со словами: «Это старая книга, в ней много рисунков, посмотри их, сынок, они должны тебе понравиться».

...Книга... Сынок... Эти слова глубоко запали в душу мальчика, так глубоко, что он уже не смог с ними расстаться даже тогда, когда закончилась грустная история Маэстро Антонио и мамы Марии, собиравшихся пожениться, но не получивших на это согласие от сеньора.

Антонио, который был воспитателем и учителем сыновей сеньора, строго запретили покидать замок, но Герардо сумел подружиться со стражниками, и те втайне от сеньора впускали мальчика и позволяли ему видаться и беседовать с Маэстро.

Герардо жадно впитывал всё, о чём рассказывал Антонио, попросил обучить его грамоте, а потом книга за книгой постигал все науки, в которых был силён его учитель. Антонио закончил Кордовский университет: сеньоры хотели иметь в замке собственного учителя, чтобы их дети были знакомы с науками. Но уроки с великовозрастными лентяями были Антонио в тягость. Он восхищался жаждой знаний черноглазого мальчика, сына крестьянки, его необыкновенной памятью и сообразительностью.

Уже к шестнадцати годам Герардо прекрасно разбирался в медицине, математике, военном деле, строительстве и даже в музыке и танцах.

Потом от теории они перешли к практике, и Герардо научился владеть мечом, стал прекрасным наездником, по памяти составлял сложные мази для лечения больных и легко двигался в танце под щёлканье пальцев и похлопывания в ладоши своего обожаемого учителя.

– Вот кому бы стать нашим сеньором, – не раз говорил о нём Антонио. – Его речь и манеры так изысканны, что я иногда пугаюсь за его будущее...

Однако о своём будущем Герардо не думал, он жил в каком-то другом, огромном мире, наполненном красками, звуками, предметами, формулами, о существовании которого никто из окружающих даже не догадывался.

Но пришёл человек... нет, не человек, Дьявол, и он безжалостно разлучил Герардо с Маэстро Антонио. Прежний сеньор не интересовался ничем, кроме кутежей и охоты, а этому до всего было дело, до каждой мелочи в жизни слуг и крестьян.

Вспоминая об этом, Герардо незаметно для себя остановился, и его память воскресила всё, что произошло в тот день, с которого начались его несчастья.

Он смотрел куда-то в низко нависшие тучи, но видел лишь ненавистное ему лицо: чёрные брови, чёрные усы, чёрные мёртвые глаза, нос с горбинкой и совершенно белые волосы. Этот человек поднял руку на Маэстро Антонио за то, что тот имел дерзость воспитать простого крестьянского юношу так, как должно воспитывать лишь молодых сеньоров.

Разве мог Герардо оставаться в стороне, видя, как высокородный негодяй бьёт по щекам учителя! Да он не сделал ничего такого, просто оттолкнул дону Бланко и заслонил собою Маэстро Антонио, хотя ему очень хотелось вlepить сеньору ответную пощёчину...

Потом долгие четыре недели он провёл в подземелье, где наслушался криков и стонов плачущих, воплей женщин, напуганных крысами, хриплого кашля простуженных... А выйдя, узнал, что у мамы Марии отнялись ноги и речь...

Герардо очнулся, заметил, что стоит посреди дороги и смотрит на высокие стены замка.

– Маэстро Антонио, – произнёс он вслух. – Вы говорили, что сеньоры бывают разными, а я, честно говоря, не очень-то верил этому. Сеньор есть сеньор!.. Но теперь вижу, что Вы были правы. Простите великодушно. Слышите, Маэстро Антонио, я вернусь, чтобы забрать Вас сюда. Здесь совсем другая жизнь, – он мечтательно улыбнулся, любуясь витражами Главной башни, и вдруг подумал: «Может быть, это её окна, вон те, где хорошо видна Пресвятая

Дева Мария?» Но, упрямо тряхнув головой, даже мысленно не решился повторить её имя и, повернувшись в сторону деревни, ускорил шаг.

Пока в замке для него подбирали одежду и обувь, управляющий Диего Санчес и Пабло Лопес уже хлопотали в деревне о его жилище, и Герардо не терпелось посмотреть, какое место ему отвёл сеньор дон Эрнесто де Ла Роса.

Отсюда, с высоты дороги, ещё не спустившейся к деревне, Герардо видел возле лесной опушки какое-то оживление. «Наверно, там, – подумал он. – Но почему так много людей?»

И вдруг он заметил женщину в чёрном, только что тяжело поднявшуюся с придорожного камня. Несомненно, это была та самая ворожея, которая не так давно, утром, кланялась ему с большого валуна в горах.

Герардо невольно содрогнулся, увидев её обезображенное старостью лицо. Но, взглянув прямо в глаза женщины, он почувствовал в них большую теплоту, которая тотчас отозвалась в его сердце и во всём его существе, наполняя его какой-то доброй радостью и покоем.

– Добрый день, *madre*, – первым поздоровался он и почтительно склонил голову.

– Доброго Вам дня, сеньор, и хорошего вечера, и мирной ночи, и пусть будет так всегда.

– Я не сеньор, *madre*. Я просто Герардо Рамирес.

– Герардо Рамирес? – повторила ворожея, внимательно и цепко глядя в его лицо, и покачала головой. – Нет, это не Ваше имя, сеньор. Сейчас это мёртвое имя.

Холодок пробежал по спине Герардо. Подумав, стоит ли продолжать разговор с явно сумасшедшей, он всё же решил ответить:

– Так звали моего отца. Вы правы, *madre*: он и впрямь умер, но я-то живой! И я тоже Герардо Рамирес.

– Пусть будет так, пусть будет так, – быстро пробормотала Безумная Хуана и вдруг закричала, хватая его за руку и поворачивая лицом к замку: – Смотри! Смотри! Ты видишь, как по этим стенам течёт кровь?! Они все залиты кровью! А над башнями тень, тень от руки Дьявола! И Господь Иисус не видит тех, кто живёт сейчас за стенами замка Ла Роса, но ты сможешь Ему увидеть, и Он не оставит нас своей милостью. Ты пришёл, Герардо Рамирес, и пусть тебя зовут совсем не так, как ты думаешь, всему свой черёд. Придёт время, и ты обо всём узнаешь, но ты сильный, чтобы выдержать правду, ты наделён силой самим Господом. Раз ты пришёл, мне теперь не страшно умереть, Господь Иисус успокоил мою душу, – закончила Хуана торжественно, глядя в растерянное лицо юноши сияющими радостью глазами.

– Право, *madre*... – пробормотал Герардо, но она, вытянув руку, приложила к его губам сухонькую ладонь и сказала так просто и устало, что Герардо вдруг поверил ей:

– Я вижу: ты думаешь, что перед тобой лишённая ума старуха. Я не обижаюсь. Ты только помни о том, что пришёл спасти нас, и всегда поступай по законам своего сердца и своего разума, а я... буду стараться помогать тебе. Не бойся меня, сынок. Иди ко мне и с радостью, и с огорчением.

– Спасибо, *madre*, – тихо проговорил Герардо. Он не запомнил всего, о чём говорила старая женщина, но понял, что перед ним настоящая ворожея, которая знает прошлое и видит будущее, и что это добрая ворожея, желающая отвести пока неизвестную никому беду от людей, которые ей дороги, может быть, как раз от сеньоров де Ла Роса, раз уж она говорит такие страшные вещи о замке.

Глава XIV

Герардо не переставал удивляться всему, что видел. Оказавшись на месте, он застал строительство собственного дома в полном разгаре. Десятка полтора мужчин были поглощены работой настолько, что не заметили прихода хозяина.

Пабло, также взявший в руки топор и обтёсывавший брёвна, первым заметил возвращение сестры, которую он посылал навстречу Рамиресу.

– Эй, люди! – крикнула Клементы, едва Пабло распрямил спину. – Посмотрите, какого красавчика я привела. Теперь мне никто, кроме него, не будет нужен, – и она тесно прильнула к Герардо, всю дорогу упрямо молчавшему в ответ на её ласковые слова и любопытные расспросы.

Однако тот довольно резко отстранил её, чем вызвал восторженный хохот отвлѣкшихся от работы крестьян.

– Ай да парень! Устоял против Клементы!

– Что, съела? Не тут-то было – крепкий орешек!

Клементе, видимо, была обидна и непонятна холодность этого великолепного юноши, который с первой минуты поразил её воображение высоким ростом, могучими плечами и красивым чернородым лицом. Она настойчиво схватила его за руку, а потом вдруг решительно и крепко обняла за шею, почти повиснув на нём и напряжѣнно глядя без улыбки в его глаза.

– Санта Мария! – сердясь, воскликнул Герардо, легко расцепил её пальцы и отбросил от себя.

– Клементы! Клементы! – засуетился Пабло. – Ты совсем стыд потеряла. Извини, приятель, – виновато улыбнулся он Герардо и потащил куда-то упирающуюся и начавшую плакать сестру, известную в округе блудницу.

Юноша с сожалением посмотрел им вслед.

– Первая женщина, которую я встретил в вашей деревне, была гораздо лучше, чем сестра Пабло Лопеса, – проговорил он подошедшим ближе, чтобы познакомиться, крестьянам.

– Кого же ты встретил, приятель? – с любопытством спросил один.

– Пабло назвал её Безумной Хуаной.

От взрыва хохота залаляли во дворах собаки. Герардо тоже улыбнулся своему невольному сравнению глубокой старухи и цветущей распутницы.

– Да ты, приятель, шутник получше меня, – утирая слѣзы, сказал наконец тот же самый крестьянин.

– Э, Санчо, этому парню палец в рот не клади, – возразил его сосед. – Он не шутки ради умеет постоять за себя. Уж этому ты прозвище не дашь.

– Ошибаешься, Хосе. Прозвище уже есть, – ответил тот и хитро улыбнулся.

Крестьяне с интересом ловили каждое слово, поглядывая то на своего деревенского шутника, то на молодого крестьянина, спокойно и уверенно поглядывавшего вокруг себя.

– Не спрашивая моего имени, ты уже придумал мне прозвище? – приподнял брови Герардо. – Разве это хорошо?

– Ничего я не придумал, – запротестовал Санчо. – Ты сам нам его сказал. Как только пришѣл, так сразу и сказал.

Герардо окинул быстрым взглядом крестьян: подшучиваний над собой он не любил, но понял, что сейчас его испытывают, и от того, что он ответит и что сделает, зависит и отношение к нему всех этих людей, бок о бок с которыми ему предстоит жить и работать. «Как только пришѣл, так сразу и сказал», – мысленно повторил он и, лихорадочно вспоминая всё сказанное им здесь, вдруг догадался. Затем, подойдя к Санчо, он легко поднял его и усадил

на кучу брёвен, которые тотчас покатались вниз и заставили незадачливого шутника несколько раз подпрыгнуть на том, на чём обычно сидят.

– Чёрт возьми! – воскликнул опешивший крестьянин.

– А я в таких случаях говорю по-другому – «Санта Мария!» Именно это я и сказал, как только пришёл... Ты не ушибся, приятель? – и Герардо услужливо подал руку сидящему на земле Санчо.

Крестьяне засмеялись, одобрительно зашумели.

– Чёрт возьми! – повторил шутник. – Как ты меня обставил, Санта-Мария!

Он всё же ухватился за протянутую ему руку и, встав, под общий смех потёр место пониже спины.

– Санчо Ривера, – не выпуская руки Герардо, представился он.

– Герардо Рамирес, – с улыбкой проговорил юноша. – Но если тебе больше нравится Санта-Мария, пусть будет так, я не против.

Работа спорилась. Немного погодя, пришли женщины, принесли продукты, а после короткой передышки тоже включились в общее дело, помогая в меру своих сил.

«Деревня Ла Роса – как одна большая семья», – тепло повторял про себя Герардо слова Лопеса.

– Дом выйдет на славу, – сказал Хосе Вивес, принимая от Герардо обработанное брёвнышко. – Надо по этому поводу устроить праздник. Эй, Санчо, слышишь, что я говорю? Сходил бы ты завтра к донье Хулии, спросил разрешения на праздник.

– Завтра у них свой праздник, – возразил Герардо.

– У кого? – не понял Хосе.

– В замке, у сеньоров, – пожал плечами юноша.

– Нет, друг, ты что-то путаешь, – криво усмехнулся Хосе. – В замке праздников не бывает, – он посерьёзней: – Не бывает с тех пор, как умерла Эсперанса, жена нашего сеньора.

– Да, сеньор граф именно так и сказал своему гостю...

– Гостю? А что за гость, Герардо?.. Да брось ты пока свои дела, расскажи толком.

– Я не люблю много болтать, тем более о том, в чём мало что понял, – нахмурился Герардо, не ожидавший такого внимания к своим словам о празднике в замке.

«Праздник в замке... праздник в замке...» – эхом разлетелось вокруг, и крестьяне, оставив инструменты, стали собираться возле Герардо. Подошёл и седой немощный старик, который с удовольствием наблюдал за работой крестьян и иногда давал советы, особенно молодым. Люди относились к нему с большим уважением и называли Хулио Морель. Поняв состояние Герардо, не знавшего, имеет ли он право рассказывать обо всём, чему стал свидетелем в замке, Хулио Морель подошёл к нему и сказал:

– Все мы очень любим нашего сеньора дона Эрнесто и его детей. Если у них радость, то и мы радуемся, а если у них случилось что-то плохое, то наш долг – помочь нашим сеньорам. Понимаешь? Праздник в замке – это что-то небывалое, этого не было уже... – он замялся, шевеля губами.

– Четырнадцать лет, – подсказали ему.

– Да, четырнадцать лет, – продолжал старик, – потому что именно столько лет назад умерла совсем молодой наша Эсперанса, крестьянская девушка, которую дон Эрнесто взял в жёны. Умерла, оставив ему двоих маленьких детей. Это было большое горе для всех. А потом сеньор граф покинул нас и уехал на войну. В каждом доме молились Господу Иисусу и Пресвятой Деве, чтобы графа де Ла Роса не убили и чтобы он вернулся к нам, молились долгие пять лет. И он вернулся – благодарение Господу, но до сих пор хранит свою печаль и не позволяет себе веселиться.

– А вы? – быстро спросил Герардо. – Вы тоже не веселитесь?

Крестьяне засмеялись, задвигались.

– У нас радость по всякому поводу!
– Бывает, что и не сосчитаешь праздников в году!
– Посеяли – праздник, урожай собрали – праздник, кончились дожди – праздник, конец летней жары – тоже праздник!

Герардо улыбался, недоверчиво покачивая головой.

– Знал бы ты, какую я недавно сыграл свадьбу! – восторженно закричал Санчо и обнял стоявшую рядом с ним милостивую женщину.

– Ещё бы! Донья Алетея Долорес была почётной матерью! А он всё головой крутил: то на невесту смотрит, то от сеньориты глаз не может оторвать. Ты себе шею не свернул, Санчо?

– Как видишь, нет, – поморщился Санчо, потому что жена Анна шлёпнула его ладонью по затылку. – Да я ведь так просто смотрел, больно красивая сеньорита, прямо ангел. Уж нельзя и на ангела посмотреть!.. Не буду, не буду! – снова закричал он, приседая под шутливыми, но увесистыми тумачами Анны.

– Вот видишь, – улыбаясь, проговорил Хулио Морель. – Наши крестьяне не только работают, но и веселятся. А в последнее время каждый взял себе за правило звать на свадьбу и на крестины дочь доня Эрнесто, сеньориту Алетею Долорес. Такая добрая и приветливая девушка даже среди крестьянок не всякий раз встретится. И отец ей позволяет. Бывает, что слуги и воины приходят к нам повеселиться. А вот в стенах замка праздников нет – дон Эрнесто свято хранит траур по Эсперансе... И вдруг ты, Герардо Рамирес, говоришь такое, чему мы не можем поверить. У меня, например, болит душа, чувствует что-то плохое.

– И мне не по себе, – тихо заметил Хосе Вивес.

– Расскажи толком, Санта-Мария, – попросил Санчо.

– Расскажи, не хмурься, никто не назовёт тебя болтуном.

– Нам это нужно, – слышалось вокруг.

– Теперь я понимаю, – в раздумье, словно самому себе, ответил Герардо. – Понимаю гнев сеньора графа. Он так рассердился на этого человека, и дон Рафаэль Эрнесто тоже...

– Какого человека, Герардо?

– В замке гостит какой-то сеньор, вы разве не знали?

Видя, что крестьяне удивлённо переглядываются, Герардо продолжал:

– Этого человека сеньор граф называл дон Эстебан. Кажется, у него тоже титул графа...

– Постойте! – вдруг воскликнул Диего, сын Хулио Мореля. – Это не тот ли сеньор, который вчера проезжал по деревням с Хорхе Валадасом и даже рта не раскрыл, гордый такой, важный...

– Скорее сумасшедший, – перебил Хосе. – Впился в меня своими дьявольскими глазами, как коршун, у меня прямо холод побежал по спине.

– У коршуна глаза жёлтые, – возразил Санчо, – а у этого чёрные, вроде вот как у Санта-Мари... Нет, нет, приятель, я не хотел тебя обидеть, – спохватился он и на всякий случай попятился под улыбки окружающих.

– Да, неприятный человек, – подтвердил Хулио Морель, – и очень странный: стариков и женщин вовсе не замечает, будто мимо пустого места проезжает, приветствий не слышит, а как увидит молодого крестьянина не старше двадцати лет, весь напряжётся, даже на стременах привстанет и смотрит во все глаза. Не иначе кого-то искал – я так думаю.

Крестьяне согласно зашумели, хотя и недоумевали, кого мог искать в деревнях этот сеньор, который, оказывается, остановился погостить в замке Ла Роса.

Хулио Морель поднял руку и, дождавшись тишины, спросил, обращаясь к Герардо:

– Так ты говоришь, что дон Эрнесто рассердился на этого своего гостя?

– Да он был просто в ярости и с трудом сдерживал её, потому что этот дон Эстебан разослал со своим слугой приглашения в соседние замки на праздник в Ла Роса, праздник в честь доньи Алетеи Долорес и её брата...

– Постой, гость пригласил соседей от своего имени?
– В том-то и дело, что нет! – воскликнул Герардо, только сейчас поняв до конца состояние графа де Ла Роса. – Он сделал это от имени дон Эрнесто.

Гнетущая тишина повисла над недостроенным домом.

– Если бы я тогда знал, я не помешал бы сеньору Рафаэлю Эрнесто убить этого человека, – мрачно проговорил Герардо. – Но дон Эрнесто закричал, и я остановил молодого сеньора...

– Жив он или дон Рафаэль Эрнесто всё-таки доберётся до наглеца – это ничего не изменит, – в раздумье проговорил Хулио Морель. – Соседи уже получили приглашения... А ты, слушаем, не знаешь, сеньоры каких замков должны приехать?

– Кажется, Аурора... я не помню сейчас названия, но ещё два замка, всего – три.

– Наверно, Аурора, Аутодефенса и Эскудо.

– Да, да, именно так, – подтвердил Герардо.

– Что будем делать, люди? – обратился Хулио Морель к крестьянам. – Будем принимать участие в танцах перед гостями?

– Старик, прости, что перебиваю, – вдруг сказал Герардо. – Послушайте, люди, дон Эрнесто не хочет слишком шумного праздника с песнями и танцами крестьян; он сказал, что гостей ждёт лишь обильное угощение, а как насчёт развлечения, так пусть они сидят за столами и довольствуются ролью зрителей. Если будет всего один танцор, то гостям не захочется стать в общий круг и оббивать каблуки об пол.

– Один танцор? – в растерянности протянул Санчо и оглянулся вокруг, словно искал подходящего для этого человека. Наконец, остановился взглядом на Вивесе и спросил:

– Ты бы смог, Хосе?

– Не-ет, – сразу замотал головой тот. – Ты же знаешь, Санчо, как мы все танцуем – в паре да в кругу, а чтобы один, так я, например, не смогу, сразу собьюсь.

– А если поискать в других деревнях? – предложила одна из женщин.

– Танцор есть, – раздался голос Герардо, и все снова умолкли. – Граф де Ла Роса спокоен на этот счёт.

– Кого же он позвал?

– Нашёлся кто-то в замке?

– Кто это будет? – посыпались вопросы.

– Это буду я, – просто ответил Герардо.

Люди переглянулись. Загадочный молодой крестьянин вызывал у всех чувство симпатии – спокойной речью, серьёзным взглядом, открытым лицом.

– Тогда нам не о чем волноваться, – улыбнулся Хулио Морель. – Достроим дом Герардо Рамиреса, пока он будет развлекать не очень желанных гостей в замке Ла Роса.

Крестьяне задвигались, собираясь расходиться, но вдруг Герардо неожиданно для самого себя поднял руку, как это недавно делал уважаемый в деревне старик, и сказал:

– Всё же вы должны как-то поддержать сеньора... я хочу сказать: *мы* должны поддержать графа де Ла Роса. Пусть он видит, что мы знаем всё и понимаем его. Давайте завтра принесём в замок лучшие продукты и свежие дары леса.

Санчо подпрыгнул на месте и закричал:

– А мы с Хосе подстрелим на рассвете серну. Пойдёшь со мной в горы, Вивес?

– Конечно, – живо откликнулся тот. – А Клаудио и Альфредо наловят куропаток и зайцев.

Они мастера в этом деле.

– Да, да, хоть сейчас наловим! – обрадовались молодые крестьяне.

– Ай да Санта-Мария! – в восхищении покачал головой Санчо. – Запомните мои слова, люди: он ещё покажет себя во всей красе.

– Знаешь, что я тебе скажу? – услышал вдруг Герардо негромкий голос какой-то женщины, обращавшейся к своей соседке. – Я сама видела, как этот парень долго разговаривал с Безумной Хуаной, а когда он пошёл, она поклонилась ему вслед.

– Безумная Хуана?!

– Ну да, говорю же тебе: сама видела!

– Вот так дела!

Работа снова закипела, а старик Морель ещё долго стоял и смотрел на высокого чернородого крестьянина, с одобрением следил за ловкими и точными движениями его привыкших к тяжёлой работе рук.

«Непростой человек, – думал он. – Вижу, что крестьянин, а говорит складно, будто по книге читает. Умён, как дьявол, и горд, но не выскочка. Видно, нелегко ему пришлось там, откуда он пришёл, ну, да сеньор граф, видно, уже оценил его, заметил. Это хорошо. У непростого парня и судьба должна быть непростой. Пусть ему во всём везёт».

Глава XV

С наступлением утра, встретившись у входа в часовню, дон Эрнесто и донья Хулия договорились об особой бдительности: граф не будет выпускать из поля зрения всех гостей, а сеньора – слуг.

На самом севере Арагона, там, где кончаются южные склоны Пиренеев, в широкой долине простиралась владения четырёх замков, хозяева которых издавна жили в мире.

Уже более двух сотен лет они не затевали войн, чтобы захватить соседа в плен и получить выкуп или чтобы разорить замок. Никто не стремился отнять чужие земли, не грабил чужих крестьян, сжигая деревни, угоняя скот, вытаптывая посевы, как это происходило почти по всей Испании, особенно с тех пор, как волна Реконквисты откатилась далеко на юг страны.

Даже дальние феодалы не решались вторгнуться во владения четырёх сеньоров.

Мощные крепости были построены примерно в одни и те же годы по разрешению Короля Арагона рыцарями, особо отличившимися на войне с маврами и весьма дружными между собой.

Хозяева соседних с Ла Роса замков так часто менялись за две сотни лет, что ныне не имели ничего общего ни в дружбе, ни в родстве с древним родом Фернандесов де Ла Роса. Но хотя дружба иссякла, сохранились отношения вежливости и приличия, что само по себе немало.

Первым на праздник в Ла Роса прибыл маленький тощий старик, дон Эдгар Торез, епископ Сарагосский, которому несколько лет назад Король Арагона и Валенсии, граф Барселоны дон Хайме II Справедливый пожаловал опустевший замок погибшего в бою с маврами одинокого рыцаря дон Себастьяна Тобеньяса, замок с прекрасным именем Аурора.

Во владениях дон Эдгара были самые бедные крестьянские хозяйства и самые богатые конюшни, в которых содержались великолепные арабские и персидские скакуны разных мастей. Их кормили, чистили, холили, выгуливали десятки конюхов.

Сеньор епископ владел таким несметным количеством лошадей, что Король несколько раз обращался к нему с просьбой снабдить боевыми, вьючными и дорожными лошадьми, а также конской сбруей многочисленные отряды арагонских рыцарей, отправляющихся на войну с маврами.

Дон Эдгар Торез де Ла Аурора всего однажды, несколько лет назад, нанёс визит вежливости графу де Ла Роса. С тех пор ни один из них не нуждался в общении друг с другом.

Дон Эрнесто вышел навстречу въезжающей во двор замка карете. На дверце её красовался герб. Внешняя золотая кайма серебряного герба напоминала о богатстве сеньора, а изображение кошки в самом центре, также отливавшее золотом, символизировало его независимость.

Вскоре двор заполнил довольно многочисленный отряд воинов. Пятеро слуг подбежали к своему сеньору и помогли ему выбраться из кареты. Дон Эрнесто увидел, что за последние годы, в течение которых они не имели чести видаться, сеньор епископ ещё больше состарился: голова тряслась сильнее прежнего, спина согнулась и сделала своего обладателя похожим на карлика, ноги под длинными одеждами неверно шаркали по земле, морщинистые руки опирались на поддерживающие их ладони подобострастных слуг.

К графу де Ла Роса подошли его дети и остановились по обе стороны от него – как того требовали правила хорошего тона.

Сеньор епископ весьма холодно поздоровался с хозяином замка, окинул завистливым взглядом широкоплечую фигуру Рафаэля Эрнесто и впился глазами в лицо Алетеи Долорес. Голова его даже трястись стала меньше, рот расплзся в отвратительной слащавой улыбке.

– Какая красавица! – весь преобразившись, проговорил дон Эдгар, обращаясь к графу. – Если бы я знал, что Вы растите такой чудесный цветок, я бы посещал Вас гораздо чаще.

– И сожалели бы о том, что приняли celibат, – криво усмехнулся дон Эрнесто.

Это замечание не испортило гостю настроение. Он весело закивал и, поманив пощёлками ванием пальцев одного из слуг, взял у него привезённые с собой подарки для виновников торжества.

– Это Вам, молодой рыцарь, – с такими словами дон Эдгар протянул Рафаэлю Эрнесто красивый большой нож с узорчатой рукоятью.

Приятно удивлённый юноша поблагодарил и принялся рассматривать золочёный узор: маленькую розу затейливо обвивали его собственные инициалы, изображённые в виде побегов листьев – «RE».

– А это – Вам, божественная Алетея, – и сеньор епископ поднял на трясущейся ладони раскрытую коробочку с дорогим перстнем. Крупный рубин, поблёскивая гранями, казалось, светился изнутри мягким пурпурным заревом.

Алетея Долорес была смущена. Она вопросительно посмотрела на графа, словно не знала, следует ли ей принять такой роскошный подарок. И лишь когда отец одобрительно кивнул, взяла коробочку и поблагодарила, присев в поклоне.

А дон Эдгар тем временем отогнал от себя слуг и молодецкато взял юную красавицу под руку.

Граф де Ла Роса с удовлетворением отметил, что дочь прекрасно владеет собой: на приветливом лице девушки не отразились никакие чувства, она по-прежнему мило улыбалась и вежливо повела своего кавалера к ближайшей беседке.

Глядя им вслед, Рафаэль Эрнесто негромко сказал:

– Ты прав, отец: если бы не celibат, у него было бы жён не меньше, чем лошадей во всех конюшнях.

Потом он вынул из сапога свой нож, выбросил его и отправил на его место понравившийся подарок.

– А что, старичок совсем не скуп и не так уж плох. Я думал – будет хуже, – заметил он.

Алетея Долорес вскоре вернулась. От неприятного собеседника её спасло появление гостя в карете с родовым гербом. В центре его было только одно изображение: выполненная в красном цвете голова свирепого быка, символ ярости и силы.

Донья Еухения Каррильо была владелицей замка Эскудо. Её единственный сын вот уже более пяти лет воевал с маврами. Если от него подолгу не приходили вести, донья Еухения истязала своих крестьян. Воины десятками тащили их во двор замка и немилосердно секли. Сеньора присутствовала при этом и строго следила, чтобы жертвы впадали в бесчувствие без всякого притворства. Лишь после нескольких часов экзекуции ей становилось легче, и она могла ещё месяц-другой подождать посланий от сына. Успокаивали сеньору только дорогие украшения, которые она приобретала в Уэске без всякой меры.

Лицо доньи Еухении в румянах и белилах выглядело неживым, и тот, кто впервые выдел сеньору, невольно пугался, словно встречал пришлицу из потустороннего мира.

Увидев золотую цепочку на груди Рафаэля Эрнесто, которую он надел поверх нового камзола по настоянию отца, сеньора Каррильо так и прикипела к ней жадным взглядом. Витиеватая цепочка и впрямь была красивой, но главное – такой не было в коллекции доньи Еухении, и она не в силах была побороть в себе желание завладеть необычной вещицей.

То поднимая глаза к невозмутимому лицу юноши, то опуская их до уровня его груди, донья Еухения невпопад отвечала на расспросы графа де Ла Роса о её здоровье. Когда затяну-

лось неловкое молчание, Рафаэль Эрнесто не выдержал, снял цепочку и стал вертеть на пальце, всем своим видом показывая, что не слишком ею дорожит.

В глазах доньи Еухении блеснул алчный огонёк. Она быстро протянула руку, но Рафаэль Эрнесто так же быстро отдернул цепочку назад.

– Э, тётушка, так не годится, – с милой улыбкой сказал он. – Надо что-то взаме-ен.

– Конечно, конечно... – засуетилась донья Еухения, а молодая расторопная служанка уже подавала ей Книгу псалмов, которую сеньора приготовила в подарок юному графу.

Рафаэль Эрнесто выхватил книгу из рук служанки, не дав противной сеньоре даже прикоснуться к ней.

– Это хороший подарок, – с удовлетворением произнёс он, разглядывая массивную псалтирь. – Старинная вещь и весьма поучительная, – он многозначительно посмотрел на донью Еухению, которая, округлив глаза, лихорадочно следила за всеми его движениями, опасаясь обмана.

Рафаэль Эрнесто оглянулся и отдал книгу одному из слуг, стоявших поодаль от хозяев, и взглянул искоса на отца. Лицо графа было напряжённым – ссоры он не хотел.

Рафаэль Эрнесто ещё немного покрутил в руках цепочку, потом собрался было её надеть, невозмутимо глядя сверху вниз на застывшую в ужасе донью Еухению, но вдруг, будто спохватившись, с вежливой улыбкой протянул свой подарок сеньоре.

Та, не помня себя от радости, схватила цепочку и тут же напялила поверх своих украшений. Но тут в голове сеньоры, видимо, сработала ещё одна мысль, потому что она оглянулась на свою служанку, которая тотчас достала из маленькой шкатулки нитку бус.

– Поздравляю Вас с днём Ангела, дорогая, – со всею учтивостью, на какую была способна, произнесла донья Еухения.

Алетея Долорес присела в поклоне. Принимая подарок от гостьи, она встретила взглядом с умными глазами служанки. Та со стыдом опустила голову. На довольно длинной нити неплотно прилегали друг к другу потускневшие бусины непонятного цвета из плохо обработанного стекла.

Лицо графа по-прежнему не отражало никаких чувств. Юному же Ла Роса очень хотелось взять мерзкую старуху за шиворот и выбросить за ворота замка. Кто знает, как бы он поступил, если бы в эту минуту не появилась следующая карета.

Хорхе Валадас встретил отряд воинов, на знамени которого развевался пёстрый герб сеньоров с изображениями собаки («преданность Королю»), павлина («тщеславие») и медведя («предусмотрительность»).

Кто же были сами сеньоры, имеющие столь пышные символы и проживающие в замке со смелым названием – Аутодефенса? Их было четверо: дон Фелисио Мартинес – глава семейства, его вторая, молодая, жена – донья Мерседес и его взрослые сыновья – дон Альфонсо и дон Франсиско.

Оба сына были очень похожи на дона Фелисио, особенно младший – дон Франсиско, ленивый, неповоротливый увалень лет двадцати. Его брат казался несколько проворнее и был не так толст, однако он обладал таким же курносым лицом, отвислым подбородком и маленькими полуприкрытыми глазками.

Дон Альфонсо и дон Франсиско вот уже месяц как приехали с войны, не прослужив и полутора лет в войске Короля Арагона и Валенсии, графа Барселоны, дона Хайме II Справедливого. Вслед за ними пришли слухи, что они попросту сбежали из королевской конницы, поскольку никогда не отличались храбростью.

Первой из кареты выпорхнула донья Мерседес, молодая, стройная кокетка в ярком шёлковом платье. К её пышным чёрным волосам были прикреплены несколько тёмно-красных роз, на плечах лежала тонкая шаль из таких же тёмно-красных кружев.

Следом за сеньорой с трудом выбрался наружу сам Мартинес.

Дон Альфонсо и дон Франсиско следовали верхом за каретой и теперь спешили и передали коней подоспевшим слугам.

– Доброе утро, сеньор граф, – сказал дон Альфонсо, снимая шляпу. – Что это за процессия направляется к замку? Неужели ваш управляющий решил заняться делами в день праздника?

До сознания графа не дошёл смысл слов молодого человека.

– Процессия?.. Управляющий?.. – невпопад переспросил он.

– Да, сеньор граф, – подтвердил дон Франсиско. – К замку идёт целая толпа крестьян с корзинами и мешками, – и он покосился на Алетею Долорес.

– Видимо, у дона Эрнесто строгие правила, – пропела донья Мерседес, подходя и приседая в поклоне. – Праздник или не праздник, а дань с крестьян собирать нужно, не так ли, милый граф?.. Доброе утро, сеньора Еухения! Вы давно прибыли?

– Всем добрый день, – прогнусавил дон Фелисио и, подойдя вплотную к Алетее Долорес, шумно вздохнул и поцеловал ей руку. – Слышал, слышал о красавице и даже видел, но изда-лека, больше разглядел белую лошадь, чем сеньориту, – и он вдруг захохотал, да так громко и продолжительно, что всем присутствующим стало неловко за него.

– Ах, Фелисио, оставь свои шутки, – поморщилась донья Мерседес. – Как на мой взгляд, так лучше полюбоваться вот этим юным исполином, таким молчаливым и безумно красивым! Может быть, он не такой неприступный, как кажется? – снова пропела она и ткнула пальчиком в бок Рафаэля Эрнесто.

– Сеньор граф! – услышали они голос Хорхе Валадаса.

Рядом с начальником стражи стоял управляющий Диего Санчес. Оба выглядели несколько растерянными.

– Прошу прощения, сеньоры, – поклонился Хорхе всем присутствующим и, удостоверившись, что граф де Ла Роса смотрит на него и готов выслушать, сказал: – Там, у ворот, крестьяне. Они просят разрешения войти. За главного – Хулио Морель...

– Крестьяне? – пришёл в себя дон Эрнесто. – Почему ты сразу не впустил их?

Хорхе сделал знак привратнику, и через минуту в раскрытые ворота несмело вошли около сорока крестьян и крестьянок, нагруженные несомненно продуктами.

Вперёд выступил Хулио Морель, с достоинством погладил свою длинную белую бороду и низко поклонился всем сеньорам.

Граф де Ла Роса шагнул к нему навстречу.

– Сеньор Эрнесто, – проговорил старик и сделал широкий жест в сторону крестьян, – мы вот тут решили принести Вам к празднику самые свежие продукты. Эти ягоды, орехи, грибы женщины собирали сегодня с самого раннего утра, а там, в мешке – серна, её подстрелили тоже утром, и ещё зайцы, куропатки, утки... да... много чего. Нас об этом никто не просил, Вы уж простите, сеньор, за самовольство, просто мы Вас любим и молодого графа и графиню любим. Счастья им в день Ангела, счастья всегда!..

Губы дона Эрнесто вдруг сильно задрожали, он протянул вперёд руки и порывисто, в сильном волнении, обнял старого крестьянина. Хулио Морель видел набежавшие на глаза графа слёзы, слышал, как он судорожно проглатывал спазмы в горле, и тихо сказал:

– Дон Эрнесто, мы всегда с Вами – всей душой. Если что-то не так, если Вас или молодых сеньоров обидят, Вы нам только скажите... только скажите!

Дон Эрнесто отстранил старика, схватил его за руку, высоко поднял её и громко, с торжеством и в то же время с вызовом сказал:

– Вот! Это – люди! – и повторил: – Это – люди!

Рафаэль Эрнесто и Алетея Долорес прекрасно поняли смысл, заключавшийся в одном слове «люди». Остальные – кто с недоумением, кто с презрением – пожимали плечами и переглядывались.

– Спасибо, старик! – уже весело сказал граф де Ла Роса. Он вновь чувствовал себя сильным и готовым к любым испытаниям, будто выпил живой воды. – Спасибо вам всем, друзья мои! – крикнул он улыбающимся крестьянам. – Диего, прими продукты и прикажи подать их к праздничному столу.

– Ваши крестьяне Вас любят, – с некоторой завистью проговорила донья Еухения, когда граф де Ла Роса вернулся.

– Это потому, сеньора, что я их не обираю, как делаете Вы, – резко ответил дон Эрнесто, на что гостя промолчала, лишь презрительно поджала губы.

– А где бабушка Хулия? – негромко спросила Алетея Долорес, притрагиваясь к руке графа.

– Кажется... она не совсем здорова, – сказал первое, что пришло ему в голову, дон Эрнесто.

– Почему же ты молчал! Позволь, отец, я пойду к Диего и расспрошу его.

И гостям вновь пришлось удивляться, когда они увидели, что прекрасная сеньорита направилась к управляющему, который в эту минуту принимал от крестьян мешки и корзины.

– Диего, что с бабушкой Хулией? Ты видел её сегодня? – с тревогой спросила девушка.

– Видел, донья Алетея Долорес, – выпрямился Диего. – Да Вы напрасно волнуетесь, – и он понизил голос до шёпота: – Донья Хулия в полном порядке, но пусть гости думают, что она нездорова, – сеньора просто не хочет вместе со всеми сидеть за столом, – и он улыбнулся одними глазами, тёмными и добрыми.

В эту минуту у ног Диего опустил на траву корзину с грибами Санчо Ривера, чуть поодаль стояла его жена Анна и радостно улыбалась Алетее Долорес.

– С днём Ангела, сеньорита! – сказала молодая женщина, лишь только встретила глаза с графиней.

– Спасибо, Анна, – Алетея Долорес растроганно окинула взглядом знакомые лица. Крестьяне были, в основном, из трёх ближайших деревень – Ла Роса, Маньяна и Сальвасьён. Она знала многих, почти всех, и по именам, и по фамилиям.

– Какие вы молодцы, Санчо! – невольно вырвалось у Алетеи Долорес. – Нам всем очень нужна ваша поддержка, особенно сегодня. До вашего появления мне было так одиноко, даже отец и брат казались беззащитными перед лицом всех этих людей, а когда вы пришли... всё стало иначе, и отец заметно повеселел, и вообще... Это, конечно, старик Морель придумал? Его мудрость велика, а доброта бесконечна!

– Хулио – мудрый старик, у нас все считают с его мнением, все уважают, – обрадованно заговорил Санчо, польщённый вниманием прекрасной сеньориты. – Но только поздравить Вас, донья, в день праздника нам посоветовал не он.

– Да? Кто же? – удивилась Алетея Долорес, совершенно уверенная до сих пор в правильности своей догадки.

– Есть один такой странный парень, сеньорита... Герардо Рамирес.

– Герардо... Рамирес?! – изумлённо повторила девушка. – А где же он? Кажется, его здесь нет...

– Верно, сеньорита, он не пришёл. Санта-Мария не какой-нибудь выскочка, он парень что надо!

Алетея Долорес хотела было спросить Санчо, почему он назвал Герардо Рамиреса непонятным прозвищем – Санта-Мария, но при мысли о молодом крестьянине её сердце сильно забило и, почувствовав прилив крови к щекам, девушка поспешно отвернулась и пошла прочь.

– Прекрасное дитя! – встретил её возгласом дон Фелисио. – За всеми этими крестьянскими делами мы не успели преподнести Вам подарок. Исправим эту ошибку, Мерседес.

Сеньора Мартинес с улыбкой принесла на вытянутых руках нарядную красную ткань – дорогой атлас – на платье.

– Когда будете выходить замуж, – проговорил дон Альфонсо, пожирая Алетею Долорес масляными глазками, – непременно шейте из этой ткани свадебное платье.

– Я последую Вашему совету, – сухо ответила графиня и, поблагодарив, передала подарок в руки Мауры.

– Так! А теперь, – дон Фелисио взял новое, искусно изготовленное седло и подал Рафаэлю Эрнесто, – сначала твоему коню, дружище, а потом тебе, – вслед за седлом он отдал юноше поблёскивающие в солнечных лучах шпоры и сразу же захохотал, довольный своей шуткой.

Рафаэль Эрнесто вздохнул – он чувствовал большую усталость от всей утренней церемонии и от разнохарактерной компании – и нехотя ответил:

– Благодарю, дон Фелисио, за пояснение, не то я надел бы своему коню не седло, а шпоры. Мартинес захохотал ещё громче и одобрительно похлопал молодого графа по плечу.

Глава XVI

До начала праздничного обеда гости изъявили желание осмотреть мастерские замка Ла Роса. Они знали, что хозяин щедр, и в самом приятном настроении отправились вслед за ним и его детьми по длинному ряду многочисленных мастерских.

Мыловарня, винодельня, мукомольный цех и пекарня, столярные, оружейные, горчарные мастерские, кузница – всё было потрясающим.

После осмотра конюшен сеньоры поднялись на крепостную стену. Женщин с ними не было: донья Мерседес и донья Еухения уже отдыхали в мягких креслах просторного зала, по которому сновали слуги, готовившие всё необходимое для праздничного обеда.

Воины, стоявшие на своих постах, в волнении замерли при виде высокородных гостей и их многочисленной свиты. На верху крепостной стены Хорхе Валадас выстроил почётный караул – каждый воин был в полном боевом снаряжении, при тяжёлом мече и массивном щите.

Рафаэль Эрнесто посмотрел на взволнованное лицо военачальника, увидел багровые пятна румянца на его обветренных скулах и подумал: «Какого чёрта?».

Скучающим взглядом он скользнул по недавно полученным в подарок доспехам молодых Мартинесов и сказал:

– Сеньоры, а не устроить ли нам рыцарский поединок?

Граф с удивлением оглянулся на сына, а дон Альфонсо и дон Франсиско настороженно вытянули шеи, не зная, как им отреагировать на предложение молодого Ла Роса.

– Но ведь на тебе, мой юный друг, нет и кольчуги, – пришёл на помощь сыновьям дон Фелисио.

– Зачем мне кольчуга? – небрежно бросил Рафаэль Эрнесто. – Без неё я могу обойтись, а без рыцарских поединков – нет. Вы знаете, сеньоры, по утрам я заставляю нескольких воинов, самых сильных, принимать мой вызов и драться не шутя, точнее, не на жизнь, а на смерть. Тех, что поддаются мне, я сразу прокалываю копьём – не люблю слабых духом! Однако находятся такие, которые доставляют мне своей стойкостью истинное удовольствие!.. – он говорил, прохаживаясь вдоль длинного ряда застывших воинов и многозначительно поглядывая на Мартинесов, у которых с каждым его словом всё больше вытягивались лица.

– ... Эти смельчаки удостаиваются чести быть изрубленными моей Коладой...

Воины слушали молодого сеньора сначала с удивлением, но вскоре им пришлось приложить невероятные усилия, чтобы остаться невозмутимыми и сдержать сотрясающий их смех: кто-то кусал себе губы, у кого-то на глазах выступили слёзы; кто-то втягивал щёки и выкатывал глаза, иные же тряслись, как в лихорадке – но ни один не растянул губы в улыбке.

– Ну вот, посмотрите на них! – с досадой воскликнул Рафаэль Эрнесто, указывая гостям на переменившиеся лица воинов. – Они боятся, что я к обеду устрою с ними ещё один рыцарский турнир...

– Господи! – перебил его возгласом возмущения сеньор епископ. – Но ведь так, в конце концов, можно перебить всех лучших защитников замка! Не понимаю Вас, сеньор граф! Как Вы можете улыбаться?! Объясните своему жестокосердному сыну, что защитники замка – это, прежде всего, защитники сеньора.

– О да, дорогой дон Эдгар, – нарочито быстро согнав с лица улыбку, ответил Ла Роса. – Вы, безусловно, правы: забавы мальчика зашли слишком далеко.

– Как странно, – удивлённо вскинул брови Рафаэль Эрнесто, – мой военачальник говорил мне то же самое, и не далее, как сегодня на рассвете, когда ему пришлось выбросить в пропасть пятерых изрубленных мною воинов. Он сказал, что они были лучшими... Не так ли, Хорхе?

Крупные капли пота покрыли лоб бедного Валадаса, его ноздри взбешённо раздувались, сердитое лицо слегка побледнело.

– Злится, – покачал головой Рафаэль Эрнесто и подошёл вплотную к Мартинесам. – Да что нам простые воины, переодетые в рыцарей, а, сеньоры? Ведь мы можем посостязаться в силе и ловкости между собой! – он с торжеством наблюдал, как румянец, появление которого он так добивался, заливает лица растерявшихся увальней.

– Т... ты... Вы... один, а нас двое, – невнятно пролепетал в ответ дон Франсиско.

– А, так в этом нет ничего страшного, – заверил Рафаэль Эрнесто. – У меня было до десяти соперников сразу.

– Оставь, Рафаэль Эрнесто, – с тёплым светом в глазах попросил его граф. – Наши гости ещё не обедали.

– А после обеда? – тоном капризного ребёнка продолжал настаивать юный Ла Роса.

– Сеньор Рафаэль Эрнесто, я подыщу для Вас ещё пятерых сильных воинов, – вдруг предложил до сих пор хранивший молчание Валадас. – Но только завтра.

– Да?! – обрадованно повернулся к нему всем телом юноша. – И без сожаления выбросишь куски их тел в пропасть?

– Без сожаления, – подтвердил Хорхе. Что-то дрогнуло в его лице, рот готов был расплзться в широкой улыбке.

Рафаэль Эрнесто понял, что немного переиграл и что слишком долго испытывал терпение побагровевших от сдерживаемого смеха людей, выхватил из ножен свой тяжёлый меч, замысловато покрутил им в воздухе, будто рубил головы невидимых соперников и, звеня шпорами, побежал по ступеням, ведущим вниз.

Гости, окинув защитников замка Ла Роса сочувственным взглядом, также ушли. И только когда стихли последние шаги, безудержный хохот вырвался наружу. Некоторые схватились за живот и упали на колени; кто-то в изнеможении ползал по каменному полу; один из воинов смешно похрюкивал, качаясь на спине; другой басовито гоготал, приседая, – от этого всем становилось ещё веселее.

Наконец, когда люди немного отдышались, посыпались реплики:

– Ой, братцы, ещё немного, и я бы лопнул...

– Оказывается, наш военачальник выбрасывает куски наших тел в пропасть.

– Я сначала рассердился: зачем молодой сеньор смешит вас? А потом понял... – хохотал вместе со всеми Валадас.

– Сеньор Рафаэль Эрнесто нас насмешил, а тех двоих, толстобрюхих, напугал.

– Папаша их тоже от страха за сыночков едва не намочил штаны.

– А Хорхе-то, Хорхе – вы слышали?! Предложил на растерзание пятерых из нас!

– Уж лучше бы ты, сеньор военачальник, не говорил этого!

– Мне за шутника дона Рафаэля Эрнесто жизнь отдать не жалко.

– И мне тоже.

– И мне! Пусть хоть на куски меня рубят и в пропасть выбрасывают, а я всё равно буду ему верен и никогда не предам...

Донья Еухения и донья Мерседес разглядывали вышивки в рамках. Работы были великолепные. Вскоре к ним присоединились мужчины. Природа всей Испании предстала взорам удивлённых гостей.

Вот на скалах, похожих на те, что окружают замок Ла Роса, грациозно выгнула шею серна, чуть ниже застыл в прыжке горный козёл, а за ним наблюдает готовая к прыжку рысь... В бледно-голубом небе кружат беркут и лысоголовый гриф, оба светло-коричневой окраски... Горная куропатка кеклик ведёт свой выводок в заросли можжевельника, плоские веточки которого усыпаны круглыми синими ягодами.

А вот на отдельных маленьких вышивках крупным планом нежный галантус и голубой эдельвейс...

Огромное полотно, изображающее арагонский лес, заставляет останавливаться и в восхищении разглядывать каждую деталь, выложенную мельчайшим крестиком вышивки.

– Это ещё не всё, – слышат околдованные гости голос хозяина замка, послушно подходят к другой, также большой по размеру, работе в раме, инкрустированной перламутром, и тотчас попадают в мир тропиков, будто незримо путешествуют по Испании всё дальше к югу.

– А каковы бабочки! – шепчет непонятно кому донья Мерседес.

И в эту минуту лишь один граф де Ла Роса замечает, что в двери заглядывает сама мастерица вышивки.

Маура хотела поинтересоваться, скоро ли начнётся обед, чтобы сообщить об этом сеньорите, и весьма удивилась, увидев, что гости столпились у одной из её работ. Дон Эрнесто жестом позвал её.

– Сеньоры! – в полной тишине раздался голос графа, возвращая присутствующих из волшебного путешествия в реальный мир. – Я хочу представить вам девушку, чьё искусство так тронуло наши с вами души. Её зовут Маура, она горничная моей дочери.

И вдруг донья Мерседес начала аплодировать. Она без всякого притворства, с улыбкой восхищения хлопала в свои розовые ладоши... Её примеру последовали остальные, все, кроме нарумяненной старухи...

Вспыхнув, Маура поспешно опустила глаза-миндалины и даже наполовину прикрыла лицо кружевной шалью. А скептический голос старухи произнёс:

– Этого не может быть!

Донья Еухения, глядя на графа исподлобья, всем своим видом требовала, чтобы ей сказали правду, а не морочили голову рассказами о талантах служанки.

– Признайтесь, граф, Вы разыгрываете нас.

– Ничуть, сеньора! – воскликнул дон Эрнесто, крепко держа за руку готовую убежать девушку. – Маура с детства увлекалась вышивкой, и даже оказалось, что она отличная художница. Моя дочь с восторгом показывала мне её эскизы. И я охотно поддерживаю это увлечение.

Маура умоляюще подняла на него агатовые глаза.

– Ну, ступай, ступай, – мягко проговорил он, отпуская её руку. – Скажи Алетее Долорес, чтобы спустилась к нам – столы уже накрыты.

Глава XVII

Угощение было богатым и разнообразным: мясо серны, баранина, целиком зажаренные зайцы и поросята с приправами и гарниром из искусно нарезанных варёных и сырых овощей; запечённые в сметане утки, гуси, куры, цыплята и куропатки; фаршированные форелью яйца; грибы в оливковом масле; воздушные пшеничные лепёшки; креплёные вина для мужчин, сладкие напитки для женщин...

И все эти яства – на изысканной фарфоровой посуде с цветной рельефной орнаментацией, напитки – в молочно-белых и расписанных яркими лазурями сосудах, в тяжёлых бутылках удлинённой, прямоугольной и округлой формы.

Гул голосов с отдельными выкриками дона Эдгара или дона Фелисио вызывал у обоих именинников чувство уныния.

Наконец Рафаэль Эрнесто негромко сказал:

– Поиспытывают немного наше терпение да и разведутся.

– Остаётся надеяться, что мы ещё лет пятнадцать-шестнадцать их не увидим, – одними глазами улыбнулась Алетея Долорес.

– Сомневаюсь, сестрёнка. Ты заметила, какими глазами смотрит на тебя старший из братьев Мартинесов? Я даже не могу есть.

– Почему?

– Сводит челюсти: очень хочется его укусить.

Алетея Долорес, с трудом сдержав смех, стукнула брата кулачком по ноге.

– Я ничего не хочу замечать, – прошептала она.

– А зря! Да он, нахал, просто раздевает тебя глазами. Вот увидишь, начнёт приезжать и ухаживать, а потом предложит свою немытую руку и заплывшее жиром сердце.

Девушка ещё раз незаметно толкнула Рафаэля Эрнесто:

– Перестань, не то я сейчас пренебрегу приличиями и вдоволь посмеюсь.

– ...Уже начала действовать святая инквизиция, – донеслось до них. – Уже корчатся от пыток в руках палачей проклятые еретики. Уже было по Испании несколько сожжений на костре, святом костре!

Сеньор епископ вскочил, его глаза округлились и горели жёлтым огнём, высоко поднятая голова сильно тряслась, так, что даже прыгали складки кожи на сморщенном, будто печёное яблоко, лице.

– О Господи! – не удержался Рафаэль Эрнесто.

– Я не слышала о таком... – растерянно проговорила сеньора Мартинес.

– Услышите. Скоро все услышат! – не унимался старик. Было очевидно, что он хлебнул лишнего.

– Ваше Преосвященство! – попытался вернуть его к действительности граф де Ла Роса. – Мы склоняем голову перед справедливостью святой инквизиции, однако... Однако Вы отведали ещё не все блюда, а уже поднялись из-за стола. Вам необходимо беречь свое здоровье.

Алетея Долорес переглянулась с братом. Рафаэль Эрнесто вздохнул и, поскольку стук вилок и ножей ещё не утих, негромко заметил:

– Какое счастье, что на нас никто не обращает внимания. Скажи, Лета, на именинах так и положено? Как там крестьяне поступают в подобных случаях? Моя любовь к ним возрастает с каждым скушанным Мартинесами блюдом.

– Я только что сама подумала, – улыбнулась Алетея Долорес, – если устраивать нам именины в замке, в небольшом кругу людей, так уж лучше созвать наших родственников.

– У нас есть родственники? – не понял Рафаэль Эрнесто.

– Стыдись! А по линии бабушки Хулии? Забыл?

– Как я могу забыть то, чего не знаю? – искренне удивился юноша.

Алетея Долорес внимательно посмотрела в его глаза и поняла, что на этот раз брат не шутит.

– Пресвятая Дева! – ошеломлённо сказала она. – Ты не знаешь никого, кроме бабушки Хулии?! Ах, ну да... Откуда тебе знать? Хотя... Отец, по крайней мере, должен был тебе рассказать! – воскликнула юная графиня.

– Видимо, так получилось: отец не догадался, ты забыла, а я не поинтересовался, вот и не знаю никаких родственников, кроме родной бабушки... А что, у меня есть какая-нибудь троюродная сестра?

Алетея Долорес погрозила ему пальчиком и поправила:

– Четвероюродный брат.

– Да?! Это не менее интересно! Расскажи, Лета, поскорее – откуда он взялся, как его зовут и сколько ему лет.

– Не торопись, я опишу тебе наше генеалогическое древо по порядку, – с удовольствием заговорила Алетея Долорес. – Наши прапрадед и прапрабабушка пришли в Арагон издалека, с Севера, и оба были светловолосы и голубоглазы. Они привезли с собой двух маленьких дочерей. Одна из них, Анна, стала впоследствии матерью бабушки Хулии. Анна – наша родная прабабушка... Ты все понимаешь, Рафаэль Эрнесто?

– Пока да, – Рафаэль Эрнесто слушал напряжённо и заинтересованно, будто перед ним должна была открыться большая, захватывающая тайна.

– Так вот. Сестру нашей прабабушки Анны звали Марией. Она вышла замуж за крестьянина по фамилии Вивес, родила сына Хуана – двоюродного брата бабушки Хулии. Хуан и сейчас живет в деревне Ла Роса. Он считается нашим двоюродным дедушкой. У дедушки Хуана есть сын – дядя Хосе. Это троюродный брат нашей мамы Эсперансы. У дяди Хосе и тёти Соледад сын тоже Хосе. Их так и называют: Хосе Вивес-старший и Хосе Вивес-младший. Вот он самый, Хосе Вивес-младший, и есть наш с тобой брат – четвероюродный.

– Уф! – с облегчением вздохнул Рафаэль Эрнесто, сумевший удержать в голове нить сложных генеалогических связей. – И какой он, Хосе Вивес, ведь ты с ним знакома? Почему он ни разу не появлялся в замке? И этот самый двоюродный дедушка Хуан? Они не хотят с нами знаться? – забросал он вопросами сестру.

– О, Рафаэль Эрнесто! Они много раз бывали в замке, навещали бабушку Хулию. Может быть, и ты их не раз видел, но не знал, кто эти люди. Бабушка Хулия тоже частая гостья в деревне. Она предлагала всем Вивесам перебраться жить в замок, но они люди простые и скромные, и хотят заниматься своим делом, а главное для них – крестьянский труд... Что касается Хосе, то он очень хороший. Ему двадцать один год, но даже старики считаются с его мнением – такой он рассудительный, а ещё – сильный. Ростом Хосе намного ниже тебя, глаза тёмные, а волосы светлые, не такие, как у меня, но всё равно...

– Хосе Вивес... – задумчиво произнёс Рафаэль Эрнесто. – Так хочется с ним встретиться!

– ...Романсы – моя слабость, – донеслось до слуха увлечённых тихой беседой именинников. Эти слова нараспев произнесла донья Мерседес. — Позвольте мне, сеньоры, рассказать вам мой любимый романс, я просто не могу удержаться.

– Ради Бога, милая донья Мерседес, – тут же откликнулся дон Эрнесто. – Мы послушаем Вас с большим удовольствием. Не так ли, сеньоры?

Сеньора Мартинес встала и шутливо поклонилась в ответ на одобрительные возгласы.

– В саду благородная дама
Гуляла в полдневный час,
Ноги её босые

Усладой были для глаз...

Донья Мерседес, порозовевшая от вина, вдохновенно и довольно неплохо читала, почти всё время глядя на сидевшего напротив неё дона Альфонсо.

«Черт возьми! – подумал Рафаэль Эрнесто. – Да ведь она в него влюблена – это ясно, как Божий день... Вот так молодая мачеха!» – он покосился на сестру, не заметила ли она того, что ясно видел он?

Но Алетея Долорес сидела, мечтательно подперев кулачком подбородок, и смотрела куда-то поверх головы молодой гостьи.

– Замечательно! – первым воскликнул дон Эрнесто. – Откуда Вы, добрая фея, принесли в наши края новый романс?

– От эускалдунак, – охотно отозвалась донья Мерседес, польщённая похвалой и комплиментом уважаемого графа. – От басков. Мой отец – баск. Я покинула родные места всего полтора года назад и знаю множество романсов, которых, вероятно, пока никто не слышал в окрестностях Уэски.

– В таком случае мы будем первыми, кто их услышит, – с улыбкой проговорил дон Эрнесто. – Однако я вижу, что мои гости больше не прикасаются к блюдам. Видимо, нужно сменить стол и перейти к сладкому.

Множество слуг бесшумно и проворно убрали со стола остатки яств. Перед разморенными от обильной еды и вина гостями начали появляться блюда, которые вызвали у них новый аппетит.

Здесь были виноград, светящийся прозрачной зеленью; лимоны и апельсины с их насыщенным цветом жёлтой и оранжевой кожуры; очищенные лесные орехи; малина с её дурманящим, неповторимым ароматом; сладкий сыр; замысловатые изделия из румяного теста.

В тонких сосудах были молоко и чай; в маленьких пузатых бочоночках по всему столу стояли мёд и тростниковый сахар, предмет гордости хозяина.

Но особое оживление вызвало появление огромного творожного пирога, который внесли на квадратном блюде четверо слуг. От свежего изделия ещё исходил пар, и аромат щекотал ноздри не привыкших отказывать себе ни в чём людей.

– Где наша флювиоль? – закричал дон Фелисио.

– Да! А где вообще наши музыканты? – спросила донья Мерседес. – Дон Эрнесто, Вы забыли о них?

Вместо ответа граф сделал знак рукой, и слуги отдёрнули занавес, открывший обширную нишу в глубине зала. За занавесом оказались музыканты, прибывшие вместе со своими сеньорами из замка Аутодефенса.

Тотчас, по желанию дона Фелисио, завизжала флювиоль, и все рассмеялись, глядя на его довольную физиономию.

Гости с интересом стали разглядывать инструменты в руках музыкантов.

– Держать музыкантов – неплохое дело, – произнесла сеньора Каррильо. – Дон Фелисио, Вы одолжите мне своих музыкантов на недельку, когда вернётся мой сын?

– С большим удовольствием, донья Еухения. Я уважаю дона Рауля, преклоняюсь перед его мужеством. Так долго сражаться с маврами!

– А что, дон Рауль должен скоро вернуться? – спросил дон Альфонсо. – Мы с ним были друзьями.

– Я знаю, мой друг. Надеюсь, вы ими и останетесь. В последнем письме сын сообщил, чтобы я ожидала его к зиме.

– Это совсем скоро! – обрадовался дон Фелисио. – Вот уж погуляем! И станцуем сардану!

– Да что твоя сардана, – скривила губки донья Мерседес. – Вы не видели, сеньоры, танцев эускалдунак – с кинжалами, кубками!

– Дон Эрнесто, мы сегодня танцевать будем? – заплетающимся языком спросил дон Фелисио.

– Мой друг, Вы отведали ещё не все блюда, – граф позвал слугу и негромко сказал ему несколько слов, после чего слуга вышел. – И потом мы ведь с Вами не настолько молоды, чтобы танцевать. Подождите немного – я приготовил для всех вас сюрприз.

Слуга вернулся в сопровождении высокого человека в живописной одежде. На незнакомце была лимонно-жёлтая крестьянская рубашка, видимо, крашенная барбарисом, со стоячим воротником; короткая чёрная жилетка; чёрные блестящие штаны в обтяжку, опускавшиеся чуть ниже колен, с кисточками по бокам, и широкий красный пояс, в несколько рядов охватывающий талию.

На ногах его были деревянные башмаки, плетёные сверху, их ремни оплетали щиколотки; на голове – широкополая чёрная шляпа с ремешком под подбородком. Поля шляпы прятали в своей тени глаза человека, видна была только молодая чёрная борода.

Алетея Долорес с первой секунды узнала Герардо и, забыв обо всём на свете, впиалась в него глазами, даже розовые губки слегка приоткрылись.

«Ого! – сказал сам себе Рафаэль Эрнесто, глядя на сестру. – Кажется, Лета готова потерять голову. Неужели это уже случилось?» Он нахмурился и враждебно посмотрел на вошедшего.

– Сеньоры! – раздался торжественный голос графа де Ла Роса. – Этого человека зовут Герардо Рамирес. Он порадует нас своим искусством танцора.

«Можно ли так рисковать! – снова подумал Рафаэль Эрнесто. – Ведь отец не видел, как танцует этот человек, просто поверил ему на слово! Вот будет позор, если гости засмеют танцора, которого граф де Ла Роса представил с такой важностью!..»

– Какую музыку ты предпочитаешь? – спросил у Герардо дон Эрнесто после того, как тот поклонился присутствующим.

– Пусть играют хоту на гитаре, сеньор.

– Хоту? – переспросил дон Эрнесто. – Но, кажется, это парный танец.

– Я справлюсь, сеньор, – коротко и скромно заметил Герардо.

Граф де Ла Роса сделал знак музыкантам и вернулся на своё место за столом. Гитарист сыграл первые такты, но танцор пока не двигался. И лишь когда в мелодию вплелось постукивание кастаньет, танец начался.

Глаза Герардо были опущены, голова слегка наклонена вперёд, гибкие руки то взлетали вверх, то задерживались на талии, деревянные каблуки гулко вторили кастаньетам. Внезапно Герардо резко вскинул голову, сбросил шляпу за плечи, окинул сеньоров сверкающим, победным взглядом и задвигался быстрее. Чувствовалась его уверенность в непревзойдённом мастерстве танцора: движения, предназначенные для пары, он легко заменял сольными, словно делал это сотни раз, отточенно выполняя каждый поворот, каждый пристук каблука...

Хоту Алетея Долорес знала хорошо. Она не раз танцевала её вместе с Карлосом под щёлканье пальцев многочисленных добровольных зрителей и ревнивые взгляды Мауры. И хотя сейчас танцор был великолепен, юной графине жаль было парных движений. Сеньоры, захваченные зрелищем, может быть, и не догадывались, но она знала: Герардо Рамиресу нужна партнёрша.

Алетея Долорес тронула за рукав графа, всецело поглощённого танцем, и спросила:

– Отец, ты позволишь?

Он машинально кивнул, а когда сообразил, о чём просит дочь, было уже поздно. Алетея Долорес взяла свой веер, встала и направилась к нему.

Герардо увидел сеньориту сразу и сам быстро приблизился, принимая её в танец. Теперь они танцевали вдвоём, слаженно и великолепно, всем существом чувствуя друг друга. Пламя

множества свечей подрагивало, и со стороны казалось, будто посредине большого зала разгорелся костер из быстро мелькающих розового атласа, жёлтой рубахи и красного пояса.

Алетея Долорес видела только эту рубаху и сильную шею за расстёгнутым воротом. И ещё видела большой медальон на цепочке, выпрыгнувший наружу. Этот медальон ловил отражение огня свечей и блестел золотой желтизной. Девушке казалось, что он сам излучает свет, потому что она ясно видела изображение солнца, хоть и наполовину спрятанного за большим, вертикально стоящим мечом...

Несколько последних аккордов, и музыка обрывается, а вместе с нею застывают в одно мгновение танцоры: она – прогнувшись далеко назад, почти касаясь веером пола, он – подняв руки и припав перед нею на одно колено.

И в ту же минуту происходит нечто непредвиденное: от резкой остановки танцора тонкая цепочка на его шее обрывается, и медальон, звонко ударившись о каменный пол, скользит к ногам одного из гостей дон Эрнесто, к ногам дон Эстебана Доминго-и-Хименеса.

Дон Эстебан быстро наклоняется, но, не успев поднять золотую пластину, хватается за грудь и грузно падает на пол без чувств. Гости вскакивают с мест; к упавшему подбегают слуги; Герардо, оглянувшись на Алетею Долорес, спешит поднять свой медальон, и в некоторой растерянности останавливается перед графом де Ла Роса; но тот машет ему: «Уходи! Уходи!»; и Герардо послушно скрывается за дверь. Вслед за ним слуги выводят под руки едва живого дон Эстебана.

Глава XVIII

Рафаэль Эрнесто медленно шёл по слабо освещенному коридору. Несмотря на неплохое начало и замечательный обед, праздник получился каким-то скомканным. То ли виной этому был внезапный обморок и плохое самочувствие дона Эстебана, то ли на всех удручающе подействовал скандал, поднятый сеньорой Каррильо по поводу того, что сеньорита де Ла Роса унизилась до танца с простолудином, но только праздник поскучнел.

Донья Мерседес, без конца выражавшая Алетеэ Долорес свое восхищение, вынуждена была сопровождать пьяного мужа в отведённую для них комнату.

Дон Альфонсо и дон Франсиско последовали примеру отца и тоже ушли отдыхать. Сеньор епископ вместе с вызванным доктором Амадэо не отходил от постели больного. Донья Еухения, возмущённая и разобиженная, посчитала нужным убраться восвояси.

Сейчас был вечер. Дону Эстебану, натёртому лечебными настоями, стало легче, и сеньор епископ наконец ушёл в свою комнату. Молодые Мартинесы, по-видимому, успели выспаться, потому что Рафаэль Эрнесто совсем недавно слышал их громогласный смех. Это и побудило его отправиться к дону Альфонсо в намерении отбить у него аппетит в отношении Алетеи Долорес.

Юноша ещё не знал, что скажет и как поступит, но ни на минуту не сомневался в том, что задуманное у него получится.

Голоса, неожиданно раздавшиеся за тёмным поворотом коридора, заставили его остановиться.

– Альфонсо, ты сводишь меня с ума, – обиженно сказал голосок, принадлежащий донье Мерседес. – За обедом ты так красноречиво смотрел на дочь графа, что я подумала: не собираешься ли ты к ней посвататься?

– А что, это неплохая мысль, – хмыкнул в ответ дон Альфонсо.

– Зачем же я тогда бросила мужа и согласилась на авантюру с твоим мерзким стариком?! – возмутилась донья Мерседес. – Ведь ты уверял меня, что таким образом мы сможем заполучить всё наследство!

– Да, это так, – согласился дон Альфонсо. – Мы с отцом часто ссоримся, он больше любит Франсиско, и если бы не ты, он давно бы уже выгнал меня из дома без единой монеты.

– Вот видишь, любимый, на какие жертвы я иду ради тебя, – продолжала сеньора Мартинес. – Я преодолела такой длинный путь одна, чтобы приехать в твой дом на целых три месяца раньше тебя! А какое усилие я делала над собой каждый раз, чтобы пококетничать с твоим отцом, стерпеть его ласки, разделить с ним брачное ложе!.. Я больше не могу, Альфонсо. Пожалей меня! Давай возьмём золото – ведь я имею к нему доступ – и убежим отсюда вдвоём. Мы могли бы уехать в Наварру и жить в замке отца. Что же ты молчишь, Альфонсо?!

– Мерседес, во-первых, я прошу тебя: не кричи, нас могут услышать, во-вторых, успокойся. Я благодарен тебе и ценю все твои жертвы ради меня. Но я чувствую, что Бог хочет изменить мою судьбу: не зря же Он сегодня дал мне возможность увидеть настоящего Ангела – донью Алетею Долорес. Так неужели ты сможешь помешать воле самого Господа? Нет, ни ты, ни я, ни кто другой не в силах это сделать. А значит, моя судьба отныне связана с дочерью дона Эрнесто...

– Наглец! – гневно перебила назидательную речь любовника донья Мерседес. – Я не простушка, чтобы позволить тебе запудрить мне мозги! О Господи! Разве такой судьбы я заслуживаю?! Зачем тогда отец дал мне образование и обучил хорошим манерам? Нет, нет, не в таком кругу, как вы, Мартинесы, я должна жить... А ты, обманщик, заплатишь мне сполна. Как только твой отец проспится, я расскажу ему о нас с тобой всю правду, и, поверь, меня он не выставит за ворота замка, я ему нужна, а вот тебе придется туго!

– Мерседес, твои угрозы смешны. У меня есть верное средство против отцовской злости – кинжал к горлу.

Послышался звук пощечины, но дон Альфонсо со смешком продолжал:

– Не сердись, девочка. Ты мне ещё понадобишься. Разве тебе плохо со мной, а?

Рафаэль Эрнесто вынул из держака факел и шагнул за поворот. Пламя выхватило из темноты испуганные лица любовников.

– Весёленькая у вас история, голубчики, – без улыбки сказал Рафаэль Эрнесто. – Ну, так у меня против тебя, сердцеед, тоже есть верное средство, – с этими словами он приставил к горлу дон Альфонсо обнажённый меч.

– Ради Бога, сеньор Рафаэль! – воскликнула донья Мерседес. – Не убивайте его, умоляю Вас!

– Видишь, мерзавец, как тебя любит женщина, которой ты намереваешься окончательно испортить жизнь? – юноша, похоже, и не думал убирать меч от шеи побледневшего дон Альфонсо. – Знай своё место. Эх, замахнулся на руку Алетеи Долорес! Её стошнит от твоего признания в любви. А чтобы я знал, что доходчиво объясняю и что, начиная с завтрашнего дня, ты больше никогда не появишься перед моими глазами, я сделаю тебе небольшую пометку для памяти, – и он провел лезвием меча по шее Мартинеса. Из порезанной кожи потекла струйка крови.

При виде крови донья Мерседес лишилась чувств. Рафаэль Эрнесто опустил меч и позволил дону Альфонсо поднять сеньору Мартинес. Потом он проводил их до дверей комнаты, освещая факелом коридор, и на прощание сказал удручённой гостье:

– Милая донья Мерседес, я умею держать язык за зубами. А этого прохвоста как-нибудь прочтите. Женский ум изобретателен, отомстите за себя.

Донья Мерседес улыбнулась ему сквозь слезы, а дон Альфонсо наградил его таким ненавидящим взглядом, что юный граф невольно усмехнулся.

* * *

Алетей Долорес вошла в свою комнату и села на постель, сжимая холодными ладонями горячие щёки. Потом она встала и заперла дверь на ключ, словно боялась, что кто-нибудь войдёт и разберётся в её путаных мыслях и чувствах. Почему так неистово бьётся сердце и горит лицо, когда она вспоминает эти чудесные глаза, способные пронизывать насквозь? Почему этот человек так захватил её воображение?

Алетей Долорес откинулась на подушки и сквозь опущенные веки снова и снова видела мысленным взором, как рядом с нею мелькают сильные мужские руки, гибкое тело, как ласково смотрят глаза-омуты...

Девушка порывисто поднялась и, подойдя к небольшой скульптуре, изображавшей Деву Марию, вдруг упала перед нею на колени.

– Пресвятая Дева! – горячо заговорила она. – Успокой мою душу, прошу тебя! Я не знаю, что со мной. Мне так нравится этот человек... Ты знаешь, о ком я говорю... Но ведь он не для меня? Как ты думаешь, Пресвятая Дева? Мне не следует думать о нём, но я не могу не думать... Не могу даже справиться со своими чувствами. Никогда ещё я не была так слаба. Помогите мне, Пресвятая Дева! Дайте силы противостоять наваждению. Больше ни о чём не прошу – только дайте мне силы... – и она быстро и привычно зашептала слова латинской молитвы.

Молитва облегчила душу Алетеи Долорес. Смахнув слёзы и поднявшись с колен, девушка открыла дверь на балкон. Необычная прохлада резко охватила её. Алетей Долорес зябко поёжилась, нашла свой горностаевый плащ и, накинув капюшон, вышла в ночной холод.

Мириады ярких крупных звёзд усеяли фиолетовое небо. Ни один лист не шевелился в саду. Густой запах левкоев, магнолий и роз окутывал дурманом голову и грудь. Где-то далеко внизу, в траве, без устали стрекотали цикады.

«Лето в разгаре, а ночь выдалась такая холодная, – подумала Алетея Долорес и плотнее завернулась в плащ. Здесь, на балконе, ей было легче: холодный воздух вливался в грудь и успокаивал растревоженное сердце, щёки больше не горели.

Алетея Долорес стояла, прислонясь спиной к каменной стене, и улыбалась, глядя на звёзды. Ей казалось, что все прежние годы она спала и проснулась только сейчас, в эту минуту, когда мир, омытый родниковой свежестью ночи, предстал перед нею в невиданной до сих пор красоте.

Внизу, прямо под балконом, неожиданно раздались голоса.

– Здесь Вам станет легче, сеньор, – сказал доктор Амадэо. – Сейчас я распоряжусь вынести для Вас кресло.

– Не беспокойтесь, доктор, – ответил слабым голосом дон Эстебан. – Мне достаточно будет вот этого стула. Я благодарю Вас, а теперь оставьте меня... Только... Только скажите моему слуге Хуану – пусть придёт.

«Комната дона Эстебана – прямо под моею, – вспомнила Алетея Долорес. Она собралась было уйти с балкона, но негромкие слова, которые дон Эстебан вдруг сказал вслух самому себе, заставили её остановиться:

– Вот я и нашёл тебя. Значит, Герардо Рамирес? Ну что ж, мне всё равно, какое у тебя имя. Главное – я нашёл! Нашёл!

В его голосе было столько торжества и вместе с тем злорадства, что сердце Алетеи Долорес тревожно сжалось.

– Я здесь, сеньор, Вы меня звали? – раздался снизу хриплый голос Хуана.

– Да, мой друг. Тебе представилась возможность доказать мне свою преданность.

– Приказывайте, – коротко бросил Хуан.

– Сегодня великий день. Я нашёл *его*! Представляешь, Хуан, нашёл! Да, да, ты можешь в этом не сомневаться!

– Но как это случилось, сеньор?

– Ты видел танцора в жёлтой рубахе? Высокий такой...

– Да, сеньор, я даже знаю его имя: Герардо Рамирес.

– Да, да, я тоже спросил у слуги, я знаю его имя.

– Простите, сеньор, но почему Вы решили, что этот человек – *он*?

– О, Хуан, я узнал его сразу, как только он появился в зале. Даже борода не помешала мне узнать его! Облик тот же самый. Удивительное сходство!.. Но это ещё не всё. К концу танца с цепочки на его груди сорвался медальон и волею Дьявола покотился прямо к моим ногам. Мне достаточно было одного взгляда.. Это *он*, Хуан, *он*!.. Послушай, мой друг, я чувствую себя из рук вон плохо. Если даже со мной что-то случится, сделай *это*.

– Герардо Рамирес не так давно пошёл в деревню. Сейчас ночь. Я могу догнать его.

– Да, конечно! Бери коня и постарайся настигнуть его. Сделай всё возможное, но так, чтобы никто не видел. Он не должен жить. Какое было бы счастье, если бы ты смог разделаться с ним именно этой ночью! А потом мы возьмёмся за Родриго, и тогда уж я тебя озолочу. Ты мне веришь, Хуан?

– Да, сеньор. Вы всегда были добры ко мне.

– Ну, так поторопись. Дорога каждая минута... Его тело хорошо бы отвезти в горы и бросить в какую-нибудь пропасть или, на худой конец, похоронить под камнями.

– Я всё сделаю.

– Иди, Хуан, иди.

Шаги удалились. Хлопнула дверь. Стало тихо. Слышно было лишь тяжёлое, болезненное дыхание донна Эстебана.

Алетею Долорес сковал ужас. Какое-то время она не могла пошевелиться, всё так же прижимаясь спиной к неровной стене.

«Герардо Рамирес... разделаться с ним... его тело... бросить в пропасть...» – лихорадочно стучали в мозгу обрывки фраз.

Алетея Долорес прижала ладонь к губам, сдерживая готовый вырваться крик. Она бросилась в комнату и снова упала на колени перед Святой Девой:

– Защити его, Пресвятая Дева! Не дай совершиться злодеянию!

Облик Марии был спокоен и умиротворён, но Алетея Долорес кусала холодные пальцы, не в силах успокоиться.

Решение пришло бесповоротное: «Спаси!» Она должна это сделать! Рука Святой Девы будет направлять её.

Девушка выбежала в полутёмный гулкий коридор. Дверь в комнату брата была заперта. Алетея Долорес стала неистово стучать, но Рафаэль Эрнесто не открывал.

«Где он может быть в такое время?» – чуть не плача, подумала девушка и вдруг услышала звон шпор: с другого конца коридора сюда шёл Рафаэль Эрнесто!

Алетея Долорес бросилась ему навстречу и, добежав, с мольбой заглянула в глаза:

– Рафаэль Эрнесто, обещай помочь мне!

– Что-то случилось? – встревожился юноша. – Тебя кто-то обидел?

– Нет, нет, дело не во мне... Герардо Рамиреса хотят убить...

– Да?! – Рафаэль Эрнесто выпрямился, лицо его стало насмешливым. – Кажется, я начинаю понимать: моей сестрёнке приснился дурной сон.

– О, Рафаэль Эрнесто! Сейчас не время для шуток! Это правда: Герардо Рамиреса хотят убить! – в отчаянии повторила Алетея Долорес.

– Да какое мне дело до Герардо Рамиреса! – вспыхнул Рафаэль Эрнесто. – Я только что утомил твоего несостоявшегося жениха, а теперь, видимо, придётся заняться твоим воспитанием. Ты разрешишь мне самому делать это или следует посоветоваться с отцом?

– Раз так, я поеду одна! – гневно проговорила Алетея Долорес. – Я думала, что ты мне друг, а ты... ты... просто осёл! Отойди с дороги, я должна помешать злодейским замыслам донна Эстебана, – и она решительно оттолкнула брата.

– Постой! – Рафаэль Эрнесто схватил её за руку. – Ты говоришь: донна Эстебана? Это меняет дело! Ну-ка, рассказывай, что случилось.

– Я была на балконе и случайно услышала, как дон Эстебан отправлял своего слугу убить Герардо Рамиреса, – взволнованно заговорила Алетея Долорес.

– За что? – быстро спросил юноша.

– Я не поняла... О, Рафаэль Эрнесто, сделай же что-нибудь! – взмолилась девушка. – Хуан уже уехал вслед за ним. Может быть, как раз в эту минуту совершается злодеяние.

– Ладно, – решительно проговорил молодой граф. – Потом во всём разберёмся. Иди к себе, а я постараюсь помешать дону Эстебану.

– Я с тобой! Нет, нет, и слышать не хочу! Я должна быть там... В конце концов, это мой христианский долг.

Видя, что любые доводы бесполезны, не желая спорить с сестрой, Рафаэль Эрнесто молча повернулся и быстрыми шагами направился к лестнице.

Пабло спросонок никак не мог понять, чего от него хотят.

– Коней? Сейчас? – испуганно повторял он.

– Да, сейчас, черт побери! – рассердился Рафаэль Эрнесто. – Здоров же ты спать! Мы с сеньоритой поедем вслед за слугой донна Эстебана.

– Простите, сеньор, а при чём здесь Хуан? – не понял Пабло.

– Ну вот, я так и знал! Ты, конечно, не слышал, как Хуан взял своего коня и ускакал. Его коня нет на месте, ты понимаешь?

– Я, сеньор, ничего не слышал, – виновато проговорил Пабло. – Я крепко сплю.

– Это я заметил. А ведь отец просил тебя не давать коня Хуану, не выпускать его за ворота замка!

Пабло молчал, поникнув головой.

– Ладно, давай, быстро готовь коней, а я потолкую со стражниками.

При виде Рафаэля Эрнесто два воина поднялись со скамьи.

– Разве вы не слышали приказ отца не выпускать слугу сеньора Хименеса? – напустился на них Рафаэль Эрнесто.

– Мы и не выпускали, сеньор граф, – ответил один из стражников. – Тогда он привёл Вальдеса, и тот сказал, что дон Эрнесто разрешил.

– «Дон Эрнесто разрешил!»! – возмущённо воскликнул юноша. – Да что же это делается с недавних пор?! Имя графа де Ла Роса вертят, как хотят! Его именем приглашают, разрешают, запрещают! Вы все с ума сошли! Скажите мне: как вы могли поверить Бычьему Глазу?!

– Мы не верили, сеньор, – тихо ответил тот же воин. – Но он сказал, что с минуты на минуту подойдёт сеньор Хорхе и нам достанется, если мы немедленно не выпустим Хуана... Мы виноваты, сеньор граф. Прикажите нас наказать.

– Вас и так уже Бог наказал, лишив мозгов... Если отец спросит о нас с сестрой, скажите, что, мол, обещали скоро вернуться... Лета, ты готова? – Рафаэль Эрнесто вскочил в седло. – До чего же холодно! И ветер поднялся. Пабло, дай-ка мне сайяль.

Тесоро, нетерпеливо танцевавший на месте, пока открывали ворота, наконец вырвался на простор.

Всадники растворились в темноте. Стук копыт замер в отдалении.

Глава XIX

Герардо помог слугам донести бесчувственного дона Эстебана до его комнаты и пошёл вниз. Проходя вновь мимо большого зала, он задержался – из-за приоткрытых дверей слышен был крик какой-то сеньоры:

– ...Это переходит границы приличия! Как Вы могли, сеньор граф, позволить Вашей дочери унизиться до такого?! А Вы, сеньорита, стыдитесь! Ваше поведение никак нельзя назвать детской шалостью. Вы взрослая девушка. Неужели Ваш отец не воспитал у Вас чувство собственного достоинства? Где это видано: выходить на танец к грязному простолодину!

– Почему «грязному»? – спросил голосок Алетеи Долорес, и Герардо понял, что в эту минуту девушка улыбалась.

– Вы смеетесь надо мной?! – взвизгнула сеньора. – Полное падение нравов!

– Ах, донья Еухения, зачем Вы так? – сказал другой женский голос. – Мне совершенно непонятен Ваш гнев. И сеньорита Алетея Долорес и её партнёр были просто великолепны! Я и сама не прочь была бы потанцевать с таким красивым юношей.

– Замолчите, донья Мерседес!.. Ах, мне плохо. Воды! Дайте воды!..

Герардо показалось, что кто-то идёт к выходу из зала, и он поспешно отошёл. Постояв какое-то время в нише коридора, он убедился, что тревога его была напрасной, и он зря ушёл от двери: может быть, посчастливилось бы ещё раз услышать голос той, что имела прекрасный облик и чарующее имя: *Алетея Долорес*...

Но Герардо поборол соблазн: подслушивать было не в его правилах. Он нехотя спустился вниз и до самого вечера просидел в старой беседке, ожидая, что его снова позовут.

Вдруг со стороны поварской донеслись крики. Герардо тотчас вскочил, спеша на помощь отчаянно кричащему, несомненно, ребёнку, и столкнулся с несколькими воинами, которые преградили ему путь.

– Что здесь происходит? – резко спросил он.

– А почему мы должны тебе объяснять? – грубо ответил один.

– Да потому, что кричит ребенок! – возмутился Герардо.

– Раз кричит, значит, так надо.

– Что ты несёшь! Ну-ка, пусти меня.

– Ишь, какой!.. Этот поварёнок, если хочешь знать, облил нашего сеньора горячей подливой и при этом наступил ему на большую ногу. Вот сеньор и приказал всыпать мальчишке двадцать пять плетей.

Герардо похолодел и, расшвыривая в стороны воинов, ринулся в поварскую, где совершалась казнь. Глазам его предстало жуткое зрелище: двое воинов держали извивающегося на скамье худенького мальчонку, а третий мочалил его ударами кнута. Рубашка несчастного уже была изрезана кнутом на полосы, и эти полосы влипли в окровавленную спину, которую и спиной-то уже нельзя было назвать.

Ударами тяжёлого кулака Герардо уложил всех троих палачей и бросился к мальчику. Тот бессмысленно посмотрел на неожиданного защитника, и глаза его закатились...

– Кто ты такой?!

– Наш сеньор будет недоволен!

– Может, тебя положить на скамью вместо него? – кричали вокруг воины, а Герардо держал тонкую, как стебелёк, руку ребенка и чувствовал, как под его пальцами исчезает ниточка пульса...

Отпустив безжизненную руку, Герардо обвёл всех тяжёлым взглядом и молча направился к выходу. Вдруг прямо на него налетел только что прибежавший человек с безумным взглядом. Он бросился к мальчику и, поняв, что тот уже мёртв, неистово закричал:

– Граф ответит, сынок! Ответит за твою смерть! – и завыл так, что Герардо показалось, будто в его жилах останавливается кровь, а по коже головы пробегает холодок, шевеля волосы.

Герардо выбежал из поварской и опомнился только во дворе.

– Наш сеньор... граф... – вслух сказал он, недобро усмехаясь. – Так вот он каков, граф де Ла Роса! Быть благосклонным и казнить – всё прихоти... Какие доброта и справедливость могут быть у сеньоров?!

Он с ненавистью окинул взглядом величественную Главную башню с разноцветными витражами в окнах и, чувствуя себя совершенно опустошённым, быстро зашагал к воротам, даже не повернувшись на голос звавшего его Пабло Лопеса.

Была хотя и холодная, но ясная ночь. Герардо не замечал ни крупных звезд, ни аромата роз, все ещё доносящегося из-за высоких стен замка. Он шёл, не зная куда, просто по дороге, без всякой цели.

Чудовищный обман нестерпимо жёг его грудь. Граф де Ла Роса, дон Эрнесто, седовласый человек с открытым и честным взглядом, оказывается, мог отдать приказание засечь маленького поварёнка только за то, что тот наступил ему на ногу! Парадокс!..

Зачем он поверил этим людям? Зачем дал обмануть себя? Сеньор дель Гуарда, от которого ему пришлось уйти, несомненно, лучше: он, по крайней мере, не скрывает своей ненависти к простым людям, а эти так ловко разыгрывают добропорядочных и справедливых!

Но если отец – чудовище, таковы и дети его! И этот невменяемый сеньор Рафаэль Эрнесто, готовый зарубить его мечом... И она... Она из той же семьи... А её учтивая речь, румянец смущения и ласковые взгляды – не что иное, как... Да, да! Ему следовало бы сразу догадаться: сеньорита хотела поразвлечься с ним! Такое уже было в его жизни...

И Герардо ясно представил лицо молодой женщины, той, что помешала ему разделаться с сеньором дель Гуарда.

...Донью Августу втайне называли распутницей. И это было правдой. Может быть, сказывался возраст сеньора, который был гораздо старше её; может быть, он вёл себя с нею слишком холодно и отчуждённо; а может быть, похотливость была в характере молодой особы, но только она не упускала случая затащить к себе в постель кого-нибудь из слуг, воинов или крестьян, отдавая предпочтение рослым и крепким.

Герардо донья Августа не могла не заметить, но на все её ужимки и намёки он отвечал удивлённым взглядом и старался не оставаться с сеньорой наедине. Этот единственный недоступный крестьянин сводил её с ума. Она думала только о нём. Донья Августа даже с лица сошла, страдая по Герардо.

В тот день, едва увидев его в воротах замка, она решила подойти и прямо предложить ему встречу нынешней ночью. Не видя никого вокруг, кроме Герардо Рамиреса, донья Августа приблизилась и сказала заранее подготовленные слова.

Юноша, не долго думая, отвесил ей звонкую пощёчину... И эту сцену наблюдал сеньор дель Гуарда.

Он подошёл к несостоявшимся любовникам, грубо взял супругу за руку, молча привёл к её комнате и, втолкнув туда, запер дверь.

А на Герардо тотчас набросились двое воинов, скрутили ему руки и бросили в подземелье.

Во второй раз Герардо оказался среди сырых стен, на мокром и скользком каменном полу, он снова слышал вопли, стоны, проклятья и плач несчастных узников.

Через три дня он узнал от воинов, что сеньор собирается судить его и, вероятно, смертной казни ему не избежать.

А ещё через день к нему спустился Маэстро Антонио, со всею осторожностью отодвинул тяжёлый засов на дверях и, приложив палец к губам, поманил за собой. Стражники подземелья, которых Антонио угостил специально приготовленным настоем из трав, крепко спали.

Была безлунная ночь. Маэстро отвёл Герардо в глубину сада, к самой крепостной стене. Здесь они простились, и через потайной ход, ошупью, по заржавевшей винтовой лестнице Герардо поднялся на стену, а оттуда по веревке спустился на другую сторону. Внизу у стены лежал приготовленный для него узелок с продуктами и одеждой.

Оставалось только попрощаться с мамой Марией, о которой Маэстро Антонио обещал заботиться, пока Герардо сможет вернуться и забрать её в те края, где он найдёт более спокойную жизнь и новый дом...

– *Madre, madre*, – обведя взглядом очертания горных отрогов, проговорил вслух юноша. – Господь Иисус сжалился над тобой, когда решил забрать тебя к себе. Я всё равно не смог бы жить с тобой. Нигде, ни у какого сеньора я не найду спокойной жизни. У меня нет дома. Видимо, мне суждены вечные скитания... – он сделал над собой усилие и медленно повернулся, чтобы в последний раз увидеть замок, который оказался, по сути дела, просто миражом.

Чёрная громадина с резкими очертаниями зубчатых стен и остроконечных башен проступала из темноты на фоне мерцающих звезд. Замок был нем, величествен и совсем не походил на мираж.

Сердце Герардо сжалось от боли.

– Ты красив, Ла Роса, – сказал он замку. – А сеньоров... сеньоров я ненавижу.

В эту минуту до его слуха донёсся отдалённый топот копыт. «Наверное, все угомонились, и я снова понадобился, – усмехнувшись, подумал Герардо. – Вот и послали за мной кого-то. Только какое мне до них дело! Туда я больше не вернусь».

И он продолжил свой путь, не оборачиваясь. Всадник был уже близко. Герардо приготовился дать ему отпор, хотя неосознанно боролся с желанием вернуться, чтобы опять увидеть прекрасное лицо в ореоле светлых волос... Внезапный удар оборвал мысли. Герардо схватился за голову и увидел, как по дороге покатился увесистый камень, которым непонятно за что угостил его всадник. Под пальцами стало мокро и липко. Злодей торопливо спешил. Это было последнее, что видел Герардо, прежде чем провалиться в черноту бесчувственной бездны.

* * *

Ночь, совсем недавно такая ясная, вдруг резко потемнела. С гор подул обжигающий холодом ветер, поползли низкие тучи.

Дорога различалась с трудом, и всадники положились на коней, пустив их рысью. Тучи плыли по звёздному небу огромными лохматыми клочьями и надолго закрывали собой узкий серп месяца. Он показывался только временами, да и то не весь, а лишь верхушкой. Казалось, что месяц тонет в чёрном болоте туч и делает отчаянные попытки выбраться.

Деревня была далеко внизу. Она угадывалась по двум-трём еле различимым огонькам. Видимо, засиделись допоздна пряжи.

– Будь внимательна! Следи за дорогой! – сказал Рафаэль Эрнесто сестре и стал почти непрерывно, напряженно вглядываться в нагромождения камней и скал, поднимавшихся справа.

Ехали они уже довольно долго. Послышалось одинокое ленивое тьяканье деревенской собаки. И сразу за тьяканьем, совсем в другой стороне – отдалённое, едва слышное ржание.

Рафаэль Эрнесто быстро обернулся на этот звук и увидел, как далеко в горах между огромными валунами мелькнуло и исчезло светлое пятно.

– Видела? – крикнул он.

– Что? – прозвенел испуганный вопрос.

– Сворачиваем! – последовал ответ. Рафаэль Эрнесто развернул коня вправо. Алетея Долорес без лишних вопросов последовала за ним.

Кони, отыскивая проходы между острыми камнями и скалами, часто спотыкались.

– Быстрее, миленькая, – шептала Алетея Долорес своей белой лошади, глядя её по сильной шее. Животное хорошо понимало ласку хозяйки и старалось изо всех сил.

Выглянувший на мгновение месяц осветил впереди два могучих дерева, неизвестно как выросших в этой каменной пустыне, и рядом с деревьями – силуэт осёдланного коня.

Рафаэль Эрнесто и Алетея Долорес молча переглянулись. Сердце девушки болезненно сжалось. Она вцепилась немеющими пальцами в гриву лошади и боялась одного: как бы не лишиться чувств!

Конь Хуана был привязан к толстому суку гигантского тиса. В горах свистел и завывал ветер, но никаких других звуков не было слышно. Рафаэль Эрнесто привстал на стременах и огляделся. Вон там, между теми двумя валунами, он видел мелькнувшее светлое пятно. Это близко, но верхом туда не проехать – слишком круто. Он спешил и, подавая руку сестре, ощутил мертвенный холод её пальцев. Только сейчас юноша понял, что горностаевый плащ слишком лёгок для такой холодной ночи. Не раздумывая, он сбросил сайяль Пабло и завернул в него Алетею Долорес.

– Держись, сестрёнка, – шепнул он ей на ухо. – Что бы ни было, держись!

Она благодарно улыбнулась и поспешила за ним, стараясь не отставать.

Рафаэль Эрнесто осторожно взбирался по камням, часто оглядываясь и подавая руку Алетею Долорес. Вдруг девушка вскрикнула и указала на пучок травы.

За камнем тускло блестело что-то круглое, похожее на большую монету. Рафаэль Эрнесто присел на корточки и увидел медальон с изображением меча и солнца, с чёткой надписью латыни: «*Eх umbra in solem*»¹ Он протянул руку и взял находку. Трава была мокрой, юноша не придавал этому значения, полагая, что коснулся росы. Но когда он раскрыл ладонь, чтобы лучше рассмотреть медальон, то увидел, что его рука в крови...

Губы Алетеи Долорес, лихорадочно следившей за ним, задрожали.

– Хуан потерял какой-то медальон, – хмуро сказал Рафаэль Эрнесто, доставая платок, чтобы вытереть ладонь.

– Не Хуан, – тихо возразила Алетея Долорес. – Это медальон Герардо: я видела на нём во время танца... Скажи, мы опоздали?

– Мне этого не хотелось бы... У нас есть надежда, Лета: Хуан ещё не возвращался... Что это?

– Да, я тоже слышала стук. Скорее, Рафаэль Эрнесто!

Они снова стали взбираться вверх, пока не достигли гребня между валунами. Перед ними открылась ложбина, на дне которой двигался человек. Ножны его меча тускло поблёскивали при свете выглядывавшего из-за туч месяца. Без всякого сомнения, это был Хуан, слуга дона Эстебана Доминго-и-Хименеса. Он стаскивал камни в одно место, где уже была внушительная горка.

Под большими и малыми камнями можно было разглядеть лежащего на земле человека в светлой рубахе.

Рафаэль Эрнесто стиснул руку сестры и шепнул:

– Оставайся здесь. Я разделаюсь с мерзавцем.

Он вскочил, выхватил из ножен меч и сбежал вниз, увлекая за собой лавину мелких камешков. От неожиданности Хуан уронил очередной камень прямо себе на ноги. Он закричал от боли, а Рафаэль Эрнесто, не дав злодею опомниться, приставил остриё меча к его горлу:

¹ Латинская пословица: «Из тени к солнцу»

- За что ты убил его? Только не молчи, мерзавец!
- Мне приказал мой сеньор, – хрипло ответил Хуан, корчась от боли.
- Зачем твоему сеньору нужна была смерть этого человека?
- Не знаю.
- Врёшь! Говори, иначе я отрежу тебе уши!
- Делайте, что хотите, сеньор, тем более, что у меня в руке нет меча, – хмуро заметил

Хуан.

– Ты предлагаешь мне поединок, негодяй?! – вскричал Рафаэль Эрнесто. – Да я просто заколю тебя, как свинью!

– Рафаэль Эрнесто! – раздался вдруг крик Алетеи Долорес. – Он, кажется, жив!

Юноша обернулся, и Хуан тотчас этим воспользовался. Он отпрянул назад и обнажил свой меч. Рафаэль Эрнесто сделал резкий выпад, и сталь его оружия мягко вошла в человеческую плоть. Испугавшись, он рванул меч на себя и увидел, что его Колада на целую треть в крови.

Хуан, вытаращив глаза, схватился за живот и упал ничком, потом вдруг перевернулся на спину, его тело передёрнула конвульсия, и он затих.

Молодой граф, не веря тому, что он только что убил человека, в растерянности склонился над Хуаном.

– Рафаэль Эрнесто! – опять позвала Алетея Долорес. – Помоги же мне!

Покачиваясь и чувствуя подступающую к горлу дурноту, юноша пошёл к сестре, которая пыталась освободить Герардо из-под камней.

В эти минуты Алетея Долорес была похожа на безумную: длинные волосы выбились из-под шали и спутались, капюшон плаща и сайяль были испачканы, на руках появились ссадины; она то и дело убирала волосы с лица, от этого весь лоб её и щёки были в полосках грязи.

Алетея Долорес обернулась к подошедшему брату и увидела меч, который он позабыл убрать в ножны. Перехватив её взгляд, Рафаэль Эрнесто стал ожесточённо вытирать меч пучками травы.

В это время раненый крестьянин, грудь которого уже была освобождена, застонал. Рафаэль Эрнесто, бросив своё занятие, снял с его ног последние камни и приподнял голову. Герардо пошевелился, но не пришёл в сознание. Он был в той же праздничной одежде, которую швеи замка приготовили ему для выступления. Недоставало только шляпы. Лицо его было залито кровью, волосы слиплись.

«Неужели Хуан ударил его мечом? – подумал Рафаэль Эрнесто, осторожно щупая голову раненого. – Нет, не похоже... Скорее, камнем».

Не раздумывая больше, он снял с себя рубаху, решительно разорвал её на широкие полосы и, накинув камзол на голое тело, принялся бинтовать рану Герардо. Сердце молодого графа наполняла искренняя жалость, но он боялся признаться самому себе, что этот крестьянин ему нравится, что в нём есть какая-то внутренняя сила, которая притягивает.

Герардо снова застонал и очнулся. Алетея Долорес стояла рядом с ним на коленях и зачем-то гладила его плечо.

В первую минуту Герардо не узнал девушку, и только встретившись с ней глазами, понял, что перед ним графиня де Ла Роса.

Он почувствовал прикосновение других рук и, запрокинув лицо, увидел дону Рафаэля Эрнесто.

Молодой граф встал и подошёл к лежащему так, чтобы тому удобнее было смотреть на него.

Герардо медленно поднял руку и потрогал забинтованный лоб.

– Санта Мария!.. Что с моей головой? – спросил он, переводя взгляд с одного своего спасителя на другого.

– Кажется, в неё угодил камнем Хуан, – решил пояснить Рафаэль Эрнесто.

– Какой Хуан? – не понял Герардо.

– Слуга дона Эстебана.

– Дона Эстебана? ... – силился вспомнить Герардо. – Это... тот пожилой человек... которому стало дурно?

Крестьянин говорил с усилием, губы его пересохли и потрескались, но он не просил воды, зная, что её здесь нет – иначе ему давно бы уже позволили утомить жажду.

– Меня хотели убить? – снова спросил Герардо, приподнимаясь на локте.

Рафаэль Эрнесто видел, как мужественно он переносит боль, как старается скрыть свою слабость, поэтому продолжал терпеливо отвечать на его вопросы:

– Да, Хуан хотел тебя убить.

– Почему?

– Ему приказал дон Эстебан.

– Но чем я не угодил... дону Эстебану? Я видел... этого человека сегодня... первый раз в жизни.

– А уж это тебе лучше знать... Ты уверен, что когда-нибудь раньше не сделал ему ничего плохого?

Черёд спрашивать теперь пришёл для Рафаэля Эрнесто.

– Уверен, – спокойно ответил Герардо и сел рядом со всё ещё стоящей на коленях Алетеей Долорес.

Рафаэль Эрнесто подал руку сестре и помог ей подняться. Потом он вынул из кармана камзола найденный в траве медальон и показал его Герардо:

– Это твоя вещь?

– Да, сеньор! – Герардо явно обрадовался.

– Где же ты взял золотой медальон с гербом наверняка знатной фамилии?

– Мне дала его моя несчастная матушка перед самой своей смертью.

– Так, значит, твоя матушка принадлежала к знатному роду? – усмехнулся Рафаэль Эрнесто.

Насмешливые слова молодого графа больно кольнули Герардо в самое сердце. Он вспомнил всё, что думал о графах де Ла Роса, вспомнил смерть мальчика и стиснул зубы.

Так и не ответив, он устало закрыл глаза и подумал: «Зачем вам знать что-то о моей матери и об этом медальоне? Разве вам это интересно?.. Да я и сам толком ничего не знаю».

В его памяти всплыла ночь, когда он перебрался через стену замка Гуарда и оказался у своей хижины.

Сразу войти в хижину ему не удалось: в окне, освещённая лучиной, двигалась старуха соседка, принявшая на себя по просьбе Маэстро Антонио заботы о больной. Но сейчас Герардо был не рад ей. Он не находил себе места, боясь, что в замке его хватятся, и он вынужден будет уйти в лес, так и не попрощавшись с мамой Марией.

Но вот соседка задула лучину и вышла.

Герардо подождал несколько минут и с волнением перешагнул порог. В очаге ещё горел огонь, языки пламени плясали по стенам и низкому потолку. Герардо бросился к постели матери и похолодел: в чертах её исхудавшего лица с заострёнными носом, скулами и подбородком сквозила смерть. Не в силах сдержать слёзы, юноша припал губами к дорогой прозрачной руке.

Мария вздохнула, с трудом раскрыла глаза и не удивилась тому, что видит сына. Она ничему уже не могла удивляться: взоры несчастной были обращены к потустороннему миру...

Но слёзы Герардо, обжёгшие ей руку, заставили Марию сделать над собой усилие. Она провела дрожащими пальцами по жёстким волосам юноши, а потом указала на старый сундук.

Поняв, что мать хочет о чём-то попросить его, юноша попытался угадать её мысли:

– Нужно открыть сундук?

Мария едва заметно кивнула.

Герардо выполнил её просьбу и вернулся к постели. Больная обрисовала ладонями небольшой прямоугольный предмет.

В сундуке, кроме старой одежды, был всего один предмет – шкатулка, которую Мария всегда держала закрытой, объяснив сыну, что потеряла от неё ключ, а ломать не хочет, так как это память о погибшем отце Герардо: шкатулку он подарил Марии в день их свадьбы.

Порывшись в сундуке, юноша извлёк шкатулку и перенёс её на стол у постели матери. Взмахом руки она приказала ему открыть крышку.

– Но ведь я сломаю замок, – осторожно возразил Герардо. Однако Мария настаивала, и он повиновался.

Замок был довольно крепкий, и ему пришлось какое-то время повозиться с ним. Наконец, крышка поддалась, и Герардо увидел внутри единственную вещь: круглый большой медальон на тонкой цепочке. Юноша вынул его, чтобы лучше рассмотреть изображение.

Поднеся медальон к огню, Герардо увидел вертикально стоящий остриём вниз меч; из-за него выглядывала половина солнечного диска с расходящимся во все стороны лучами. Один луч был наиболее рельефным, и вместе с мечом и полукруглостью солнца он составлял легко угадываемую букву R. На медальоне были и другие буквы, вернее, надпись. Юноша знал латынь и прочитал: «*Ex umbra in solem*».

Герардо вопросительно оглянулся на мать. Она знаком подозвала его к себе, попросила наклониться ближе, слабыми руками взяла медальон и надела цепочку на шею сына.

– Чей это медальон? – спросил Герардо. – Ведь он золотой!

Она ткнула его указательным пальцем в грудь: «Твой!»

– Но разве я сеньор? Только сеньоры имеют золотые вещи.

Она кивнула: «Да». Потом указала на дверь хижины и сложила руки так, будто взяла невидимого младенца, и снова ткнула пальцем в грудь Герардо.

Он растерянно и с жалостью смотрел в дорогое лицо и ничего не понимал.

Видя, что ей так и не удастся ничего растолковать сыну, Мария заплакала. Её лицо жалобно искривилось, слёзы потекли по морщинам висков и пропали в подушке, оставив лишь тёмные кружочки.

Герардо хотел было снять медальон, но Мария удержала его руку, а потом медленно перекрестила широким крестом.

Вдруг она начала задыхаться, заметалась головой по подушке, лицо посинело, на висках и шее вздулись вены.

Герардо бросился к маленькому столику в углу, где стояли приготовленные им мази, растирки и настои. В смертной тоске, трясущимися руками он схватил первое попавшееся, но кувшинчик выскользнул из рук и, гулко ударившись о земляной пол, разбился. Тогда он схватил другой и побежал к постели умирающей... Но его помощь Марии уже не понадобилась...

Сидя с закрытыми глазами, Герардо не заметил, как из-под его век выкатились слёзы.

– Тебе нехорошо? – услышал он участливый серебряный голосок и очнулся.

Что он мог ответить этим молодым людям, которые только что спасли ему жизнь? Юноше и девушке, к которым совсем недавно чувствовал дружеское расположение и был счастлив знакомству с ними? Молодым сеньорам, чей отец, такой же добрый на вид, как и они, нынешней ночью приказал дать двадцать пять плетей маленькому ребёнку?

Горький комок тяжких воспоминаний и потрясающей обиды стоял поперёк горла, не позволяя вымолвить ни одного слова.

– Что с тобой? – снова склонилась к нему донья Алетея Долорес и осторожно тронула за плечо.

Он поднял к ней лицо, пристально и испытующе посмотрел в глаза. Взгляд красивой девушки был полон тревоги, участия, горячего желания помочь и ещё чего-то такого, что раньше наполнило бы его грудь радостью, а сейчас вызывало глубокую неприязнь и протест.

– Верните мне медальон, сеньоры, – глухо сказал Рамирес и весь напрягся, подумав, что молодой граф не собирается отдавать вещь-память.

Однако он ошибся. Рафаэль Эрнесто тут же протянул ему медальон со словами:

– Не я надел тебе его на шею, не мне и снимать, хотя, чёрт побери, любопытно узнать, с каких пор крестьяне носят золотые медальоны? Даже у меня нет подобного, разве что перстень с нашим фамильным гербом, – и он посмотрел на средний палец левой руки, на котором всегда носил массивный перстень.

– Благодарю, сеньор, – хмуро сказал Герардо и, спрятав медальон в нагрудный карман жилетки, поднялся на ноги.

Голова нестерпимо болела, в ушах стоял звон, и до Герардо не сразу дошёл смысл сказанного молодым графом:

– Ты бы поблагодарил сеньориту – за спасение жизни. Это она случайно узнала о замыслах дона Эстебана и уговорила меня помочь тебе.

– Я благодарен сеньорите, – всё так же мрачно ответил Герардо. – Мне повезло, что она уговорила Вас, сеньор, и Вы предпочли ночное приключение в горах экзекуции над ребёнком.

Рафаэль Эрнесто и Алетея Долорес в недоумении посмотрели друг на друга. В эту минуту оба подумали об одном и том же: раненый не в себе, в его мозгу произошёл какой-то сдвиг, или же он бредит.

– Хорошенькое дело: приключение в горах! – усмехнулся Рафаэль Эрнесто и тут же посе- рёзнул. – Из-за тебя я первый раз в жизни убил человека... Клянусь Небом – я не хотел этого!

– Из-за меня? – переспросил Герардо. – Первый раз в жизни? Не хотел этого?

– Постой! – догадался Рафаэль Эрнесто. – Да ты говоришь с издёвкой? – и он, повысив голос, угрожающе сказал: – Забываешься, с кем имеешь дело!

– Санта Мария! Нет! – воскликнул Герардо. – Я ни на минуту не забываю о том, что имею дело с сеньорами, которые по своей прихоти могут спасти жизнь, а могут и лишить жизни, как это случилось несколько часов назад с маленьким поварёнком.

– Опять! Ребёнок! Поварёнок! Что это значит? Ты бредишь? – начал выходить из себя Рафаэль Эрнесто.

– Как? Сеньор граф не поставил в известность своих детей?... А впрочем, зачем? Совершенно рядовой случай: просто мальчик поварёнок лет семи-восьми наступил уважаемому графу на ногу да ещё опрокинул на него что-то горячее и за это получил двадцать пять плетей, от которых и скончался. Обыкновенный случай, обычный приказ сеньора графа, стоит ли обращать внимание!

– Этого не может быть! – воскликнула Алетея Долорес, перестав вытирать платком испачканное лицо и руки.

– Может, сеньорита! – резко обернулся к ней Герардо. – Я был там и... опоздал. Мальчик умер у меня на глазах. А его отец посылал проклятия Вашему отцу.

– Это... это какое-то... чудовищное недоразумение! – растерянно пробормотала девушка.

– Ты всё врешь! – сузив глаза, процедил сквозь зубы Рафаэль Эрнесто. – Я не знаю, кто ты такой и откуда взялся, у кого стащил золотой медальон и зачем клеветать на моего отца, но ты ответишь за свои слова, – и он в бешенстве схватился за рукоятку меча.

– Рафаэль Эрнесто! – бросилась к нему Алетея Долорес и обняла за плечи. – Давай вернёмся в замок!.. А ты, – она повернулась к Герардо и с гневной укоризной сказала: – Как ты можешь такое говорить?! Наш отец благородный человек! Твои обвинения просто... просто чужь! Я не знала, что ты такой грубый и неблагодарный... – она хотела напомнить крестьянину,

что граф де Ла Роса принял его без всяких расспросов, позволил строить себе дом, но Рамирес внезапно перебил её.

Глядя на девушку тяжёлым взглядом, он с расстановкой произнёс:

– Какой благодарности Вам нужно, сеньорита? Чтобы я попросил у доброго графа Вашей руки, а он умер бы от смеха? Или можно отблагодарить Вас без благословения родителя?

Алетея Долорес задохнулась от гнева и, не помня себя, с силой ударила Герардо по щеке. Потом отвернулась и побежала к выходу из ложбины.

Рафаэль Эрнесто выхватил из-за голенища сапога плеть, но Герардо резким и сильным движением остановил занесённую над ним руку. Синие и чёрные глаза обожгли друг друга ненавистью.

Наконец Рафаэль Эрнесто оттолкнул Герардо, отбросил в сторону плеть и, ничего не сказав, последовал за сестрой.

А Герардо обеими руками схватился за голову и присел на корточки, качаясь из стороны в сторону от безумной боли.

– Санта Мария!.. Санта Мария!.. Санта Мария!.. – повторял он без конца.

Глава XX

Рафаэль Эрнесто и Алетея Долорес, подавленные, в самом скверном настроении, молча возвращались в замок.

Ветер стих. Остатки туч уплывали на юг. Звёзды поблёкли. Приближалось утро.

– Боже мой, дети мои! Мои милые дети! – встретил их прямо в воротах замка дон Эрнесто. Он с волнением заглядывал в их лица и даже ошупывал, будто не верил самому себе, что видит своих детей целыми и невредимыми.

– Отец, что с тобой? Что случилось? – в один голос спросили Рафаэль Эрнесто и Алетея Долорес.

Вид у графа был страшен: всегда аккуратный и подтянутый, сейчас он выглядел иначе: взъерошен, воротник на шее небрежно расстёгнут, под глазами появились «мешки», а сами глаза красны от слёз.

С замиранием сердца молодые Ла Роса поняли: в замке стряслась беда.

Подтверждая их догадку, дон Эрнесто сказал:

– Донья Хулия... ваша бабушка... её убили...

– Отец! Что ты говоришь! – схватил его за плечи Рафаэль Эрнесто.

– Не может быть! Нет, нет, этого не может быть! – вне себя от горя закричала Алетея Долорес, заламывая руки.

– Кто убил, отец? Кто?!

– В том-то и дело, сынок, что я не знаю, – обняв плачущую дочь и растерянно глядя её растрёпанные волосы, проговорил граф. – И никто не знает... Её нашли в одной из верхних пустующих комнат... Кто-то ударил донью Хулию кинжалом в грудь... Дети мои, к нам пришла беда, большая беда, я боюсь за вас, боюсь!

Никогда ещё Рафаэль Эрнесто не видел отца в таком отчаянии. Обычно выдержанный и уравновешенный, в эти тяжкие минуты он оставлял гнетущее впечатление сломленного человека... Всеми силами души желая поддержать его, юноша сказал:

– Где бабушка Хулия? Я хочу попроситься с ней... А убийца будет найден, не сомневайтесь, отец. Господь на него укажет, – и он направился было к Главной башне, но дон Эрнесто в страхе схватил его за руку:

– Нет! Не пушу! Без охраны не ходи!

– Да что с тобой, отец, ведь я не слабая пожилая женщина!

– Но вы не знаете... не знаете... остального.

– Что-то ещё? – поднимая от его груди заплаканное лицо, спросила Алетея Долорес.

– Да. Около часа назад найден мёртвым у себя на балконе дон Эстебан... Но эта смерть, кажется, была естественной. Я думаю – сердечный приступ, и Амадэо так считает.

– Я не понимаю твоей тревоги, отец, – сказал Рафаэль Эрнесто. – Да туда ему и дорога! Видно, Дьявол решил забрать из этого мира своего слугу...

– Да, да! – подхватил дон Эрнесто с нездоровым блеском в глазах. – Своего слугу! Именно так назвала этого человека Безумная Хуана, когда мы с тобой, сынок, встретили её в горах. Она пришла тогда предупредить меня, чтобы я не впускал в замок слугу Дьявола... а я... не послушал!.. Вчера я всё время был настороже, я был вежлив и терпелив по отношению к нашим гостям, я не допускал ссор, я помнил, что ворожея пророчила приход большой беды в замок... Но то, что происходит вокруг, я не в силах ни остановить, ни объяснить. Самое ужасное, мои дорогие, что вещие слова старухи сбываются: смерти следуют одна за другой!.. А началось всё с расправы над несчастным ребёнком.

Алетея Долорес, отпрянув от отца, схватила за руку Рафаэля Эрнесто. Юноша тоже напрягся.

– Это что-то невообразимое, – снова заговорил граф. – Сынишка Муньо-горшечника имел неосторожность наступить на ногу сеньору епископу да ещё испачкал его одежду остатками какой-то еды, и Его Преосвященство приказал своим воинам всыпать восьмилетнему мальчику двадцать пять плетей! Ночью они выгнали всех наших из поварской и засекли бедняжку насмерть. А Муньо всё кричал, что я знал и не захотел вмешаться, что я отвечу за смерть его сына... Муньо можно понять: он так тяжело страдал из-за гибели старшего, а теперь... теперь потерял и младшего... Есть от чего лишиться рассудка и броситься на меня с ножом.

– Что?! – вскричал Рафаэль Эрнесто. – Горшечник бросился на тебя с ножом?!

– Да, всего за несколько минут до вашего возвращения, здесь, у ворот, – дон Эрнесто указал на группу воинов, столпившихся у стены конюшни. Сейчас к ним спешил, прихрамывая, доктор Амадэо. Когда воины расступились, Рафаэль Эрнесто увидел сидящего на бревне Пабло с закатанным до локтя рукавом и в забрызганной кровью рубахе.

– Если бы не Пабло, – отвечая на его немой вопрос, сказал дон Эрнесто, – то вы и меня не застали бы в живых. Пабло подбежал и подставил руку, когда Муньо уже занёс нож над моей спиной.. Но... Где же вы были?! Может быть, Господь Иисус нарочно отослал вас из замка, чтобы сберечь ваши жизни? Ах, если бы это было так!.. Что ты дрожишь, доченька? Что с твоим лицом? Куда вы ездили, Рафаэль Эрнесто?

– Прости, отец, позволь нам с Летой прийти в себя... попрощаться с бабушкой Хулией... А потом мы тебе всё расскажем.

– Где Маура, отец? – почувствовав сильную слабость, спросила Алетея Долорес.

– Она не в себе, непрерывно плачет из-за смерти доньи Хулии... Элена! – окликнул он первую попавшуюся на глаза служанку. – Отведи сеньориту в комнату и сделай всё, о чём она тебя попросит... Хорхе! Хорхе, дружище! Сделай милость, не отходи от Рафаэля Эрнесто хотя бы сегодня, – и, несмотря на возмущённые жесты юноши, повторил: – Не отходи ни на шаг!

Padre Алонсо заунывно читал молитвы, и его надтреснутый голос эхом разносился по пустому холодному залу.

Рафаэль Эрнесто стоял над телом бабушки Хулии и смотрел на спокойные черты строгого мёртвого лица.

Он никогда не был так близок к ней, как Алетея Долорес, но он любил её всем сердцем, и в эти минуты прощания, не стыдясь Хорхе, юноша то и дело смахивал набегающие на глаза слёзы.

Гости разъехались. Во дворе замка стояла непривычная тишина: граф запретил работы в мастерских.

Послали людей в деревню за padre Игнасио – отпевать дону Эстебана и сына Муньо-горшечника.

«Почему не приходит Лета? – думал Рафаэль Эрнесто. – Наверное, молится у себя в комнате. Я понимаю: тяжело видеть мёртвым родного человека...»

Он вновь и вновь вспоминал ласковую улыбку бабушки Хулии или её строгий взгляд, безмолвно осуждающий его детские шалости, её потемневшие от труда руки, поглаживающие его непослушные кудри...

«Кто?! Кто?! – с отчаяньем и болью думал юноша. – Чья безжалостная рука смогла подняться на эту святую женщину? Почему бабушка Хулия оказалась ночью в верхних, давно не жилых, комнатах? Зачем злой Рок заманил её туда? Какого злодея она там встретила, злодея, вонзившего ей в грудь кинжал? Почему не осталось никаких следов? Почему ни один человек в замке ничего не слышал и не видел? Ведь убийца должен быть найден и жестоко наказан!»

Рафаэль Эрнесто оглянулся на молчаливого Хорхе, следовавшего за ним повсюду, словно тень. Валадас, будто прочитав в продолжительном взгляде молодого графа его мысли, негромко сказал:

– Всё тайное становится явным. Мы найдём убийцу, сеньор. Он заплатит.

– Спасибо тебе, я верю, – Рафаэль Эрнесто обнял Хорхе. Потом он наклонился к дорогой мёртвой руке и поцеловал. Её холод потряс юношу до глубины души. Рафаэль Эрнесто резко выпрямился и поспешно вышел из зала.

Оказавшись в коридоре, но с минуту поколебался и попросил Валадаса:

– Отведи-ка меня к телу сеньора Хименеса.

Они спустились на два этажа вниз и оказались ещё в одном просторном зале. Ожидая прихода padre Игнасио, женщины зажигали свечи, поправляли одежду и покрывало на умершем, передвигали стулья, примерялись, на какой стене лучше было бы поместить распятие.

Увидев вошедших, они тихо, одна за другой, вышли.

Рафаэлю Эрнесто было не по себе. Ему казалось, что весь замок наполнен мертвецами, и присутствие Валадаса было для него сейчас как нельзя кстати.

Неведомая сила тянула юношу к этому покойному сеньору: в нём была заключена какая-то тайна. Рафаэль Эрнесто боялся признаться самому себе, что тайна связана не с появлением дона Эстебана в замке, не с отсутствием войска за его плечами, а с именем... Герардо Рамиреса...

Рафаэль Эрнесто подошёл ближе, будто в мёртвом лице собирался прочесть разгадку так сильно занимавшего его вопроса: зачем этот сеньор намеривался убить молодого крестьянина? Почему тот утверждал, что никогда в жизни не видел его? И почему он, молодой граф де Ла Роса, верит словам дерзкого крестьянина, а к сеньору Хименесу испытывает вражду и даже отвращение? Неужели только потому, что тот посмел от имени отца собрать в замке гостей? Нет, не только в этом причина. Тогда в чём? Какую тайну унёс с собой этот человек, покинувший мир в ту же ночь, что и бедная бабушка Хулия?

Лицо покойника неприятно потемнело. Не привыкший к виду смерти, Рафаэль Эрнесто поспешно отвёл взгляд и вдруг увидел его восковую руку, лежащую вдоль туловища, вернее, не саму руку, а средний палец с большим золотым перстнем.

Юноша похолодел. Ему не нужно было наклоняться, он и так ясно видел изображение меча и солнца – точно такое, как на медальоне Герардо Рамиреса!

Он был так потрясён, что хотел было тут же рассказать обо всём Хорхе Валадасу, но в последнюю минуту почему-то передумал.

«Значит, Рамирес тоже бесчестный человек, – с непонятным глубоким разочарованием решил про себя молодой граф. – Может быть, с самим доном Эстебаном он и не знаком, однако у кого-то из его рода похитил медальон, ведь медальоны с фамильными гербами обычно принадлежат женщинам или же младенцам, а мужчины, в основном, носят перстни... – и юноша, подняв собственную руку и посмотрев на маленькое изображение герба Ла Роса со вздыбившимся конём, дубом и прекрасным цветком, сжал ладонь в кулак: – За это похищение, видимо, дон Эстебан и хотел с ним поквитаться... Вот и вся тайна... Напрасно я помешал...»

– Ты здесь, сынок? – услышал он вдруг голос отца. – Пойдём в сад, мне нужно с тобой поговорить.

Дон Эрнесто сделал знак Хорхе, и тот с поклоном оставил их наедине.

– Я задыхаюсь в стенах замка, – пожаловался граф, едва они оказались на свежем воздухе.

День, как и прежде, был хмурый. Холодный ветер свистел в бойницах, залетал в обширный сад, раскачивал ветки деревьев, и даже розы покорно кивали нежными головками, приветствуя сурового северного господина.

– Какое необычное в этом году лето, – сказал граф, входя в уютную плющом беседку, – моё последнее лето.

– Что ты говоришь, отец?

– Рафаэль Эрнесто, дорогой мой, прошу тебя: выслушай, не перебивая. Они сели на скамью, и граф заговорил:

– Утром, когда разъехались наши гости, я ненадолго прилёт и забылся. И мне приснилась твоя матушка. Если бы ты знал, сынок, как она была красива! От её одежд и всего тела исходило сияние. Эсперанса улыбалась мне и настойчиво звала движениями рук, будто обещала вечный покой и Царство Небесное... А, проснувшись, я вспомнил обо всех ужасах, что со вчерашнего дня происходят в Ла Роса. Рафаэль Эрнесто, я не настолько сентиментален, чтобы говорить о собственной кончине, но... я просто чувствую это всем своим существом. Не знаю, почему, но смерть витает над замком, и теперь мой черёд... – он взял ладони сына и крепко сжал их. – Долг велит сделать так, чтобы после моего ухода на плечи сына и дочери не свалились ещё большие несчастья. В моей комнате ты найдёшь завещание, составленное по всей форме, с гербовой печатью. В нём я назначаю вашим опекуном сроком на один год, пока тебе не исполнится шестнадцать лет, и ты сможешь быть полновластным хозяином замка, одного моего давнего друга. О нём, как ни странно, напомнил мне облик Герардо Рамиреса... Мы учились в Кордове и были дружны, как братья. Это удивительный человек: более благородного, мужественного, честного я не встречал. Его полное имя – дон Родриго Родригес дель Гуарда де Теруэль. Его род ведёт начало от дочери Сида Кампеадора Марии, поэтому он носит фамилию Родригес, да и назван по традиции своей семьи именем Сида, потому что он старший сын...

– Пстой, пстой, отец! – совершенно потрясённый, Рафаэль Эрнесто вскочил и снова сел. Ты хочешь сказать, что твой давний друг – прямой потомок великого Родриго Диаса?! Сида Кампеадора?!

– Да, именно это я и говорю, – впервые улыбнулся дон Эрнесто. – Потомок в десятом колене.

– Почему, почему я узнал об этом только сейчас?! Боже мой! Прямой потомок Сида! Да ещё носит имя Родриго!.. Отец, ведь ты знаешь, как я преклоняюсь перед этим великим героем, почему же ты не рассказал мне о своём друге раньше? – Рафаэль Эрнесто смотрел с упреком. – Тем более что, по твоим словам, вы были, словно братья!

– Прости, дружок. Видишь ли, после окончания университета мы расстались с одним уговором: Родриго первым навестит меня в Уэске, он сам настаивал на этом... И я ждал. Но он так и не приехал. Видимо, женился, и семейные заботы стали для него важнее. Но я это хорошо понимаю и ничуть не в обиде. Гуарда находится в Теруэле. Это довольно далеко отсюда, и я уже послал туда младшего Валадаса с воинами. Может быть, судьба будет благосклонна ко мне, и я успею заключить Родриго в крепкие объятия. Мне больше не на кого положиться, некому доверить вашу судьбу, ведь после моей кончины найдётся столько желающих завладеть замком Ла Роса! Те же Мартинесы. Да ещё вернётся с войны негодяй Каррильо... Нет, нет! Алетея Долорес совершеннолетняя, но незамужняя. Она не может быть полновластной хозяйкой поместья. Тебе пока только пятнадцать. Бумаги, подписанные тобой, не будут иметь никакого веса, и Король сам назначит вам опекуна, а Его Величество дона Хайме непременно обманут, и он не будет знать, что на самом деле происходит в Ла Роса. Конечно, ты мог бы закрыть ворота замка, поднять мост и жить, как отшельник, ровно год, но замок возьмут в осаду, а значит, начнётся война, прольётся кровь, целая река крови, как говорила мне накануне Безумная Хуана... Да это я так, к слову... Но теперь душа моя спокойна: у вас будет замечательный опекун. Родриго непременно откликнется и приедет – я ни минуты в этом не сомневаюсь... Вот только дождаться бы, увидеть его... Ведь я и сам начал забывать Родриго. А знаешь сынок, кто мне напомнил? Этот удивительный Герардо Рамирес. Если бы он не был крестьянином или, может быть, слугой, я бы дал руку на отсечение, что это один к одному Родриго дель Гуарда в годы его молодости. Я слышал, что у людей есть двойники, но никогда прежде с таким не сталкивался... Кстати, скажу тебе по секрету, Рафаэль Эрнесто, я заметил, как понравился твоей сестре Герардо Рамирес. Думаю, что и мимо твоего внимания это не прошло, и поверь мне, сынок: ты напрасно сердись. Я никогда не ошибался в людях. В глубине души я даже предпочёл бы, чтобы Алетея Долорес избрала себе в супруги этого человека: я вижу, что он

не только образован, но и благороден, а значит, мог бы стать достойным сеньором и надёжной опорой в жизни для нашей красавицы.

– Ах, отец, умоляю тебя! – не выдержал Рафаэль Эрнесто.

– Ладно, ладно. Не буду, не сердись, – граф с улыбкой похлопал его по плечу. – Как Господь Иисус распорядится, так и будет ... Неисповедимы пути Господни... Рафаэль Эрнесто, если бы ты знал, как я тревожусь за твою судьбу! По умственному и культурному развитию ты намного превосходишь других, уважаемых, но совершенно заурядных сеньоров, которые сидят в своих замках, вооруженные до зубов, и мечтают о захвате чужих земель. Они рождены для того, чтобы сидеть в седле и орудовать мечом, они пылают необузданным религиозным рвением в своей неистовой непримиримости по отношению к маврам. Через год и ты должен будешь в числе других рыцарей-арагонцев вступить в войско нашего Короля дона Хайме II Справедливого, и ты столкнёшься с настоящими невеждами, которые вместо подписи ставят крест и, тем не менее, владеют сотнями деревень и поступают с крестьянами, как им заблагорассудится, в основном, грубо и жестоко. Сынок, ты продолжатель славного рода Фернандесов де Ла Роса. Я воспитал тебя честным человеком, но в этом мире быть честным до конца – невероятно трудно, поверь мне. Не прими то, что я сейчас скажу тебе, в качестве нравоучения. Это просто добрые советы и пожелания, в них заключён опыт всей моей жизни: в отношениях с соседними сеньорами любыми средствами сохраняй мир – хуже, чем война и кровопролитие, ничего не может быть; старайся никого не обижать первым, но и не позволяй себя унижать; везде, где только можно, старайся быть независимым и сильным, но главное – справедливым и честным; с должным почтением относись к простым людям, помни: ты живёшь их трудом...

Рафаэль Эрнесто молча слушал и с тревогой смотрел в сильно постаревшее всего за несколько часов лицо человека, который был для него образцом для подражания. Сердце юноши томительно ныло, чувство неотвратимости Судьбы, о котором говорил отец, охватило и его.

– Сеньор граф! Сеньор граф! – услышали они вдруг взволнованный голос Пабло. Главный конюх бежал сюда по дорожке сада, и было странно видеть, как сотрясается его большое тело, обычно такое медлительное и неповоротливое.

Пабло добежал до беседки, но, не в силах отдышаться, смотрел на сеньоров, а они – на него, ожидая услышать новую неприятную весть. И они не ошиблись.

– Сеньор граф, – заговорил Пабло. – Там Муньо... в конюшне... Он повесился... на уздечке... Страшный грех! У нас в замке никогда такого не было... Сеньор граф, как с ним поступить? Только что пришёл padre Игнасио, он сказал, что не будет отпевать самоубийцу... А мне жаль беднягу, ведь это он из-за сына...

Граф посмотрел на Рафаэля Эрнесто, потрясённого не меньше, чем он сам, известием об ужасном происшествии и, подумав, сказал:

– Мне тоже жаль этого несчастного. Передай padre Алонсо мою просьбу: пусть он позаботится о его душе, раз уж деревенский священник так сурово настроен.

– А хоронить, сеньор граф? Где будем его хоронить? На христианском кладбище нельзя.

– Тогда где-нибудь в горах. Не выбрасывать же его тело в пропасть, ведь мы христиане. Господь Иисус милостив и, может быть, простит ему этот грех...

– Сеньор, тут такое дело, – Пабло в нерешительности переминался с ноги на ногу, не зная, сообщать ли графу ещё нечто плохое, и всё-таки решился. – К воротам замка прибежал конь Хуана, слуги, значит, покойного нашего гостя... Вы не велели, сеньор, да Хуан обманом выбрался и ночью куда-то поскакал, а... вот какое дело, не вернулся. И тут недоброе – потому разве может конь прибежать без хозяина?

Дон Эрнесто, слушавший его нахмурившись, резко приказал:

– Скажи Хорхе – пусть организует поиски того человека, – и отвернулся.

Рафаэль Эрнесто увидел, что отец необычайно бледен.

Когда Пабло ушёл, дон Эрнесто положил руку на плечо сына и с грустью сказал:

– Вот и ещё две смерти... Сынок, ты долго меня слушал, а теперь я хочу послушать тебя. Будь добр, расскажи мне, куда ты со своей сестрой ездил в такую холодную ночь? Кстати, как чувствует себя Алетея Долорес? Когда вы вернулись, у неё был нездоровый и какой-то странный вид. Должно быть, она возле тела доньи Хулии?

– Не знаю, – вконец расстроенный, произнёс Рафаэль Эрнесто. – Я долго ждал её, но она так и не пришла, чтобы попрощаться с бабушкой Хулией.

– Не пришла? – переспросил граф, и вдруг он медленно поднялся со скамьи, замороженно глядя куда-то мимо головы Рафаэля Эрнесто.

Юноша в страхе обернулся и увидел, что сюда бежит, как недавно бежал Пабло, девушка-служанка по имени Елена, которую граф временно назначил вместо Мауры присматривать за Алетеей Долорес.

Элена не кричала издали, как это делал Пабло, но то, что она сильно испуганна, заметно было сразу.

Рафаэль Эрнесто похолодел: без всякого сомнения, Елена несла какое-то страшное известие.

Оба графа, не сговариваясь, вышли ей навстречу.

– Сеньорита Алетея Долорес не встаёт с постели, – упав на колени, проговорила девушка и залилась слезами. – Я отвела её отдыхать, как Вы велели, сеньор... И думала, что она спит... Но сеньорита спала долго... Я осмелилась её будить, потому что... потому что сеньорита ещё не была у тела доньи Хулии... А донья Алетея Долорес не просыпается...

– Что ты говоришь?! – закричал Рафаэль Эрнесто, хватая служанку за плечи.

– Ах, сеньор! У доньи Алетеи Долорес сильный жар! Она мечется и... и не просыпается. Должно быть, простудилась... – и Елена ещё горше заплакала.

– Чёрт побери! Тебе следовало сначала бежать к доктору Амадео, а не сюда! – Рафаэль Эрнесто был вне себя. – Отец! – повернулся он к графу и вдруг забыл всё, что хотел сказать.

Лицо доня Эрнесто было серым, глаза широко раскрыты. Граф сделал судорожный вдох и схватился за грудь. Рафаэль Эрнесто не дал ему упасть. Поддерживая отяжелевшее тело отца и с отчаянием глядя в его запрокинутое лицо, юноша с безумной надеждой просил:

– Отец! Не умирай! Ты не можешь нас оставить! Отец! Скажи хоть что-нибудь!...

И граф де Ла Роса, словно повинувшись просьбе сына, с трудом выдохнул всего одно слово:

– Род... ри... го...

Элена в ужасе закричала и побежала прочь, а Рафаэль Эрнесто, опустив бесчувственное тело графа на траву, стал торопливо расстёгивать на его груди камзол. Пуговицы не слушались дрожащих пальцев, и юноша изо всей силы рванул их...

Сердце графа молчало.

Угасла последняя надежда. И хотя из-за туч пробилось долгожданное, яркое и горячее летнее солнце, Рафаэль Эрнесто не заметил этого. Его душа погрузилось в холод и мрак большого горя.

Он бережно поправил на груди отца камзол, пригладил его волосы и твёрдо сказал:

– Я всё буду делать так, как ты велел, отец... Прощай! – и он поцеловал высокий лоб мёртвого графа де Ла Роса.

Глава XXI

Герардо с трудом выбрался из ложбины и остановился на возвышении, не зная, как спуститься вниз с такой крутизны.

Нестерпимая боль в голове не утихала, на душе было совсем скверно.

– Эй! Эй! – услышал он вдруг и увидел внизу спешащую к нему сторбленную старуху, носящую странное имя – Безумная Хуана.

Превозмогая боль, Герардо присел на корточки и, цепляясь за попадающуюся под руку растительность, кое-как спустился к деревьям. Дальше идти он не мог.

Тяжело дыша, Хуана добралась к сидящему Герардо и со словами: «Ах ты, Господи! Ну, обошлось, обошлось!» – принялась быстро ощупывать его голову. От прикосновений её ловких пальцев Герардо становилось легче.

Безумная Хуана размотала повязку, достала из своей корзинки горшочек с мазью и принялась хлопотать над раной.

Герардо охотно подчинился, почему-то не удивляясь внезапному появлению своей благодетельницы. На какое-то время ему показалось, что он погружается в приятную лёгкую дремоту. Но вот сон сменился явью.

Будто, действительно, пробудившись, Герардо увидел вокруг себя унылый горный пейзаж, окутанный темнотой холодной ночи, ощутил спиной шершавую кору большого тиса и поднял глаза на стоящую перед ним старуху, которая держала руку на его голове. Ясно помня всё, что с ним произошло, Герардо потрогал затылок. Голову снова стягивала тугая повязка, но что-то было не так, как раньше... Санта Мария! Не было боли! Совсем никакой боли!

Безумная Хуана отняла руку от его головы и с участием заглянула в глаза:

– Тебе полегче, сынок?

– Спасибо, madre, – Герардо взял её маленькую руку и прижал к своим губам.

– Что ты! Что ты! – испуганно отпрянула от него Хуана. – Тебе нельзя это делать!

– Почему? – искренне удивился Герардо. – Ведь Вы – моя добрая спасительница.

– Не говори так, – нахмурилась Хуана. – Ты сам знаешь, что тебя спасла не я, а молодые сеньоры.

– Молодые сеньоры лишь забавлялись ночным приключением, – резко ответил Герардо и поднялся с земли.

– Замолчи! – топнула ногой старуха. – Не смей плохо говорить о Ла Роса! – её глаза гневно засверкали из-под косматых бровей, даже большая бородавка на носу сердито задрожала.

Но Герардо не думал сдаваться. Едва он вспомнил сцену в поварской, как новый прилив ярости захлестнул его.

– Нет, madre, это Вы не говорите мне ничего хорошего о Ла Роса! – с вызовом воскликнул он. – Всё хорошее зачёркивается одним бесчеловечным поступком. Madre, ведь Вы ворожея, Вы знаете прошлое и будущее, почему же Вы ничего не знаете о том, что граф де Ла Роса наказал поварёнка плетью...

Герардо не договорил, потому что Безумная Хуана вдруг схватила его одной рукой за рубаху, а другой ударила по губам. Не дав юноше опомниться, она закричала, наседая на него и заставляя отступать:

– Твои глаза и твои уши обманули тебя! Ты видел жестокосердных воинов, да ведь они чужие! Они служат своему сеньору, они никогда не были даже под тенью имени Ла Роса! Ты слышал проклятия графу, да ведь они вырывались из уст злобного, лишённого ума и сердца завистника! В своей гордыне ты поспешил осудить Ла Роса и по глупости совершил большой грех – ответил чёрной неблагодарностью на святую тревогу за твою жизнь, идущую из глубины добрых сердец.

Прижатый Безумной Хуаной к дереву, Герардо слушал гневные речи старухи и с ужасом думал об одном: неужели она говорит правду, и всё, что он видел и слышал в замке, всё, что наполнило ненавистью его сердце, оказалось чудовищным недоразумением по отношению к людям, носившим имя Ла Роса?!

– Madre! Madre! – Герардо вдруг опустился на колени перед Хуаной. – Скажи, что ты не обманываешь меня! Нет?... Я верю тебе, верю... Значит, в смерти мальчика сеньор граф не виноват?

В его глазах было столько мольбы и отчаяния, что Безумная Хуана смягчилась. Она положила ладони на его широкие плечи и с жалостью сказала:

– Ох, силен Дьявол! Даже тебе пытается заморочить голову. Ну, да я тебе помогу. Нет, сынок, граф ни в чём не виноват. Зло совершилось за его спиной. Никто из рода Ла Роса в жизни своей не сделал ничего дурного... Сынок, поклянись, что никогда больше не станешь думать об этих людях плохо.

– Клянусь, – тихо ответил Герардо. – Клянусь именем Господа нашего Иисуса Христа... Санта Мария! Madre! – в сильном волнении он схватил её за руки. – Научи меня, как загладить вину! Я обидел молодого сеньора и сеньориту грубыми словами. Что я должен сделать, чтобы они простили меня?

– Ох, сынок, – Хуана покачала головой. – На этот вопрос ответит только твоё сердце. Я и так уже слишком много сказала. С тобой Господь Иисус, – она перекрестила его и заставила подняться с колен. – А теперь пойдём в деревню. Пока не готов твой дом, поживёшь у меня.

* * *

Приближалось утро. Ворожея ушла в соседнюю деревню по своим делам.

Полусогнувшись в низенькой хижине, Герардо развёл огонь в очаге и, ожидая, пока нагреется вода в котелке, принялся разглядывать травы, мази и настои Безумной Хуаны.

В дверь несмело постучали.

– Войдите! – откликнулся Герардо, и на пороге появилась молодая женщина в яркой одежде.

Герардо узнал Клементу. Залившись румянцем, она теребила дрожащими пальцами небольшой узелок и от волнения не знала, что сказать. Выжидательный взгляд Герардо и вовсе привёл её в замешательство.

– Что тебе нужно? – наконец спросил юноша.

– Я... вот... принесла, – невнятно пробормотала Клемента.

– Тебе нужна Безумная Хуана? – решил помочь ей Герардо. – Она вернётся не скоро. Приходи позднее.

– Нет, нет! – испугавшись, что её выпроводят, воскликнула Клемента. – Мне совсем не нужна Безумная Хуана. Я... я пришла к тебе, Санта-Мария.

– Как же ты узнала, что я здесь?

– Видела... Не спалось, и... увидела, как тебя вела Хуана... Что с твоей головой, Санта-Мария?

– Тебе это совсем ни к чему знать, – недружелюбно сверлил её чёрными глазами Герардо.

– Санта-Мария, не будь таким! – взмолилась Клемента. – Я как увидела, что у тебя голова обвязана, покой потеряла... Ты нужен мне, только о тебе и думаю... Вот собрала кое-что из еды... возьми... выздоравливай скорее, – она несмело положила свой узелок на стол.

– Спасибо, Клемента, – серьёзно ответил Герардо. – Но только ты зря на меня рассчитываешь.

– Я тебе совсем не желанная? – расстроилась молодая женщина.

– Совсем, – отрезал Герардо.

– Но... ты же меня не знаешь, как ты можешь так говорить?

– Послушай-ка, Клементы, – Герардо подошёл к ней и крепко взял за локоть. – Пойми – ты мне не нужна. Бросай взоры в любую другую сторону, только не в мою. Обижать тебя не стану и заботу твою сейчас приму. Но если ты ещё раз подойдёшь ко мне ближе, чем на десять шагов, то пожалеешь об этом.

– Санта-Мария! – Клементы залилась слезами и вцепилась в рубашку на груди Герардо.

Внезапно юноша обнял её за плечи и усадил рядом с собой на скамью. Робкая надежда засветилась на залитом слезами лице Клементы. Герардо с грустью посмотрел на неё и сказал:

– Не хочется быть грубым, но как же растолковать тебе, что насильно мила не будешь. Мне нужна не ты, нужна другая. Только ей принадлежит моё сердце. А душа моя и плоть неразделимы. Разве можно думать об одной, а ходить к другой? Не любя ты мне, Клементы, не желанна. Потому прошу тебя по-хорошему: оставь меня в покое, не приставай, нехорошо это. Послушайся, если не хочешь, чтобы я вовсе стал тебе врагом.

– Нет, Санта-Мария, нет! Только не врагом!

– Ну, вот и договорились.

– А ты можешь сказать, кто твоя невеста? – после паузы решила спросить Клементы.

– У меня нет невесты, – грустно покачал головой Герардо.

– Значит, та, которую ты любишь, не любит тебя?! – воскликнула гостья.

Герардо неопределённо дёрнул плечом и не ответил.

– Кто она, Санта-Мария? – допытывалась Клементы. – Она осталась там, откуда ты пришёл? Или уже здесь кого-то приметил?

– Клементы, – нахмурился Герардо, – больше я тебе ничего не скажу и не сердись на меня... И вообще тебе пора идти. Я хочу отдохнуть.

Женщина покорно встала и пошла было к двери, но вернулась. В её глазах опять стояли слезы, губы дрожали.

– Санта-Мария, поцелуй меня, и я больше никогда-никогда к тебе не подойду.

Герардо не ответил, поднялся со скамьи и отошёл к очагу, где уже закипела вода.

Обливаясь слезами, Клементы стремительно выбежала. Дверь резко хлопнула. Невысокое пламя в очаге мгновенно погасло.

Расстроенный, Герардо сел за стол и, подперев кулаками скулы, стал смотреть в маленькое окошко, за которым уже совсем рассвело. Разве он мог знать всего несколько минут назад, что раньше, чем самому себе, он откроет тайну своего сердца этой испорченной деревенской женщине! Казалось, даже имя Клементы оскверняло пробудившееся в его сердце светлое, робкое чувство. Только сознание собственной вины омрачало его, и это нестерпимо жгло душу Герардо.

– Алетея Долорес... – впервые решился вслух произнести юноша. Невыразимая тоска наполнила его сердце, заставила сторбиться и уронить голову на скрещённые на столе руки. – Алетея Долорес! Я сделаю всё, чтобы вернуть твоё расположение... Какой же я болван, Санта Мария! Ты спешила ко мне на помощь, а я... посмел сказать такое! Если бы не ты и не твой брат, то не видел бы я сейчас это небо, пусть серое, но живое – с птичьим криком и порывами ветра...

Только в эту минуту Герардо до конца осознал, от какой бездны его спасли участливые руки молодых сеньоров, и вдруг подумал, что неосознанно считает себя равным им, что к имени «Алетея Долорес» не прибавляет «сеньорита»...

– Madre Хуана права, – прошептал Герардо, – в своей гордыне я зашёл слишком далеко... О Господи! Помогите мне!.. Я не знаю, что мне делать и как жить дальше... Но только... Я уже не смогу жить без неё. Не забирай у меня мечту, Господь Иисус! О большем я просить Тебя не смею...

За окном пробежали какие-то люди. Дверь широко распахнулась, и взволнованный крестьянин, кажется, по имени Хосе Вивес, закричал с порога:

– Madre Хуана! Беда!

Увидев Герардо, он изумлённо застыл, загораживая проход ещё несколькими толпившимся за его спиной крестьянам.

– Санта-Мария, и с тобой что-то приключилось? – указал он на повязку Герардо. – А Безумная Хуана? Где она?

– Её позвали в Сигуэнью.

– О Господи! Да что же делать?! Пропадёт девчонка!

– А что случилось, Хосе?

– Беда у нас, Санта-Мария. Мою соседку Инеситу мачеха толкнула в огонь. Уж не знаю, каким чудом она поднялась из очага, но только одежда на ней загорелась, и она выскочила во двор. Я увидел, поймал её и затушил пламя... С нею сейчас моя мать. А проклятую тетку Лусию женщины за волосы потащили к церкви. Туда сейчас собирается народ, будем её судить... И что это Хуана так не вовремя ушла! Бедняжка сильно обгорела. Не померла бы!

Мысль Герардо работала быстро.

– Послушай, Хосе, послушайте, люди, – обратился он к вошедшим, среди которых было много уже знакомых ему лиц. – Сегодня ночью madre Хуана передала мне своё умение врачевать. Вы разрешите мне помочь несчастной? Я знаю, что смогу это сделать.

Крестьяне, поражённые его словами, некоторое время молчали. Наконец они зашумели:

– Д это здорово, Санта-Мария!

– Другого выхода всё равно нет.

– Мы тебе верим. Если можешь – помоги!

– Тогда не теряем ни минуты! – Герардо быстро выбрал на столе два горшочка с отварами, взял с нижней полки у двери завернутый в грубый холст ком жира и, повязав на голову по-крестьянски платок, поспешил вслед за Хосе Вивесом и крестьянами на помощь пострадавшей.

Во дворе и в доме Хосе, куда привели Инес, толпилось много народа. Крестьяне были возбуждены. Возмущались жестокостью Лусии, жалели многострадальную сироту, с нетерпением выглядывали знахарку, чтобы побежать наконец к церкви, где должен состояться суд над преступницей.

Все знали, что Хосе Вивес с товарищами пошёл за Безумной Хуаной, и были удивлены, когда он вернулся в сопровождении чернобородого молодого пришельца по имени Герардо Рамирес, или, как его уже окрестили с лёгкой руки Санчо Риверы, Санта-Мари.

По двору поползли приглушённые разговоры:

– Хуана – в Сигуэнью.

– Говорят, она научила Санта-Марию...

– Поможет ли он?

– Всё-таки лучше бы женщина или какая-нибудь старуха, ведь девчонка обожгла грудь...

– Ну, чего ты разнылась? Санта-Мария – толковый парень, это сразу видно.

– Бывают и мужчины-знахари...

У двери перед Герардо и Хосе молча расступились. В доме женщины встретили молодых людей с недоумением. Тётка Соледад, мать Хосе, выслушав сына, замахала руками:

– Нет, нет! Куда это годится! У девочки больше всего пострадала грудь. Инес не захочет показать её мужчине.

– Madre, перед врачом нужно отбрасывать всякое стеснение, – серьёзно сказал Герардо. – Кроме того, время идёт. Как бы моя помощь не запоздала. Пропустите, madre, – и он вежливо, но решительно отстранил со своей дороги растерявшуюся Соледад.

Девушка была в окружении причитавших женщин. Она неподвижно лежала на спине, укрытая до самого подбородка большим куском тонкого холста.

– Все – из комнаты! Быстро! Быстро! Ведро холодной воды! Давайте его сюда. Скажите, пусть ещё принесут. Нужна холодная вода, – командовал Герардо, и люди, чувствуя его силу и уверенность, подчинялись, поспешно выполняя все приказания.

Огромные серые глаза испуганно следили за ним со скамьи. Герардо поставил на пол ведро с водой и, встретившись с девушкой взглядом, улыбнулся ей. Инес зарделась.

– Только не бояться, – с улыбкой погрозил пальцем Герардо. – Знахаря нужно слушаться. Сейчас мы снимем с тебя холстину.

Инес вытащила наружу руки и судорожно вцепилась в свое покрывало.

– Нет, Санта-Мария, нет! Лучше я подожду бабушку Хуану.

– Хорошо, – согласился Герардо, – но ожоги нужно поливать холодной водой, иначе они с каждой минутой становятся всё глубже. Ткань прилипла к твоей груди, значит, обгорела кожа. Мы будем ждать madre Хуану и поливать тебя водой. Ну-ка, вставай и становись вот в этот таз, сейчас я его придвину.

– Но на мне совсем нет одежды, – запротестовала Инес. – Моё платье сгорело...

Герардо окинул взглядом комнату. Вот сундук, где, должно быть, есть одежда, но он заперт большим замком, а ключа нигде не видно. Звать хозяйку не хочется. Герардо, быстро расстегнув и сбросив собственную рубаху, протянул её девушке.

– Возьми, обвяжись, как юбкой, а я пока отвернусь. Скажешь, когда будет готово.

Стараясь не стонать от обжигающей боли, Инес кое-как поднялась, обвязалась рубахой и шагнула в пустой таз, придерживая на груди прочно приклеившуюся к ней холстину. Боль опоясала всё тело. Кусая губы, Инес робко позвала:

– Санта-Мария!..

От холодных струй боль затихала, но стоило Герардо отойти к двери за следующим ведром, как боль вспыхивала с новой силой, и казалось, её нельзя уже терпеть. Стоя в наполненном водой тазу, Инес изрядно продрогла. У неё начался озноб, зубы мелко застучали, пальцы, прижимавшие к телу мокрый и тяжёлый холст, занемели, ногти приобрели синюшный оттенок.

– Ну, вот что, – нахмурился Герардо, внимательно следивший за ней, – так дело не пойдёт. Ну-ка, прими руки, ткань уже отмокла, её можно снять, давай её сюда, – и он, не обращая внимания на слабое сопротивление Инес, осторожно отсоединил холст от обожжённой кожи.

– Дайте чем-нибудь вытереться, – крикнул он заглядывающей в дверь Соледад и, приняв от неё большое полотенце, повесил его себе на плечо, затем подошёл к бледной, измученной болью Инес, легко выставил её из таза на плетёный коврик, размотал с талии девушки свою намокшую рубаху; словно ребёнка, быстро вытер Инес, запоминая места ожогов, и уложил в постель, накрыв до пояса одеялом.

Она больше не сопротивлялась. Чувство покоя и уверенности в том, что этот большой, сильный человек поможет справиться с мучениями, наполнило её душу.

Герардо оторвал большой кусок от холста, снова приложил его к груди девушки и стал понемногу поливать из принесённого с собой горшочка каким-то красноватым отваром. Боль, хотя и осталась, но уже была не такой жгучей и острой.

– Ну, вот, примочки из коры ивы тебя быстро поднимут на ноги, – с удовлетворением сказал Герардо. – А теперь покажи мне волдыри на руках.

Положив ещё в нескольких местах куски холста, пропитанные всё тем же красноватым отваром, Герардо сел на краешек постели больной и, улыбнувшись, сказал:

– Поправишься не скоро, но будешь такой же красивой. Главное – не пострадало лицо, и твой парень тебя не бросит.

– У меня нет парня, – потупилась Инес.

– За этим дело не станет, уверяю тебя.

– Мне никто не нужен, – вдруг сердито буркнула Инес.

– Это потому, что ты ещё совсем молоденькая. Сколько тебе? Тринадцать?

– Шестнадцать! – с вызовом ответила Инес. – Просто я такая уродилась – маленькая и некрасивая. А теперь и вовсе – тело изуродовано и коса... Ты видишь, как обгорела моя коса?! У меня теперь совсем короткие волосы.

Герардо, с удивлением слушавший её возмущённую речь, вдруг увидел, что большие глаза девушки наполнились слезами; она, схватив подушку, накрыла ею своё лицо и там, под подушкой, горько и безутешно заплакала.

– Ну, что ты, Инес, так и задохнуться можно, – с жалостью сказал Герардо, силой отобрал подушку, снова уложил больную и поправил компрессы.

– Теперь я и вовсе не буду нужна *ему*, – в голосе Инес звучали горе и отчаяние, слезы всё лились и лились из глаз-родников.

– Кому, девочка? – осторожно спросил Герардо и, видя, что она колеблется, взял её руку в свои большие ладони и серьёзно добавил: – Если ты доверишься мне, я постараюсь излечить и твою душевную рану.

На какое-то мгновение на лице Инес вспыхнула надежда, будто она увидела в Герардо всесильного мага и чародея, но в следующую минуту девушка с грустью покачала головой.

– Спасибо, Санта-Мария, но здесь ты не сможешь мне помочь, – немного успокоившись, сказала она. – Ни Господь Иисус, ни Дева Мария не хотят, чтобы *он* полюбил меня. Я осмелилась просить Пресвятую Деву, чтобы *он* немного обратил на меня внимание, но, видно, это был грех, потому что ко мне пришла вот эта кара. Огонь едва не достал до моего сердца. Может быть, мне не надо было подниматься из очага?

– Ну, что ты говоришь! – воскликнул Герардо. – Думать так – вот большой грех! Все мы в руках Господних. Кто знает, как повернётся твоя жизнь?.. Впрочем, может быть, знает madre Хуана. Ты спрашивала её о своём будущем?

– Нет, я боюсь услышать плохое. Лучше жить надеждой, что *он* хотя бы иногда посмотрит на меня или даже улыбнётся мне... А знаешь, Санта-Мария, *он* однажды разговаривал со мной и посадил на своего коня, потому что я переделась пастушком, и *он* принял меня за мальчика...

– Инес, – в голове Герардо мелькнула догадка, – ты говоришь... о молодом сеньоре?

– Нет! – тотчас воскликнула девушка, но густая краска стыда и смущения предательски залила всё её лицо, от лба до подбородка. Инес с ужасом понимала, что эта краска выдаёт её, но ничего не могла поделать. Однако удивительно глубокие, спокойные глаза странного крестьянина смотрели на неё с таким пониманием и сочувствием, что Инес вдруг отчаянно захотелось открыть ему свою изболевшуюся душу.

– Ты угадал, Санта-Мария: я говорила о сеньоре... Рафаэле Эрнесто, – взволнованно произнесла девушка, и её глаза лихорадочно заблестели. – Но об этом никто не знает... А если узнают, будут смеяться надо мной, потому что это... и правда смешно... – она горестно умолкла и отвернулась.

– Нет, Инес, это совсем не смешно, – тихо проговорил Герардо. – Сердце выбирает само, мы не властны над ним, а знаешь, почему?

– Почему? – снова повернула к нему лицо Инес.

– Потому, что руку Судьбы, зов Судьбы может узнать только сердце. Ты не хочешь спрашивать у madre Хуаны о своей жизни – это хорошо. Но твоё сердце тебя зовёт и тянет безудержно именно к этому человеку. Разве дон Рафаэль Эрнесто не достоин сильной и чистой любви? Подумай, Инес, может быть, в трудную для него минуту именно твоё горячее сердце спасёт молодого сеньора де Ла Роса... И потом, я где-то читал, что сильное чувство рождает взаимность...

– Герардо! Герардо! – Инес приподнялась на постели. В эту минуту девушка почти не чувствовала боли. Стиснув большую руку крестьянина, она с мольбой заглянула в его лицо: – Ты смеёшься надо мной? Ты говоришь серьёзно? Взаимность!.. Об этом я боюсь даже мечтать...

– А ты не бойся. За любовь всегда стоит бороться.

– Тебе легко говорить, Герардо, у тебя такого не было, – упрекнула Инес.

Какую-то минуту Герардо колебался. Не в его правилах было рассказывать малознакомому человеку о своих чувствах. Но эта милая девушка, почти ребёнок, попавшая в ужасную беду, думала не о том, что её жизнь находится в опасности, а о том, удостоит ли её вниманием, подарит ли ей свою белозубую улыбку юный дон Рафаэль Эрнесто, граф де Ла Роса, родной брат светловолосой красавицы с лицом Ангела и чудным именем *Алетия Долорес*.

Герардо почувствовал незримую связь между собой и лежащей перед ним в компрессах девушкой, которая с удивительным терпением переносила боль. И будто давнему другу, вымученно улыбнувшись, Герардо сказал ей:

– Раньше не было... Да вот недавно... угораздило... и не лучше, чем тебя...

Бледные губы Инес изумлённо приоткрылись. Она во все глаза смотрела на Герардо, пытаясь прочитать в его лице подтверждение своей догадке.

Санта-Мария кивнул:

– Да... да... сеньорита... – дальше говорить он не мог – перехватило дыхание.

Инес растерянно улыбнулась и хотела что-то сказать, но в эту минуту дверь широко распахнулась, и в комнату, преодолевая сопротивление охранявших больную женщин, буквально ворвался мальчик лет десяти.

Он подбежал к постели Инес и упал на колени. Мальчик тяжело дышал, хватая ртом воздух, было видно, что он бежал издалека, без передышки, словно торопился сообщить какое-то важное известие.

– Хесус, дорогой, откуда ты примчался? – приподнялась на локте Инес. – Разве тебе не сказали, что меня лечат... вот – Санта-Мария.

Мальчик бросил быстрый, рассеянный взгляд в сторону Герардо и, наконец, заговорил:

– Беда, Инесита, беда в замке, сестричка... Мне не велели говорить тебе.. да разве можно... чтобы ты не знала, – он перевёл дыхание и горестно выкрикнул: – Умер граф дон Эрнесто!

Герардо вскочил и усадил мальчика на постель.

– Как это случилось? Рассказывай! – с трудом сдерживая сильное волнение, попросил он.

Инес молча держала у груди дрожащие руки и во все глаза смотрела на брата.

В комнату вошли несколько женщин. Испуганно прижимая концы платков к губам, они приготовились слушать.

– Там, возле церкви, уже все знают, – взволнованно говорил Хесус. – Пабло прислал двоих конюхов, чтобы рассказали... Такая беда! Такая беда!.. И этот сеньор в чёрном, что ездил по нашей деревне, тоже умер, и его слуга умер, и поварёнок Рамиро – его забили плетьюми слуги сеньора епископа... А отец Рамиро, Муньо, повесился в конюшне у Пабло! Такой грех! Такой грех!.. А добрая донья Хулия! Её кто-то зарезал ночью кинжалом, а кто – в замке не знают... Она была такая добрая, такая добрая! Встретит меня и всегда угостит сладкой лепешкой... – Хесус не выдержал, слезы градом покатились из его больших глаз. – И сеньорита, наша сеньорита при смерти! – громко всхлипнув, продолжал он. – Такая больная! Такая больная! Даже в себя не приходит. Наверно, тоже умрет, – и он в голос заплакал, уткнувшись в подушку Инес.

– Дон Ра... Ра... фаэль... – услышал Хесус слабый голос сестры и, оторвавшись от подушки, всё ещё плача, закончил потрясший всех рассказ: – Один молодой сеньор жив и невредим, а каково ему, бедному!

Женщины, очнувшись от столбняка, заголосили и повалились на колени, протягивая руки к маленькому распятию, висевшему над постелью Инес.

Герардо стоял без движения, не чувствуя, что какая-то женщина дёргает его за штанину, видимо, заставляя также опуститься на колени и горячо помолиться. Обрывки мыслей путались в его голове.

«Умер граф дон Эрнесто... Поварёнка Рамиро забили плетьюми слуги епископа... Сеньорита при смерти... Не приходит в себя... Тоже умрёт...»

– Нет! – громко сказал Герардо. Несколько женщин оглянулись на него.

Он ринулся было из комнаты, но, вспомнив о своём долге, вернулся, поднял с колен Соледад и, выведя её, сказал:

– Я сейчас пойду в замок. Может быть, там понадобится моя помощь. К вечеру снимите с груди девочки компрессы и смажьте обожжённые места жиром, который я принёс. И пусть она ни в коем случае не надевает никакую одежду до тех пор, пока не подсохнут раны. Позднее, я думаю, придёт madre Хуана и сделает ещё что-нибудь. Не жалеите для больной мяса, молока и яиц.

Крики и плач женщин усилились, словно в комнате случилось ещё что-то непредвиденное.

– Дайте мне одежду! – услышал Герардо отчаянный крик Инес.

Широко распахнув дверь, юноша увидел, что Инес сорвала компрессы и теперь сидит на постели, отбиваясь от плачущих женщин.

– Одежду! Madre Соледад! Дайте мне одежду! Я должна... Должна пойти в замок!

– Все – из комнаты! – крикнул Герардо, и крестьянки поспешно вышли, крестясь и утирая лица платками. Не простившись с хозяйкой, они тотчас покинули дом, торопясь узнать ещё хоть что-нибудь об ужасных событиях в замке Ла Роса.

Инес безумными глазами смотрела на Герардо и, казалось, не узнавала его, твердя одну и ту же просьбу об одежде. Тогда он схватил её за плечи и как следует встряхнул:

– Инес! Послушай! Какую тебе одежду!

– Уходи, Санта-Мария! Ты меня не удержишь! – закричала девушка. – Я хочу пойти в замок!

– Если ты немедленно не успокоишься, глупая девчонка, то отправишься не в замок, а на тот свет! – в тон ей закричал Герардо.

– Ну и пусть! Зато я буду сегодня рядом с ним! – Инес враждебно смотрела исподлобья.

– Всего один раз посмотришь на него, а потом в могилу? – агатовые глаза Санта-Марии сверкали гневом. – Так нет же! Я не позволю тебе совершить эту глупость. Будь добра – подлечись немного. Мёртвой ты никому не нужна, а вот здоровой как раз *ему* и понадобишься! Запасайся терпением, дорогая! Научиться терпеть – не просто, но полезно... – он внезапно умолк, ласково погладил волосы девушки с обожжёнными, закрученными кончиками и, глядя в её наполненные слезами отчаяния глаза, тихо добавил: – Береги себя, Инесита, береги *для него*. Никто, кроме тебя, не будет любить *его* так горячо. Мужайся, девочка, и терпи... Я пойду в замок и сделаю всё, что в моих силах. Я не допущу ни одной смерти... Ты мне веришь?

Инес вспомнила о том, что обнажена и в таком виде сидит перед молодым мужчиной. Залившись краской стыда, она нырнула в постель и, спрятав лицо, проговорила:

– Прости, Санта-Мария. На меня нашло какое-то безумие. Обещаю слушаться тебя и буду молить Пресвятую Деву о моём скорейшем исцелении. Иди же в замок, ведь там... сеньорита, она больна...

Рослая фигура Герардо уже была в дверном проёме, когда Инес неожиданно для самой себя быстро перекрестила его спину и только после этого с некоторым облегчением вздохнула.

– Какой он... необыкновенный, – вслух произнесла девушка. Безумная тревога за самого дорогого для неё человека отошла куда-то на второй план, потому что в замок отправился Герардо Рамирес... Тот, кто может помочь в любой беде.

– Она легко отделалась, – услышала Инес громкий злобный шёпот.

В углу, никем не замеченный, сидел маленький Хесус.

– Ты здесь? – удивилась Инес. – Что ты говоришь?

– Я говорю, что она... Лусия Гонсалес... легко отделалась.

– Ты о матери?! – ещё выше вскинула брови девушка.

– Её хотели судить возле церкви, – всё так же, с ненавистью, произнёс Хесус, – а тут... тут приехали конюхи. И про неё забыли. Все забыли! А она потихоньку ушла, и теперь уже, наверно, сидит дома да посмеивается, что нам не у кого спросить разрешения судить её. Дон Эрнесто умер, а молодому графу сейчас не до нас... Но ты не думай, Инесита, я за тебя отомщу. Я увидел, что с тобой сделалось... Я сам её убью!

– Хесус! Дружочек! Что ты говоришь?! Опомнись! – вскричала Инес. – В своём ли ты уме – говорить такие вещи о родной матери?! Это грех!

– Грех – если она останется без наказания, – возразил Хесус. – И какая она мне мать? Подумай сама. Моя добрая матушка, и сестра, и даже отец – это ты! И за тебя я всё равно отомщу, – Хесус сказал это так твердо, что душа Инес на какое-то мгновение замерла. – У тебя кожа висит и запах, как будто поросёнок жареный... Ну, ладно. Я пойду, ты скорее поправляйся. Сейчас я позову тётку Соледад, а потом приду и расскажу тебе, что там в замке. И вообще буду приходить и рассказывать, – и он, поцеловав сестру в щёку, исчез за дверью.

Глава XXII

Едва Герардо отворил калитку подворья Вивесов, как увидел бегущих по дороге Хосе и Санчо.

– Что делаешь, Герардо? – издали закричал Хосе. – Новая беда!

Юноша до боли в скулах сжал зубы, он приготовился услышать худшее... «Неужели... неужели... сеньорита Алетея Долорес?..»

– На замок идут сеньоры Мартинес! – подбегая и почти задохнувшись, выпалил Санчо.

Он то сгибался в три погибели, то выпрямлялся, с трудом восстанавливая дыхание после бега.

– На замок?! Сейчас?! – похолодел Герардо.

– Да! – с отчаянием подтвердил Хосе. – Нас предупредил крестьянин оттуда... из деревни Мартинесов.

– Вы уверены, что это правда? – всё ещё не веря услышанному, спросил Герардо.

– Конечно! Крестьянин сказал, что молодые сеньоры, как только услышали о смерти дон Эрнесто, сразу собрали войско, и... они уже подходят к реке! Дон Альфонсо вроде бы заявил, что женится на нашей сеньорите и станет хозяином Ла Роса!

– Пока был жив сеньор граф, – подхватил Санчо, никто не лез на замок, а теперь его нет, и ведь подумайте: прошло всего часа три, как умер дон Эрнесто, а уже объявились первые враги! Эдак скоро некому будет сдерживать новых.

– Как это некому? – гневно сверкнул глазами Герардо. – Что ты говоришь?

– Так ведь будет война, Санта-Мария! – чуть не плача, возразил Санчо. – Мы сообщим в замок, Хорхе Валадас выведет своё войско, наши и чужие воины перережут друг друга, а тут какой-нибудь новый враг, и всё! Некому нас защитить!

Растревоженный Хосе согласно закивал.

Герардо всё обдумал, но объяснять что-то крестьянам – значит терять время, а воины неприятеля уже, может быть, переправились через реку и вот-вот будут здесь.

– Санчо, Хосе, прошу вас: не сообщайте ничего в замок, – быстро заговорил Герардо. – Мы справимся сами. Сейчас идите к людям, и пусть передают друг другу до самых дальних деревень: немедленный сбор с косами, вилами, лопатами на опушке леса, вон там, – он повернулся и уверенным жестом указал на густо заросший участок лесной опушки. – Я сам иду туда. Все должны собраться за час. Ну же! Почему вы стоите? Или мы не в силах защитить Ла Роса?

Санчо и Хосе, словно подстёгнутые, побежали в деревню. А Герардо, бросив тяжёлый, полный ненависти взгляд в ту сторону, откуда должны были появиться враги, привычным упрямым жестом отбросил со лба прядь волос и зашагал в сторону леса.

Крестьяне собирались быстро, их лица были напряжены и полны решимости.

Подобно шелесту ветра, из уст в уста передавалось имя: «Санта-Мария... Санта-Мария... Санта-Мария...» Люди устремляли наполненные доверием взгляды на высокого широкоплечего крестьянина с чёрной бородой и огненными глазами, во всём облике которого чувствовалась сила и уверенность в правильности каждого своего шага.

Санта-Мария отдавал короткие и точные распоряжения, и в считанные минуты были сформированы боевые отряды с командирами во главе.

И вот вдалеке показалось довольно многочисленное войско.

Неожиданно со стороны замка Ла Роса раздался резкий звук боевого рога – это дозорный Валадаса увидел неприятеля.

– Пора, – сказал стоявшему рядом Вивесу Герардо. Повернувшись к крестьянам, он громко произнёс:

– Люди! Есть ли у кого-то страх в сердце?

- Нет!.. Нет!.. Нет!.. Нет!.. – эхом разнеслось по лесу.
- Защитим замок Ла Роса?
- Да!.. Да!.. Да!.. Да!.. – снова откликнулось многоголосое эхо.

Дон Франсиско, не переставая испуганно оглядываться по сторонам, решился подать голос:

– Зря ты это затеял, брат. Нам не одолеть такой укреплённый замок.

– Мог бы остаться дома, с отцом, – досадливо поморщился дон Альфонсо. – Да, замок укреплён, но в том-то моя хитрость и заключается, что мы явимся неожиданно. Граф умер всего несколько часов назад, ещё никто не опомнился, никто, кроме меня! Нас там не ждут, понимаешь ты, осёл? Я от своего не отступлюсь. И замок, и Алетея будут моими!

– Но ведь говорят, что она больна, – робко возразил младший Мартинес.

– Поправится, – пренебрежительно бросил дон Альфонсо. – А если даже и нет, всё равно этим замком буду владеть я!

Дон Альфонсо с удивлением заметил мертвенную бледность на лице брата, его перекошенное от ужаса лицо, впившиеся куда-то вперёд вытаращенные глаза. И тут дон Альфонсо увидел огромную толпу крестьян, вооружённых вилами, косами, топорами, мотыгами, лопатами...

Почти правильными рядами сотни крестьян молча и уверенно всё шли и шли навстречу его войнам, полностью заняв дорогу, ведущую к замку.

Этого дон Альфонсо никак не ожидал. Его воины были неплохо обучены военному делу, но драться с таким странным противником!.. И потом – на стене Ла Роса уже протрубили тревогу. Конечно, если бы не эти проклятые крестьяне, он попытался бы штурмом захватить замок, но теперь... неужели придётся уходить восвояси?!

Машинально двигаясь вперёд и даже изредка прищипывая коня, дон Альфонсо встретился с идущим впереди крестьян могучим бородачом. Оба войска остановились. Воины Аутодефенса, подчинявшиеся приказу, но в глубине души осуждавшие своего сеньора, с восторгом смотрели на хмурые крестьянские лица и очень надеялись, что дон Альфонсо теперь отдаст приказ повернуть обратно, тем более, что дон Франсиско от страха вот-вот лишится чувств.

– Моё почтение сеньорам Мартинесам, – насмешливо произнёс бородач, и дон Альфонсо тотчас узнал дерзкого танцора, которого он видел на недавнем празднике в Ла Роса.

– Какого чёрта! – взревел он. – Убирайся с моей дороги!

– Только я, сеньор? Хорошо, – крестьянин повернулся к своему спутнику. – Хосе, оставайся командовать людьми вместо меня. Сеньору Мартинесу моя внешность неприятна.

– К чёрту! – снова заорал взбешённый дон Альфонсо. – Все убирайтесь с моей дороги!

Крестьянин-предводитель, нарочито прикидываясь простачком, глянул себе под ноги, будто что-то там рассматривая, и с удивлением заметил:

– А дорога-то наша! Ваши дороги, сеньор, находятся по ту сторону реки.

Дон Альфонсо схватился было за рукоятку своего меча, но в ту же минуту по толпе крестьян пронёсся гул недовольства, послышались отдельные возгласы:

– Что ты с ними любезничаешь, Санта-Мария!

– Разреши выпустить кишки этим жирным свиньям!

Лес крестьянского оружия наклонился в сторону незваных гостей.

– Альфонсо, поворачивай отряд! – взвизгнул дон Франсиско, с ужасом разглядывая вилы перед самым своим носом.

Разразившись громом проклятий, дон Альфонсо махнул рукой, и воины повернули назад.

Слыша гул недовольства за спиной и понимая, что крестьянам очень хотелось пустить в ход своё оружие, Герардо повернулся к отряду и крикнул как можно громче, чтобы его услышали в самых отдалённых рядах:

– Братья! Пролить чужую кровь – это грех! Вы совершили святое дело – отстояли свою землю и замок Ла Роса и при том не согрешили. Господь Иисус видит это и наградит каждого из вас. Не ожесточайтесь сердцем! Ведь и вы тоже подвергались опасности, а дома вас ждут семьи, и близкие хотят видеть вас живыми. Расходитесь по домам, друзья мои! А если понадобится, мы соберёмся снова.

– Так, Санта-Мария!

– Хорошо говоришь!

– Только скажи, и мы сразу придём! – ответили одобрительные голоса.

Лица крестьян просветлели, и уже с улыбками обсуждая только что произошедшие события, люди стали расходиться. Некоторые на прощание махали рукой своему одиноко стоявшему на дороге предводителю. Санта-Мария, улыбаясь, отвечал им тем же.

У одного из дворов группа крестьян встретила Безумную Хуану. Старуха шла, придерживаясь за изгородь, одобрительно кивала головой и что-то бормотала.

– Madre Хуана, куда Вы запропастились? – окликнули её несколько крестьян. – У нас тут столько событий: и бедняжку Инес Лусия толкнула в огонь, и сколько несчастий в замке, и врагов только что прогнали.

– Знаю, всё знаю, – прошамкала беззубым ртом старуха. – Но теперь есть кому вас защитить.

– Правда? – удивились крестьяне.

– Наверно, она говорит о Господе и о Святой Деве, – предположил кто-то.

– Господь Иисус даёт вам веру и направляет по истинному пути, это так, – закивала головой Хуана. – А веления Господни претворяет человек, которого вы зовёте Санта-Марией. Обратите свои взоры и души к нему. Он вас спасёт. А мне уже недолго осталось, обо мне забывайте. Чем идти за помощью, за любой помощью к Безумной Хуане, лучше идите к Санта-Марии. Он излечит от всего и поможет во всём. Помните об этом и не предайте его самого в трудную для него минуту! – старуха вдруг нахмурилась и погрозила крючковатым пальцем. – Слышите? Не предайте! Не предайте! А о будущем больше не спрашивайте! Никому ничего не скажу! – и быстро пошла вдоль изгороди, сердито постукивая клюкой.

Крестьяне переглянулись.

– А ведь нас всех сегодня, и вправду, спас Санта-Мария, – заметил один.

– Кабы не он, мы бы сейчас слушали штурм замка, и воины Ла Роса падали бы со стрелами в груди, – подтвердил другой.

– Со смертью сеньора графа все враги объявятся, а молодой граф совсем ещё мальчик, – поддержал третий. – Воинам Хорхе пришлось бы туго, а Санта-Мария собрал всех нас, и теперь пусть только кто-нибудь сунется!

– Санта-Мария – парень что надо! И почему мы должны его предать, как говорит старуха? Я лично буду слушаться его во всём.

– Я тоже. Жизни не пожалею. Прикажет Санта-Мария умереть, значит, так надо, даже раздумывать не буду.

– Какие раздумья! У него такая светлая голова. Мы, бестолковые, и сегодня могли бы натворить глупостей, а он всё правильно говорил, всё верно! Надо передать слова Хуаны другим, она зря не скажет.

– Надо передать, – согласились крестьяне. – Хотя мы и без неё уже выбрали Санта-Марию своим вожаком.

– Это так, но пусть о словах вещей старухи никто не забудет. Похоже, нас ждёт ещё много испытаний.

* * *

Воины Ла Роса вместе со своим военачальником стояли на крепостной стене замка и не могли прийти в себя от увиденного. Мощный отряд крестьян, вооружённых орудиями труда, – это было что-то небывалое.

Рядом с Валадасом стояли Рафаэль Эрнесто и Пабло Лопес.

– Какое коварство, сеньор, – заговорил наконец Хорхе, обращаясь к молодому графу. – Я о Мартинесах: это их флаг красовался впереди отряда!

– Я узнал, – кивнул Рафаэль Эрнесто. – Но каковы наши крестьяне! Не ожидал.

– Я тоже, – подтвердил Хорхе.

– Крестьяне очень любят Вас, сеньор, – растроганно проговорил Пабло, – как и все мы. Они узнали о Вашем несчастье, дон Рафаэль Эрнесто, и решили Вам помочь. Они всегда будут защищать Вас.

– Хотел бы я знать, кто организовал людей. Должно быть, это необыкновенный человек, – задумчиво ответил Рафаэль Эрнесто.

– Да ведь это Санта-Мария, сеньор! – воскликнул Пабло.

– Санта-Мария? – с удивлением повторил молодой граф. – Никогда прежде не слышал такого странного для мужчины имени... Даже от Леты не слышал.

– Разве Вы не узнали его, сеньор? – в свою очередь удивился Пабло. – Так крестьяне из деревни Ла Роса прозвали Герардо Рамиреса, – и он с гордостью добавил: – Его чёрную косынку и чёрную бороду я узнаю даже издалека – у нас молодые крестьяне бороду не носят.

– Я тоже узнал Рамиреса, – подтвердил Хорхе. – Такая гордая осанка и сильные плечи.. Вы правы, сеньор, это необыкновенный человек, – он посмотрел на Рафаэля Эрнесто и поразился внезапной перемене в его лице: синие глаза юноши зажглись ненавистью, усы нервно запрыгали над верхней губой, на прикушенной нижней губе проступила кровь.

Не ответив, Рафаэль Эрнесто круто повернулся и побежал вниз по винтовой лестнице, громыхая по железным гулким ступеням ножами большого меча.

Хорхе и Пабло сокрушённо переглянулись.

– Тяжело он переносит своё горе, – покачал головой Хорхе. – Я воспитал его воином, но, по сути дела, он ещё ребёнок.

– Как ты можешь осуждать молодого сеньора, – упрекнул Валадаса Пабло. – Быть неспиаемым в такой беде – это выше человеческих сил! Дон Рафаэль Эрнесто и так хорошо держится.

– Да, Пабло, это верно. И я совсем не осуждаю – ты напрасно так говоришь, я его понимаю, – Хорхе с грустью похлопал по плечу старого конюха и добавил: – Ну что же, дружище, передай от меня горячую благодарность всем нашим крестьянам и особенно Герардо Рамиресу, или – как ты его назвал?

– Санта-Мария, – подсказал, улыбаясь, Пабло.

– Санта-Мария, – тоже улыбнувшись, повторил Хорхе. – А кстати: почему такое странное прозвище?

– Так его окрестил Санчо Ривера.

– А, этот болтун! – воскликнул Хорхе. – Но почему «Санта-Мария»?

– Это любимая поговорка Герардо. Чуть что – «Санта Мария!» Вроде как ругаться не хочет, а когда рассердится или удивится, призывает Святую Деву. Думаю, что это не грех, и Богородица на такого человека, как Герардо Рамирес, не обидится.

– Очень занятный этот Санта-Мария, – задумчиво согласился с Пабло Валадас. – У меня такое чувство, будто нам послал его сам Господь... Смотри-ка, он, кажется, собрался нас навестить! Видишь, идёт в сторону замка? Дай-ка, спушись, хочю поговорить с ним, – сделав воинам

движение рукой, означавшее: «Перестаньте глазеть на деревню и займитесь своими делами», – военачальник отправился к сторожевой башне у ворот.

И только один человек с ненавистью думал о Рамиресе – дон Рафаэль Эрнесто де Ла Роса.

– Мерзавец! Негодяй! – быстро шагая по аллее сада, говорил вслух молодой граф. – Из-за тебя все мои несчастья! Если бы я не покинул замок в ту ночь, я не допустил бы смерти бабушки Хулии! Из-за тебя моя любимая сестра лежит сейчас на смертном одре, а сердце моего отца не выдержало всех свалившихся на нас бед!.. Как же! Защитил замок! Мои воины могли бы легко сделать то же самое! Выскочка! Наглец! Будь ты проклят и лучше не попадайся мне на глаза!

– Сеньор! Сеньор! – услышал он женский голос позади себя. К нему бежала Елена, всё та же Елена, от сообщения которой скончался его отец. Не понимая, что делает, Рафаэль Эрнесто выхватил меч и в бешенстве закричал:

– Если ты скажешь, что моя сестра умерла, я отрублю тебе голову!

– О сеньор! Нет! Это не так! – перепуганная служанка упала на колени. – Совсем наоборот! Сеньорита пришла в себя и зовёт Вас...

Забыв вложить меч в ножны, Рафаэль Эрнесто повернул в сторону Главной башни. Уже выйдя из сада, он неожиданно увидел, что в раскрытых воротах замка появился ненавистный бородач и что его радостно приветствует военачальник замка Ла Роса.

Обуреваемый желанием крушить всё и вся на своём пути, Рафаэль Эрнесто ринулся к воротам. Самым обидным было то, что Хорхе, его друг и воспитатель, в эту минуту тряс руку его заклятому врагу!

– Ты, смельчак, шагни-ка мне навстречу, – Рафаэль Эрнесто выбросил вперёд руку, и остриё меча коснулось груди Рамиреса.

– Сеньор, что с Вами? – удивлённо спросил Хорхе, но юный граф не услышал его голоса, он видел лишь чёрные глаза, нос с горбинкой, прядь волос на высоком лбу и короткую бороду.

Рафаэль Эрнесто наступал. На жёлтой рубахе Герардо проступило яркое пятно крови. Воины вокруг напряжённо молчали. Рафаэлю Эрнесто очень хотелось, чтобы крестьянин сказал ему что-то злое или сделал бы так, чтобы он мог со спокойной совестью на глазах у всех заколоть его.

Но во взгляде Рамиреса не было ничего, кроме сочувствия ему, графу де Ла Роса. Более того, он медленно отступал под натиском острого меча. Ворота замка всё ещё были открыты, и вскоре оба они оказались на подъёмном мосту.

Внезапно Рафаэлю Эрнесто стало плохо. Видя перед собой пятно крови, он вдруг вспомнил, как его меч вошёл в тело Хуана, и приступ дурноты подступил к самому горлу. Всё вокруг наклонилось, сместилось, поплыло, ускользая из-под ног.

Рафаэль Эрнесто рухнул на мост, выронив меч. Хорхе Валадас бросился было к нему, но Рамирес властным движением руки остановил его.

Он заботливо склонился над юношей и приподнял его голову.

Мгновение забытья прошло, и Ла Роса с удивлением увидел чернобородое лицо, не помня ничего из того, что произошло минуту назад. Он помнил только, что почему-то ненавидел этого человека.

– Сеньор, Вам грозит безумие, – сказал вдруг крестьянин. – А ведь Вы теперь единственный близкий человек для сеньориты де Ла Роса. Что будет с нею, если Вы не возьмёте себя в руки и отдадитесь во власть страстям и ненависти?

Слова Рамиреса словно протрезвили молодого графа. Мир вокруг снова стал реальным, и Рафаэлю Эрнесто стало стыдно от того, что его меч лежит на дороге далеко от него, да и сам он мало похож сейчас на воина и вообще на достойного человека. Он резко вскочил на ноги и хотел оттолкнуть руку Герардо, но вместо этого ухватился за неё, потому что его голова снова закружилась.

Герардо наклонился и подал ему меч.

– Простите меня, сеньор, – тихо попросил он. – Простите... за ту ночь в горах. Я глубоко заблуждался и вёл себя недостойно, даже отвратительно. Я ненавижу сам себя... Простите, Бога ради! Вы так нужны всем нам! Ведь Вы – граф де Ла Роса. Не дайте Дьяволу овладеть Вашей душой и Вашим разумом. Сегодня я видел в Ваших глазах безумие. Умоляю Вас: не смотрите на меня как на врага. Я хочу помочь Вам! Вам и Вашей сестре, сеньор...

При упоминании о сестре Рафаэль Эрнесто вздрогнул и подумал: «Зачем я слушаю этого человека? Говорит, будто завораживает. Всё равно он виновник всех моих бед. По его милости Лета простудилась в горах, а теперь он хочет помочь? Интересно, чем? Нет, ему не втереться ко мне в доверие. Может быть, это и есть сам Дьявол? Глаза-то какие! Такой черноты я ещё не видел...»

– Позвольте мне поговорить с лекарем доньи Алетеи Долорес, – услышал Рафаэль Эрнесто голос Рамиреса и, с усилием прогоняя от себя желание принять его помощь, упрямо сказал:

– Нет! Доктору Амадэо не нужны советчики. А ты... Тебе я советую держаться подальше от замка. Не испытывай моё терпение! – и, со стуком вогнав меч в ножны, круто повернулся и пошёл к воротам.

Герардо стоял на мосту и смотрел ему вслед. Слезы душили его, и он не стал их сдерживать, позволив литься по щекам. До боли в сердце ему было жаль уходящего от него, не простившего его молодого воина, совсем ещё мальчика, мужественно переносящего обрушившееся на него горе. Не только жалость, но и обида жгли сердце Герардо, обида на страшные недоразумения и глупые, непонятные обстоятельства, по вине которых дон Рафаэль Эрнесто теперь, скорее всего, считает его виновником тяжёлой болезни доньи Алетеи Долорес. Несомненно, сеньорита простудилась именно в ту холодную ночь, но разве он, Герардо Рамирес, этого хотел?! Почему ему не позволяют помочь ей? Ведь он знает столько целебных трав, он прочитал столько трудов знаменитых медиков древности!.. Что же делать? Нет, сидеть сложа руки он не будет! Он передаст настои и мази кем-нибудь из крестьянок. Но кем? Матерью Хосе Вивеса? Нет, пусть madre Соледад занимается бедняжкой Инес.

Перед внутренним взором Герардо возник образ молодой женщины с корзиной в руках. Клементы... ну что же, в конце концов, можно попросить и её.

Не теряя больше времени на раздумья, Герардо провёл широкой ладонью по лицу, стирая не только слезы, но и гнетущее настроение, и отправился в деревню.

Глава XXIII

Утренний воздух был прохладен и чист. Стада белых облаков, удивительно похожих на больших барашков, всё плыли и плыли без конца в голубизне неба.

Открытое лицо с высоким лбом и спокойными мёртвыми чертами было обращено к ним, но закрытые глаза уже не могли увидеть этих кудрявых весёлых барашков, неподвижная грудь не могла насладиться утренней свежестью...

Гроб с телом покойного графа де Ла Роса установили на крепостной стене. Рядом почивала вечным сном Хулия Дельгадо, не принявшая при жизни графского титула, но занесённая посмертно в книгу «История рода графов де Ла Роса» как мать графини доньи Эсперансы, бабушка графа дона Рафаэля Эрнесто и графини доньи Алетеи Долорес, как вторая мать графа дона Эрнесто Фернандеса де Ла Роса.

Тела остальных умерших разместили в один печальный ряд на просторном дворе замка: дон Эстебан Доминго-и-Хименес, его слуга Хуан, найденный в горах, маленький Рамиро и чуть поодаль – его отец, Муньо.

Наступило время похорон. Несколько дней прошло с тех пор, как уехал с отрядом воинов Карлос Валадас, уехал, чтобы привезти нового, пусть временного, но господина, хозяина замка Ла Роса, человека, которого так хотел видеть дон Эрнесто перед смертью, чьё имя было его последним словом...

Глубокая, беспросветная тоска сдавливала сердце Рафаэля Эрнесто. Она усугублялась ещё и тем, что его сестра, едва придя в себя и тоже прошептав всего одно имя, вновь погрузилась в забытё, а доктор Амадэо только растерянно разводил руками и твердил: «На всё воля Господня». При Алетее Долорес неотлучно сидели Маура и несколько служанок, в её комнату по несколько раз в день заходил padre Алонсо, навещал больную и padre Игнасио. Доктор Амадэо приносил всё новые лекарства, пытался поить молоком бесчувственную больную – через соломинку, не спал ни одной ночи с начала её болезни, осунулся и постарел. Но всё было тщетно: ни молитвы, ни старания доктора не возвращали юную графиню к жизни. Она угасала, и Рафаэль Эрнесто в безумной тоске думал о том, что скоро он останется один на этом свете, и то имя, которое повторяла в бреду Алетея Долорес, приводило его в бешенство, это имя было *Герардо*...

Вон его заросшая угрюмая физиономия среди толпящихся во дворе крестьян и мастеровых, его нетрудно отыскать взглядом – выше всех! Силён и здоров, и, наверное, скоро забудет о девушке, которая пожертвовала собой ради спасения его жизни!.. Пришёл, несмотря на запрет показываться в замке! Нет, не сегодня он рассчитается с наглецом, сегодня – похороны отца и бабушки. Но такой день придёт, обязательно придёт, и он, граф де Ла Роса, прикончит ненавистного гордеца, этого крестьянина с медальоном сеньора, прикончит в честном поединке, ведь он не убийца, он просто жаждет мести за отца, за бабушку, за Лету...

– Сеньор Рафаэль Эрнесто, к нам гости, – раздался за его спиной голос Хорхе. – Взгляните.

По дороге, ведущей к замку, ехали две кареты с гербами Эскудо и Аурора, их сопровождали небольшие отряды воинов.

– Не пускать! – воскликнул Рафаэль Эрнесто. – Лицемеров отец не терпел! Я думаю, его душе будет неприятно, если эти две развалины в напускной скорби, а больше из любопытства, подойдут к гробу.

Хорхе отдал тихое распоряжение находящемуся при нём воину, и Рафаэль Эрнесто с молчаливым терпением проследил со стены, как кареты подъехали к воротам, а потом, развернувшись, прогрохотали по мосту в обратном направлении.

– Сеньор, не разрешите ли начинать обряд? – рокочущий бас padre Игнасио заставил юношу вздрогнуть.

– Право, святой отец, я не знаю, – Ла Роса растерянно скользнул взглядом по его большой фигуре. – Пожалуй, делайте, что нужно, там, внизу, а я ещё подожду... хотя бы до полудня.

Padre Игнасио поклонился и ушёл. Вскоре со двора донеслись церковные песнопения и причитания женщин. А Рафаэль Эрнесто продолжал напряжённо вглядываться вдаль, в ту сторону, откуда должен был вернуться Карлос.

Вдруг из-за леса выехала кавалькада. И вот уже большое войско двигалось по направлению к замку Ла Роса.

Рафаэль Эрнесто напрягся: ещё враги? Дозорный выжидательно оглянулся на военачальника: трубить ли тревогу?

– Боже мой! Да ведь это Карлос! Впереди – Карлос! – воскликнул Хорхе.

Теперь и Рафаэль Эрнесто разглядел знамя своего рода в руке переднего воина, вернее, он узнал его по сочетанию цветов, так как изображения на гербе пока скрывало расстояние. Чуть поодаль скакал воин, державший другое, незнакомое знамя. В середине отряда ехала карета, поблескивающая позолотой в ярких лучах утреннего солнца.

Перед отъездом Карлоса братья условились о сигнале, и теперь, уловив ему одному понятное движение знаменем, Хорхе с уверенностью сказал молодому графу:

– Прибыл Ваш опекун, сеньор, – и, не удержавшись, прибавил: – Богатый человек!

– Когда они въедут в ворота, я спущусь, – сдавленным от волнения голосом ответил Рафаэль Эрнесто. Он был рад, что отец ещё не погребён, дон Эрнесто дождался приезда своего давнего друга!

Юноша представлял дона Родриго милым добрым стариком, который обязательно заплачет над телом графа, будет сокрушаться и казнить себя за то, что так и не выбрал времени навестить его при жизни. А потом он, Рафаэль Эрнесто, и дон Родриго, достойный потомок великого Сиды, крепко подружатся, а с таким большим, выросшим вдвое, войском, им не будут страшны никакие враги...

Тем временем авангард многочисленного отряда вступил на мост. Рафаэль Эрнесто жадно всматривался в карету, которая была ещё довольно далеко. Но что-то отвлекало его, что-то, помимо его воли, заставляло тревожиться и с беспокойством, непроизвольно, искать причину непонятной тревоги.

И вдруг Рафаэль Эрнесто понял: это было чужое знамя! Ветер трепал золотистое полотнище с черным треугольным щитом посередине. У щита были полукруглые боковые стороны, а внутри... Внутри – жёлтый вертикально стоящий остриём вниз большой меч, из-за которого выглядывал край солнечного диска с лучами. Один из лучей – наиболее заметный, а всё изображение вместе очень походило на огромную букву R...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.